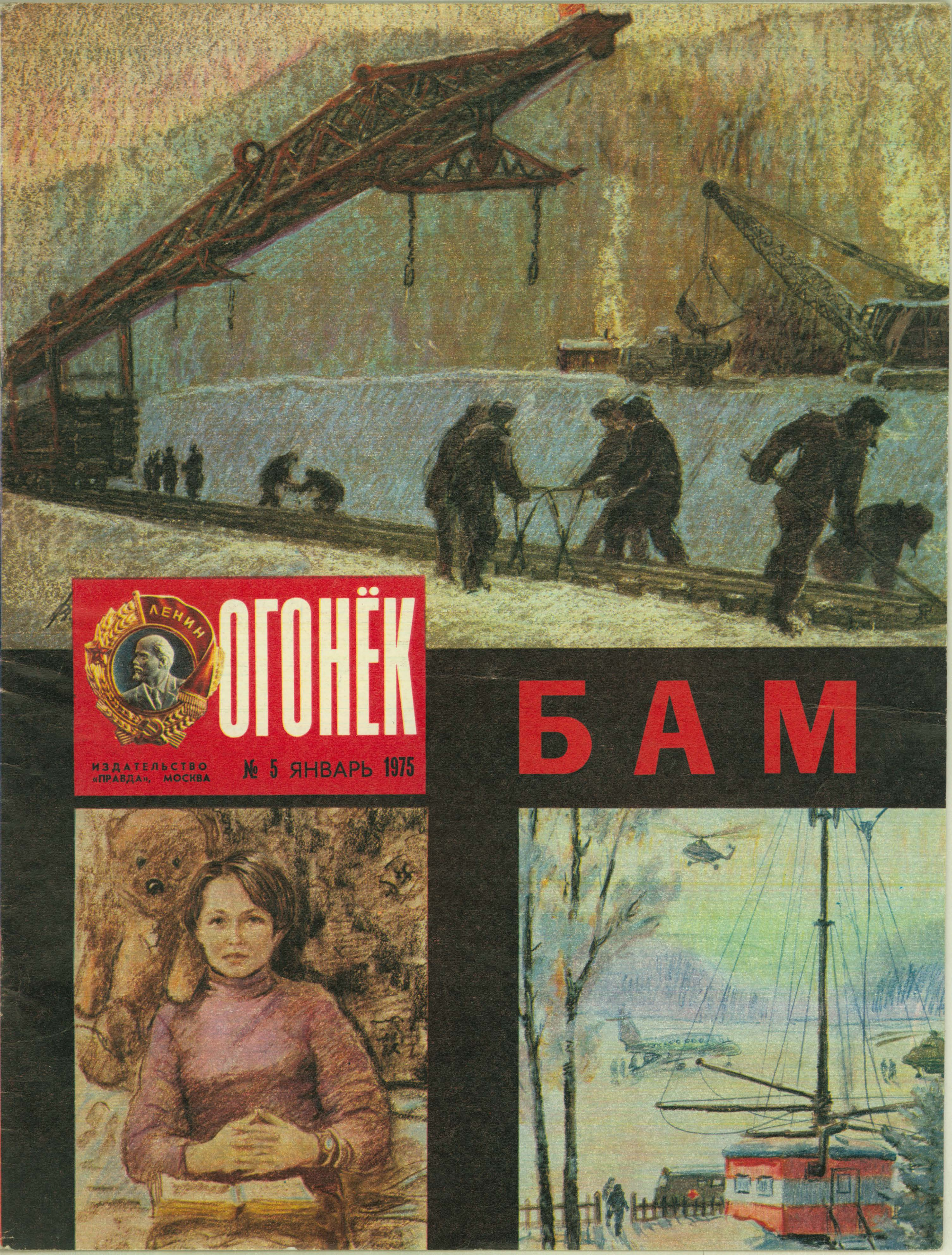

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 5 ЯНВАРЬ 1975
БАМ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 5 (2482)

25 ЯНВАРЯ 1975

РЫБНЫЙ МУРМАН

Улов перекачивается на плавбазу.

Заправка топливом — на ходу.

В ходовой рубке.

Идет обработка рыбы.

У девятиклассников заочной средней школы — урок физики.

Фоторепортаж
В. ЯКОВЛЕВА

Кто-то, перефразировав известную поговорку, в шутку сказал: «Рыба ищет где глубже, человек — где рыба».

А вот рыбаки — народ на словцо весьма острый — в выражении этом юмора не усматривают. Пойди-ка найди ее, эту рыбу, да поймай, да обрабо-

тай, да сохрани и — чтобы план! Не одну неделю помотаешься по морю-океану, и шторму хлебнешь, и в стужу пóтом обольешься. Нелегка рыбацкая доля, морская страда сродни крестьянской. Недаром называют рыбаков пахарями моря. Лет десять назад мне пришлось несколько раз опускаться в гидростате на дно Баренцева моря и своими глазами увидеть там частые глубокие борозды — следы траловых досок. Статистики подсчитали, что с начала массового промысла, то есть менее чем за сто лет, здесь на каждом квадратном километре произведено свыше двух миллионов тралений! Столь активный лов не мог не сказаться на рыбных ресурсах, и теперь мурманским рыбакам приходится уходить на промысел в другие моря и океаны. А коли так, то и порожние переходы удлиняются в несколько раз, и чтобы как-то сократить их, стали создавать плавбазы, обслуживающие до двух десятков судов, ведущих промысел вдали от своих портов. Одна из таких баз носит название «Рыбный Мурман». Это своего рода большой рыбацкий дом. Он снабжает рыболовецкие суда топливом и пресной водой, провиантом и... кинофильмами. Здесь свой пункт медицинской помощи, со стационаром, с рентгеновским и зубоврачебным кабинетами, операционной. Служба быта представлена пекарней, прачечной, ремонтными мастерскими, промтоварной лавкой. Для тех, кто еще не получил среднего образования, работает филиал заочной школы. Плавбаза осуществляет общее руководство промыслом своих «подопечных» судов. Известно, что поймать рыбу — полдела, куда труднее обработать ее. И база значительно облегчает в этом смысле работу промысловиков — здесь в сутки обрабатывается до 300 тонн рыбы. Всего же в свои трюмы плавбаза может загрузить почти пять тысяч тонн мороженой продукции.

На три с половиной месяца ушел «Рыбный Мурман» в рейс, и незадолго до его окончания радио принесло добрую весть: за большой вклад в развитие промышленного рыболовства, достижение высокой эффективности использования флота, успешное выполнение государственных планов и принятых социалистических обязательств по увеличению вылова рыбы и выпуска рыбной продукции Мурманский траловый флот награжден орденом Октябрьской Революции.

Это радостное событие совпало для рыбаков с началом завершающего года пятилетки, и высокая оценка Родиной их труда обязательно скажется в новых планах и новых свершениях рыбаков Мурмана.

Ю. КРИВОНОСОВ

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР АВСТРА

БЕСЕДА Н. В. ПОДГОРНОГО С

17 января Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный принял в Кремле находившегося в Советском Союзе по приглашению Советского правительства с официальным визитом министра иностранных дел Японии К. Миядзаву.

К. Миядзава передал Н. В. Подгорному послание премьер-министра Японии Такэо Мики Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу.

Между Н. В. Подгорным и К. Миядзавой состоялась дружественная беседа, в которой принял участие министр иностранных дел СССР А. А. Громыко. Обсуждались вопросы дальнейшего развития советско-японских отношений, а также международные проблемы, представляющие взаимный интерес.

На снимке: перед началом беседы.

Фото А. Гостева.

ПРАЗДНИК ДРУЗЕЙ

Делегация города Москвы, возглавляемая членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем МГК КПСС В. В. Гришиным, на выставке «Варшава за 30 лет».

Фото ЦАФ — ТАСС.

...ЛИИ В СССР

По приглашению Советского правительства с 12 по 16 января 1975 года в СССР находился с официальным визитом Премьер-Министр Австралии Эдвард Гоф Уитлем.

Премьер-Министр Австралии Э. Г. Уитлем был принят Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным.

Между Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуровым и Премьер-Министром Австралии Э. Г. Уитлемом состоялись переговоры.

В ходе переговоров, проходивших в деловой атмосфере и в духе взаимопонимания, состоялся конструктивный обмен мнениями по актуальным международным проблемам, представляющим взаимный интерес, а также по вопросам советско-австралийских отношений и перспективам их развития. По окончании переговоров было подписано советско-австралийское коммюнике.

Во время визита стороны подписали соглашение о научно-техническом сотрудничестве, а также соглашение о культурном сотрудничестве между СССР и Австралией.

На снимке: подписание советско-австралийских документов.

Фото А. Гостева.

К. МИЯДЗАВОЙ

Торжественно отметила Варшава знаменательную дату—30-летие освобождения польской столицы Советской Армией и Войском Польским от немецко-фашистских захватчиков.

В празднествах принимали участие делегация города Москвы во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем МГК КПСС В. В. Гришиным, а также посланцы Праги и Берлина, советская военная делегация, возглавляемая маршалом авиации С. И. Руденко.

По поручению Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, от имени коммунистов и трудящихся столицы Советского Союза — Москвы В. В. Гришин передал варшавянам, всему польскому народу сердечные поздравления в связи с большим и радостным праздником.

Наш взгляд

СОТРУДНИЧЕСТВО И ПОЛИТИКАНЫ

Владимир НИКОЛАЕВ

Нет порядочного человека без чувства собственного достоинства. И тем более нет народа, который бы не обладал этим чувством. Недаром нормальные отношения между людьми и между народами основываются на взаимном уважении. Это все прописные истины, тем не менее о них говорят и сегодня. Вот, например, мнение американца Д. Кендалла, одного из самых крупных и влиятельных бизнесменов страны, президента компании «Пепсико»:

«Считаю отказ Советского Союза подчиниться условиям, выдвинутым в принятом конгрессом торговом законодательстве, не только оправданным, но и единственно возможным, — условия эти были оскорбительные».

Такого же мнения придерживается множество здравомыслящих американцев. Вот свидетельство газеты «Нью-Йорк таймс», опросившей на днях представителей американских промышленных компаний и банков: американские бизнесмены, и особенно те, кто за последние годы активно включился в процесс развития торгово-экономических связей с Советским Союзом, выражают огорчение в связи с тем, что советско-американское торговое соглашение 1972 года не вступило в силу; в своем большинстве они с пониманием высказываются о позиции, занятой СССР по этому вопросу.

В 1973 году я встречался в США с Д. Кендаллом. Тогда он только что стал председателем правления советско-американского торгово-экономического совета с американской стороны. Кендалл сказал мне: «Весь мир американского бизнеса переживает сейчас полосу известного подъема, возбуждения и надежд. Это результат улучшения отношений между США и СССР».

Вот именно это улучшение советско-американских отношений пришлось не по вкусу определенным силам в США. К таким противникам разрядки относятся военно-промышленный комплекс, реакционные профсоюзные боссы и сионистские круги. Тоскуя о временах «холодной войны» и стремясь повернуть историю вспять, они ведут свою подрывную деятельность по многим направлениям, выступают они и против развития экономического сотрудничества между США и СССР. В последнее время эти враги разрядки напряженности развили поистине бешеную деятельность вокруг законопроекта о торговой реформе.

Дело в том, что правительство США, идя в ногу со временем, разработало предложения об устранении искусственных дискриминационных ограничений на ввоз в США товаров из Советского Союза и других социалистических стран. Еще во времена «холодной войны» США установили для товаров, импортируемых из Советского Союза и социалистических стран, высокие запретительные пошлины. Все остальные 130 с лишним стран мира пользуются при торговле с США льготами, которые дает так называемый статус наибольшего благоприятствования. Это значит, что пошлины на их товары намного ниже, чем на товары из Советского Союза и социалистических стран.

И совершенно закономерно, что правительство США направило на рассмотрение конгресса торговый законопроект, который предусматривал предоставление Советскому Союзу и другим социалистическим странам таких же прав в торговле с США, какими пользуются все остальные государства. Однако именно это более чем логичное и своевременное предложение подверглось атакам упомянутых выше противников разрядки и сотрудничества, глашатаем которых стал сенатор Генри Джексон. Он и явился инициатором внесения «поправки» к законопроекту о торговле. Суть «поправки» сводится к тому, что Джексон и компания ставят развитие торговли между США и СССР в зависимость от их возможности вмешиваться во внутренние дела СССР, в частности, влиять на эмиграционную политику Советского Союза. Американский конгресс, помимо принятия этой «поправки», наложил также ряд произвольных ограничений на деятельность Экспортно-импортного банка США. Так, на ближайшие четыре года общая сумма экспортных кредитов была лимитирована тремястами миллионами долларов.

Итак, это решение конгресса, во-первых, фактически оставило в силе дискриминационный торгово-экономический режим в отношении Советского Союза, и, во-вторых, оно означает попытку совершенно недопустимого вмешательства во внутренние дела нашей страны. Именно так обстоит дело! Не случайно газета «Пакистан таймс» констатирует: «Дискриминационные условия и оговорки, которые были включены американским конгрессом в закон о торговле, нарушают основные принципы международных отношений, как политических, так и экономических». Орган деловых кругов Бельгии газета «Эко де ла бурс» отмечает: «Советская позиция совершенно оправданна. Очевидно и то, что в американских кругах, в частности в кругах крупной промышленности, не разделяют мнения конгресса и упрекают его в том, что он находится под слишком сильным влиянием сионистского лобби в ущерб долгосрочным интересам США».

Да, недаром здесь зашла речь об «интересах США». Газета «Уолл-стрит джорнэл» называет состояние американской экономики «самым глубоким спадом со времени великой депрессии». Разумно ли в такое время именно американской стороне подрывать международную торговлю? Своими дискриминационными действиями конгресс США, пишет американская газета «Дейли уорлд», «принес в жертву возможность обеспечения большего числа рабочих мест для американских трудящихся, когда он преднамеренно саботировал условия соглашения между СССР и США в области торговли». Существенное замечание, особенно если учесть бедственное положение шести с половиной миллионов американских безработных.

Решение конгресса США омрачает атмосферу разрядки напряженности. В сферу политики мира и сотрудничества вторглись политиканы. Наша страна тем не менее продолжает настаивать на положительном развитии советско-американских отношений. Но сотрудничество, как известно, процесс двусторонний и зависит от конкретных дел обеих сторон.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

РЕСПУБЛИКЕ ИНДИИ — 25 ЛЕТ

СВОБОДНАЯ ПОСТУПЬ ИНДИИ

Советские и индийские специалисты на заводе тяжелого машиностроения в городе Ранчи.

Демонстрация молодежи в Дели против происков реакции. Фото автора.

День Республики — самый торжественный национальный праздник. В нынешнем же году он отмечается особо. С 26 января 1950 года, когда Индия была провозглашена суверенной республикой, минуло четверть века.

...В производственном журнале доменного цеха металлургического комбината в городе Бокаро записи: 2 592 тонны, 2 610 тонн... Столько чугуна дает день за днем первая домна гигантского металлургического комплекса, создаваемого в штате Бихар. Рядом с первой уже выросла и готовится к пуску вторая домна, строится третья, закладывается четвертая. В канун нового года начал работать слябинговый стан № 1250. Этого события здесь давно ждали: пока не было слябинга, простаивали мощности для производства стали. Теперь с таким же нетерпением будут ждать ввода в строй цеха холодного проката — гиганта длиной в 1,6 километра. Когда это произойдет, откроется прямой путь к цели первой очереди строительства — производству 1,7 миллиона тонн стали в год. А конечная цель — 10 миллионов тонн ежегодно. Так записано в советско-индийском соглашении от 29 ноября 1973 года. Комбинат, который станет крупнейшим металлургическим предприятием в Юго-Восточной Азии, строится в сотрудничестве с Советским Союзом.

Руководителю группы советских специалистов в Бокаро П. И. Дегтяреву трудно было назвать точную цифру, сколько же сейчас на заводе наших специалистов. «Объектов у нас несколько,— сказал он,— одни строятся, на других идет монтаж, третьи сдаются в эксплуатацию или уже работают, и непрерывно одни специалисты приезжают, другие уезжают на Родину, закончив свое дело...»

Новые предприятия — это не только одна из прочнейших опор в крепнущем фундаменте экономической самостоятельности страны. Бесспорно, новостройки самым непосредственным образом причастны к тому, что за двадцать пять лет промышленное производство в Индии выросло, как и национальный валовой продукт, втрое. Бесспорно, что эти заводы помогают решать острую для Индии проблему избытка рабочих рук. В то же время строительство этих объектов убедительно доказало правильность курса правящей партии Индийский национальный конгресс на энергичное развитие государственного сектора экономики, на ограничение деятельности крупного частного капитала. Опровергнуты утверждения недоброжелателей, будто государственные предприятия обречены на убыточность: вот уже второй год подряд предприятия госсектора в целом дают прибыль. И что, возможно, еще важнее — здесь рождается новый человек Индии, все более осознающий социальную полезность своего труда. В многотысячных заводских коллективах идет также важный процесс ломки многовековых кастовых и религиозных предрассудков.

С востока, из штата Бихар, перенесемся на северо-запад страны, туда, где от исполинского серого треугольника Бхакрской плотины, зажатой в узком ущелье реки Сатледж, расходятся в разные стороны высоковольтные линии электропередач. Вот уже больше восьми лет, как правобережная ГЭС снабжает энергией промышленность и сельские районы северных штатов страны. И радостно было услышать здесь от инженера Р. К. Капура такие слова: «Все мы очень гордимся Бхакрой, это наша национальная гордость. Мы очень благодарны советским друзьям за помощь, за замечательные машины, за то, что они помогли нам построить станцию и тем самым повысить благосостояние нашего народа». Это был один из первенцев гидроэнергетики новой Индии. Сегодня в республике производится почти в десять раз больше электроэнергии, чем двадцать пять лет назад.

Многим может по праву гордиться Республика Индия в день своего двадцатипятилетия. И тем, что сегодня восемь из десяти детей в возрасте от 6 до 11 лет ходят в школу, тогда как британские «цивилизаторы», уходя, оставили неграмотными 84 процента населения. И тем, что индийским ученым теперь по плечу решение сложнейших проблем в самых разных областях наук, включая ядерную физику.

Далось все это республике упорным трудом, в острой борьбе. Партии Индийский национальный конгресс, бессменно стоящей у власти со дня независимости, политическим силам, поддерживающим проводимые ею прогрессивные социально-экономические преобразования, приходилось и приходится преодолевать отчаянное сопротивление со стороны феодально-помещичьих кругов, крупного частного бизнеса, связанного с международным капиталом, сопротивление шовинистических и сепаратистских элементов.

В последние месяцы в стране вновь активизировались правые силы. Спекулируя на экономических трудностях, они развернули шумную антиправительственную кампанию, пытаются подорвать конституционные устои страны, создать атмосферу политической нестабильности, хаоса. В ответ на происки реакции демократические силы сплачивают свои ряды. В авангарде сражения против реакционного альянса, борьбы за демократию и социальный прогресс идет Коммунистическая партия Индии, неутомимо и принципиально выступающая в защиту интересов трудового народа.

Не дают покоя недругам Индии и неоспоримые успехи республики на международной арене, где она завоевала высокий престиж своей независимой миролюбивой политикой, поддержкой борьбы других народов за свободу и национальную независимость. «После освобождения Индия,— отметил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев во время своего визита в Индию в ноябре 1973 года,— во многих отношениях сыграла, можно сказать, новаторскую роль, как бы прокладывая путь независимой внешней политике молодых государств».

Визит Л. И. Брежнева в Индию еще больше укрепил отношения дружбы, взаимопонимания, сложившиеся между Советским Союзом и Индией.

Большое, непреходящее значение не только для СССР и Индии, но и для всего дела мира и безопасности в Азии имеет договор между нашими странами о мире, дружбе и сотрудничестве.

Впереди у индийского народа новый труд, новая борьба во имя процветания и счастья своей родины.

Игорь КОВАЛЕВ

Дели, январь.

Демонстрация жителей Сайгона против антинародной политики марионеток.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ПРЕССЫ

САЙГОН:

Фото из журналов «Ньюсуик» и «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт».

ОТЧАЯНИЕ И КОРРУПЦИЯ

ПАНИЧЕСКИЕ СЛУХИ, НЕУВЕРЕННОСТЬ

Город гудит от слухов. Трудно сказать, что преобладает в настроениях сайгонцев — безразличие или тревога.

В воскресенье группы солдат и студентов обходили город, собирая деньги на устройство «солдатской елки» — операции, задуманной правительственным управлением психологической войны для укрепления «солидарности» между гражданским населением и военнослужащими.

Поперек улиц Сайгона висят транспаранты с правительственными лозунгами, содержание которых время от времени обновляется министром информации, дабы они не отставали от событий.

Однако толпы горожан, которые проходят под этими транспарантами, настолько привыкли не принимать их всерьез, что не обращают на них никакого внимания.

В атмосфере подобной неуверенности и недовольства процветают всякого рода слухи. В воскресенье утром распространился слух о том, что в Сайгон только что прибыл государственный секретарь Генри Киссинджер.

Спустя несколько часов распространители слухов дали поправку: прибыл не Киссинджер, а глава ЦРУ Уильям Колби...

Другие слухи носят панический характер.

Столичные газеты печатают некоторые из этих слухов, а также сообщают о создании специальных разведывательных отрядов южновьетнамской армии, которым поручено «выявлять на месте подрывные элементы».

Сообщение корреспондента агентства Франс Пресс из Сайгона.

ЕСЛИ БЕЖАТЬ, ТО НА ГАВАЙИ

Представители политической оппозиции заявили, что президент Нгуен Ван Тхиеу согласился на Парижское мирное соглашение за взятку в сумме 7 миллионов долларов.

В то же время в южновьетнамском верховном суде было возбуждено дело против жены Тхиеу по обвинению в незаконном присвоении земли.

Обвинение президента Тхиеу в том, что он принял взятку, выдвинуто в документе, подписанном вьетнамцем, живущим в Соединенных Штатах, и распространенном политическими деятелями в Сайгоне «в качестве нового доказательства незаконных денежных операций президента Тхиеу», как заявил представитель оппозиции.

В этом документе, в котором содержится ссылка на "авторитетные круги в Соединенных Штатах", указывается, что в 1972 году США «послали в Сайгон американского генерала с чеком на 2 миллиона долларов для Тхиеу в качестве платы за его подпись под соглашением между ним и коммунистами».

Этот пространный документ был подписан Ле Чи Конгом, председателем «Ассоциации вьетнамцев, живущих в Северной Америке». Документ датирован 18 декабря 1972 года, но был получен в Сайгоне только в конце прошлой недели.

В этом документе указывается, что Тхиеу отказывался подписать соглашение, когда ему предложили эти деньги и виллу на Гавайских островах, ссылаясь на то, что если он подпишет соглашение, то «коммунисты захватят власть и ему придется бежать».

Однако, говорится далее в этом документе, Соединенные Штаты «дали ему еще один чек на 5 миллионов долларов, заявив, что эти деньги предназначаются для благотворительного фонда г-жи Тхиеу».

В верховном суде против жены Тхиеу, Май Ань, выдвинуто обвинение в «незаконном и противоречащем конституции присвоении» 700 акров земли.

Г-же Тхиеу было предоставлено «законное» право на приобретение государственных земель декретом, подписанным премьер-министром. За эту землю была уплачена вьетнамскими пиастрами лишь «символическая» сумма из расчета в долларовом исчислении примерно по 68 центов за акр.

В верховном суде было заявлено, что г-жа Тхиеу нарушила конституцию, которая запрещает супруге члена правительства заключать сделки с правительством.

Сообщение корреспондента Юнайтед Пресс Интернэшнл из Сайгона.

Вот истинное отношение населения Южного Вьетнама к продажному президенту Тхиеу.

Журналисты Сайгона сжигают газеты в знак протеста против жестокой цензуры правительства.

У Знамени Победы — лучшие молодые рабочие страны.

ПОРТРЕТ ПОКОЛ

Вместе с молодежью—легендарный знаменосец Герой Советского Союза М. А. Егоров.
Фото А. Гостева.

В этот день в Москву наконец-то пришла настоящая зима. В густой морозной дымке смягчились острые углы зданий, затушевались и размылись яркие краски. И знакомая до мелочей, до единого, может быть, камня Красная площадь показалась вдруг необычно новой, строгой и торжественной. Такой теперь будут помнить ее пятьсот пятьдесят молодых москвичей, встретивших здесь утро восьмого января тысяча девятьсот семьдесят пятого года. Обычный день, а для них — особый: в этот день они сами прикоснулись к истории.

Пятьсот пятьдесят лучших комсомольцев столицы, лучших молодых ударников пятилетки, шеренгой прошли у кремлевских стен, обнажили головы у входа в Мавзолей. Возложены венки к могиле Неизвестного солдата. А потом — снова Красная площадь, теперь уже на огромной, во всю стену фотографии в зале Победы Центрального музея Вооруженных Сил СССР. И небольшое, скромное, выцветшее знамя — Знамя Победы. Здесь, у легендарного стяга, водруженного 30 апреля 1945 года на поверженном рейхстаге, заслужили право сфотографироваться двадцати — двадцатипятилетние ребята. Они никогда не воевали, но их называют гвардейцами пятилетки. Они не имеют боевых наград, но у многих почетные звания, медали и ордена, полученные за самоотверженный и добросовестный труд. И они достойны великой чести стоять на почетном посту у знамени, освященного кровью их отцов.

...Очередная группа встает в центре зала. Тишина, яркий свет прожекторов. Едва слышный щелчок фотокамеры. Снова шелест шагов по паркету. Всего несколько секунд... На лицах ребят можно прочесть волнение, гордость, напряженное старание все осознать и запомнить. Такой день, и такая минута! Вот еще несколько человек выходят из зала. Многих узнаешь по газетным снимкам. Обувщик Игорь Скриник и работница фабрики имени Бабаева Ирина Бондарева. Они инициаторы почина, который сейчас поддержали десятки тысяч молодых рабочих столицы. Галина Шулепова и Любовь Соколова с «Трехгорки» завершили свои пятилетки в середине прошлого года. А это знатные швеи-мотористки фабрики «Красная швея» Галя Жильцова и Нина Ожогина... Новое знакомство—представители московского ордена Ленина мясокомбината: формовщица Ольга Азарова два года подряд удостаивается значка ЦК ВЛКСМ «Ударник», формовщица Светлана Кравчук — депутат райсовета...

День закончился торжественным митингом, на котором комсомольцев приветствовали первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников, Герой Советского Союза Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян, ветераны труда, представители столичных заводов и фабрик.

На этой встрече молодежь приняла приветственное письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу. В своем ответном послании комсомольцам Москвы — победителям социалистического соревнования Л. И. Брежнев писал:

— Участникам Великой Отечественной войны особенно дорого то, что вы глубоко чтите светлую память павших в боях за Советскую Отчизну, равняетесь на подвиг героев. Уверены, что ваш патриотический призыв в год 30-летия великой Победы работать и за тех, кто остался на полях сражений с фашизмом, подхватит вся молодежь страны.

После москвичей у знамени встали посланцы Ленинграда, затем прибыли представители Узбекистана, Горьковской области... Несколько месяцев будет продолжаться фотографирование тридцати тысяч молодых передовиков. И можно смело сказать, что вскоре будет создан самый необычный в нашей истории документ — фотопортрет целого поколения.

Б. СМИРНОВ

ЛЕНИЯ

ХРАНИТЬ ВЕЧНО!

Когда Владимир Богомолов выбирал тему для своего романа «В августе сорок четвертого...», он заранее мог представить, какой захватывающий интерес вызовет у читателей его книга. Но столь же уверенно можно думать, что воображение автора мало тревожили лавры первописателя глубоко продуманных, тщательно подготовленных, дерзко и во многом успешно осуществлявшихся действий вражеских агентов в нашем прифронтовом тылу — и такой же отчаянной борьбы с ними, сражений если не незримых, не бесшумных, то из крайних сил скрываемых от всех, от своих и чужих.

Да, книга эта удивительно щедро показывает малоизвестные страницы истории войны, причем во всех тонкостях, которые можно рассказать читателю; тонкостях, открывающихся нам не столько даже из многочисленных, до недавних пор бывших «закрытыми» документов, развертывающих огромный фронт работы контрразведчиков, сколько постижением В. Богомоловым глубинной сущности и одновременно самых внешних деталей этой своеобразнейшей профессии. Но все это художнически увидено и отобрано, до пределов уплотнено и живейшим образом воссоздано с тем прежде всего, чтобы мы сумели наново проникнуться опасностью каждого военного мига, грозящего смертью многим и многим тысячам жизней, чтобы мы могли заново прочувствовать и понять великое мужество и ответственность наших людей, отстаивающих свой кров, своих близких, свою землю.

Два этих решающих момента, с большим, с редким мастерством сплетенных В. Богомоловым в художественной ткани книги, держат нас в поразительном напряжении до последней страницы романа. При этом «В августе сорок четвертого...» — совсем не обычный детектив, это даже не образец для детективного жанра. Детектив неизбежно упрощает действительность, роман В. Богомолова — это подлинная правда.

Тройка «чистильщиков» — капитан Алехин, старший лейтенант Таманцев и лейтенант Блинов—получает задание обнаружить и обезвредить шпионскую группу, действующую в тылу 1-го Прибалтийского фронта и передающую противнику важные агентурные сведения. «Чистильщики» — это профессиональные контрразведчики, специально тренированные, чтобы долгими сутками, в любую непогоду вести «стационарное наблюдение»; не растеряться ни на секунду, которая решает вопрос жизни или смерти, при «силовом задержании»; артистически «бутафорить», неподражаемо «валять ваньку», когда этого требует обстановка; оставаться собранным и сделаться еще более внимательным, если привелось «вытянуть пустышку»; суметь за каких-нибудь десять минут в самых внешне безобидных обстоятельствах «прокачать на косвенных» — поймать на мельчайших неточностях и разоблачить матерого, особо опасного противника...

Многое, очень многое нужно настоящему розыскнику, и очень трудно все это требовать от Алехина, который до войны был агрономом, специалистом по зерновым культурам, а если и умел отличить огуречный сорт «должик» от «траку», то никак не для того, чтобы по огрызку огурца выйти на след банды; и от Таманцева, только с началом войны встретившегося с первым вражеским агентом; и от Блинова, вовсе начинающего «чистильщика». Но война, солдатский долг, беззаветная преданность Родине и, конечно, высокое умение их командиров, среди которых подполковник Поляков — «если не бог, то, несомненно, его заместитель по розыску», сделали их способными решать любые задачи своей профессии. Однако на сей раз и противник у них достойный.

И пока они делают все возможное и невозможное для отыскания «момента истины», в наше сердце и наше сознание с каждой новой страницей романа все пронзительнее входит опасность и мужество их военной работы.

Писатель на первых же страницах напомнит, если забыли, что война, всякая война — явление необычное, не укладывающееся в разум: это когда Алехин в разговоре с Васюковым, председателем совсем недавно восстановленного сельсовета, заметит, что у его сынишки «из короткого рукава рубашонки выглядывала необычно маленькая багровая культя», и капитану, не сентиментальному и повидавшему всякое, сделается не по себе. И тогда же Богомолов вновь покажет нам, что и люди, наши люди, которые сражались против фашистов, тоже были необычными — советскими людьми.

Васюков, представляющий Советскую власть в этой округе, кишащей бандами, сам с еще не зажившими ранами, остается на посту и будет стоять до конца:

« — Я только думаю: ну, а в случае чего — что вы сможете?

— Все!— убежденно сказал Васюков, и лицо его сделалось злым.— Партейный я — живым не дамся!»

Так постепенно все полнее и отчетливее открывается необычайная ответственность дела, которое выпало на войне на долю наших контрразведчиков.

Сначала Таманцев скажет самому себе и нам тоже: «Уничтожай немецких шпионов и диверсантов! Сколько мы их перестреляли... Пока не поумнели. А теперь вот попробуй хоть одного взять не живым, да с тебя три шкуры снимут и в личное дело подошьют».

Затем, когда встанет вопрос о «войсковой операции», то есть о привлечении к поимке шпионской группы тысяч и тысяч не подготовленных для этого бойцов и офицеров, начальник управления контрразведки фронта генерал Егоров будет изо всех сил сопротивляться этой помощи. Ибо «я не то что дивизии — роты с передовой не хочу! И не возьму!.. Могу напомнить: обязанность армии — воевать!.. А ловить шпионов — это моя обязанность! И моих подчиненных!» Ибо «тут есть еще весьма существенный моральный аспект, о котором одни просто не знают, а другие обычно забывают... В случае войсковой операции каждого из этих тысяч привлекаемых необходимо предупредить: это тебе не на передовой; даже если в тебя будут стрелять, даже если тебя будут убивать, ты должен взять их живыми!..».

И, наконец, наступает кульминация,— это когда в Кремле, в Ставке Верховного Главнокомандующего, окончательно выясняется, что дальнейшие действия трех или четырех непойманных агентов могут сорвать и даже привести к краху стратегический замысел, от которого с каждой стороны зависит судьба чуть ли не миллиона солдат.

Фигура И. В. Сталина, нарисованная писателем на этих страницах,— одна из наиболее интересных и глубоких по проникновению в чело-

---

Владимир Богомолов. В августе сорок четвертого... «Новый мир» №№ 10—12, 1974; М., «Молодая гвардия», 1974, 432 стр.

вечеcкий характер как в самом романе, так и вообще в наших книгах, где авторы обращались к воплощению той или иной стороны этого чрезвычайно сложного образа. Мысли Верховного о сверхроли внезапности в боевых действиях и скрытности их подготовки обнаруживают существенные качества его прозорливости и одновременно объясняют многое в его неумолимости.

Верховный отпускает на завершение дела «Неман», которое почти в течение месяца не могло увенчаться успехом, только сутки — одни сутки. С этого момента войсковая операция, в которой «на каждого убитого агента обычно приходится несколько убитых и раненых наших военнослужащих»,— эта операция предрешена.

И с этого же момента захватывающее действие романа обретает новый, еще более стремительный ритм, разворачиваясь по трем равнозначительным для идеи книги линиям.

С одной стороны, включается на полный ход гигантская военная машина по проведению операции. С другой — Егоров и Поляков и группа Алехина делают все, чтобы опередить ее начало и, встав на пути агентов, вынудить их раскрыться и заставить работать на нашей стороне. Вот почему с таким высоким, гордым, радостным чувством читаются страницы романа, на которых кропотливейший труд алехинской группы приносит удачу: именно эта тройка встречает шпионов, и Алехин в страшной спешке из пятидесяти имеющихся у него в голове фамилий и примет разыскиваемых все-таки распознает перед собой Мищенко, «представляющего особую опасность террориста, резидента-вербовщика германской разведки, важного государственного преступника»; а Андрей Блинов, «пока еще Малыш», с одного выстрела срежет этого аса шпионажа; а Таманцев свалит второго и склонит к сотрудничеству третьего, так что можно передать условный сигнал: «Бабушка приехала! Гребенка не нужна!..»

И все это разворачивается и происходит на фоне звучащих трагическим диссонансом мыслей и чувств, испытываемых еще одним богомоловским героем — капитаном Аникушиным.

Аникушин — боевой офицер, он случайно, после ранения, оказался в должности помощника коменданта и потому придан — так требует инструкция — группе Алехина. Для него, проведшего три года на передовой, проявившего себя с лучшей стороны в самых тяжелых ситуациях, эти трое — обыкновенные «особисты», откровенно им презираемые за то, что отсиживаются в тылу, спят, по его мнению, чуть ли не круглый год да еще кормятся так, точно они в госпитале или летчики. И в этом своем отношении к ним он почти невиновен, ибо о розыскниках, ввиду величайшей секретности их работы, он мало что знает, а вот об «особистах» наслышан немало и даже имеет определенный собственный горький опыт. Все это, вместе взятое, его знание и незнание делают Аникушина невосприимчивым к подстерегающей группу опасности, из помощника контрразведчиков превращает в постороннего и даже недоброжелателя и в конце концов приводит к ненужной и трагической гибели. И эти же самые знание и незнание теперь благодаря роману В. Богомолова обретают в нашем сознании свои истинные, действительные пропорции.

Имя писателя Владимира Богомолова не часто появляется на страницах журналов и обложках книг: писатель на редкость взыскателен к своему творчеству. И потому многие читатели могли уже запамятовать, как пятнадцать примерно лет назад обожгло их суровой правдой богомоловского «Ивана». «В августе сорок четвертого...» — новая правда о войне, о том, какой ценой, каким потом и кровью добывается торжество жизни. А правда, воплощенная в совершенных образах, даже если в ней есть и немало горечи, прекрасна. Вот почему прекрасна и новая книга Владимира Богомолова.

«Хранить вечно» — существует такой гриф на документах особого рода. Теперь после книги «В августе сорок четвертого...» мы можем с высоким душевным теплом сказать, что память о людях, о которых написан роман, не изгладится, не померкнет.

Сейчас, на пороге годовщины нашей Великой Победы, мы уверенно говорим: «Никто не забыт, и ничто не забыто».

Д. ИВАНОВ

Ростислав ЗАХАРОВ, народный артист СССР, профессор, доктор искусствоведения

Ольга Лепешинская

Чем дальше идет время, чем больше нового входит в классический балет, тем чаще вспоминаешь предшественников нынешних мастеров, тех, кто искал и нашел возможность раскрыть в танце неповторимые приметы нашей эпохи.

С начала тридцатых годов начался бурный взлет советского балета, приведший ко всемирному его признанию. Сама жизнь, пафос первых пятилеток, оптимизм народа, его неутомимая тяга к культуре были основой этого взлета. Классический балет стал демократическим искусством, приобрел небывалую популярность. К нему пришло новое содержание, сама современность стучалась в двери балетного театра. Сложнейшие танцевальные партии, насыщенные то глубоким драматизмом, то искрящейся веселостью, исполнялись воспитанниками советской балетной школы легко и непринужденно.

Три балерины, как мне кажется, определили главные особенности искусства советского балета того времени: Марина Семенова принесла ему чистоту и женственное величие классики; Галина Уланова подняла на небывалую высоту лирическую душевность танца; Ольга Лепешинская выразила в танце неистощимую жизнерадостность, комсомольский задор, бодрость народа, открывшего пути в будущее... А все вместе они дали балетному танцу новые огромные импульсы для развития и дальнейших творческих поисков.

Я смотрю на картину А. Герасимова и вспоминаю далекое время. Впервые я увидел Лепешинскую в балете «Три толстяка» в 1935 году. Самобытный талант юной артистки обращал на себя внимание искренностью и юмором, прекрасной техникой. А наша творческая встреча произошла в 1937 году, когда я ставил танцы в опере «Руслан и Людмила». Легкость, воздушность, музыкальность уже тогда были свойственны Лепешинской,— она сразу завоевала любовь зрителей. Артистическая одаренность, способность к глубокому перевоплощению сильно и ярко проявились и в поставленном мною «Кавказском пленнике» и в патриотическом балете «Тарас Бульба»... Особенно же значительной стала наша работа над «Золушкой».

Шел 1945 год — год Победы... Подъем, праздничное настроение переполняли душу народа, и мы искали спектакль, созвучный этим дням. Выбор пал на новый балет Сергея Прокофьева «Золушка». Образ героини в моем представлении сливался с индивидуальностью Лепешинской, которой и предстояло первой исполнить эту роль; всю хореографию партии я сочинил именно с учетом особенностей ее таланта.

Скромная, добрая девушка-замарашка превращалась в очаровательную принцессу, несмотря на все козни злой мачехи и ее дочерей. И все эти краски, все развитие образа нес в себе танец Лепешинской. Тема сказки — победа добра над злом — восторженно принималась людьми, только что вернувшимися с полей битв против фашизма.

Накануне тридцатилетия Великой Победы вспоминаешь о тех днях с необыкновенной отчетливостью, с ощущением живой связи нашего искусства с волной народного ликования...

Дальше мы работали над образами пушкинских героинь в балетах «Барышня-крестьянка» и «Медный всадник». В этих непохожих, даже контрастных ролях снова проявилась многогранность таланта.

Не могу не вспомнить блистательное исполнение Лепешинской главных партий в балетах замечательного балетмейстера В. Вайнонена — «Пламя Парижа», «Щелкунчик» и «Мирандолина». В первом — Жанна, отважная дочь народа, идущая впереди всех на штурм Бастилии. Во втором — девочка, которую сон перенес в сказку, превратил в девушку, впервые узнавшую чувство любви. А Мирандолину Лепешинская исполняла так, будто рождена была для этой роли. Ее дуэт с Ермолаевым можно назвать превосходным образцом актерского мастерства в балете.

Разнообразие репертуара выявило всю полноту творческих возможностей Лепешинской, талант балерины отличали черты веселости, даже бравурности и своеобразный лиризм. Поэтому все ей было доступно: и классическая «Спящая красавица», и веселая, полная юмора «Тщетная предосторожность», и главные партии в советских балетах: «Красный мак», «Алые паруса», «Тропою грома»...

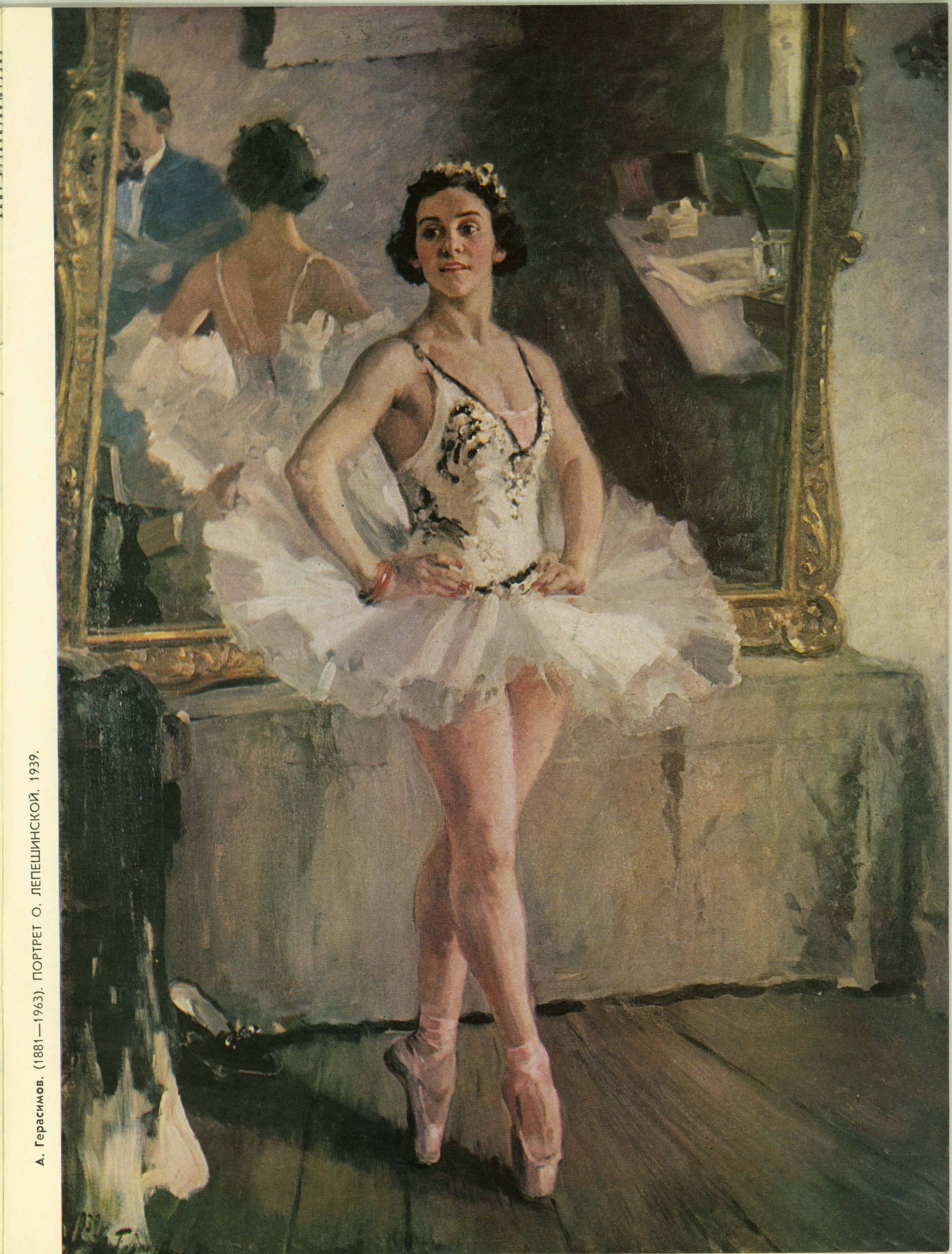
Правду и чувство современности воспитала в Ольге Лепешинской сама жизнь. Еще в хореографическом училище она стала одной из первых комсомолок, затем членом райкома и Московского горкома комсомола. В резиновых сапогах и ватнике опускалась она в тоннели первой очереди Московского метро; рыла котлованы на субботниках; в дружной молодежной ватаге ехала копать картошку... А затем, сменив сапоги на атласные туфельки, легко и непосредственно переносилась в волшебную сказку балета, а иногда и в воплощаемую на сцене современную быль. Вот тогда и сформировались ее взгляды на жизнь, ее позиции в искусстве, свежесть и здоровье ее танцевального мастерства. Ей не надо было «изображать» советских девушек-комсомолок: она сама принадлежала к их числу.

Не могу здесь не вспомнить о спектакле-балете А. Крейна «Дочь народа». Судьба его не сложилась, но он оставил в нашей памяти неизгладимый след. Спектакль был посвящен подвигу девушки-партизанки. Вспоминаю, как в 1947 году на первом Всемирном фестивале молодежи и студентов в Праге мы показали сцену допроса партизанки фашистами. Танец, построенный на сложных, рискованных поддержках, Лепешинская и ее партнеры исполняли с огромной выразительностью, эмоционально. После концерта за кулисы прибежала женщина и, показывая выжженное на руке клеймо, со слезами рассказала, что она сама пережила все то, что увидела на сцене...

...У каждого артиста есть своя, как говорится, «коронная роль». Мне кажется, такой ролью Лепешинской была Китри в балете «Дон Кихот». Когда она вылетала на городскую площадь сценической Барселоны, приветствуемая толпой, невозможно было остаться спокойным. В полной мере раскрывался здесь неповторимый темперамент! Актриса обладала редкой способностью, увлекаясь танцем сама, увлекать и зрителей, которые платили ей неизменной признательностью и любовью.

Пронеслись годы... Короток балетный век. Но Ольга Лепешинская с такой же одержимостью продолжает свою деятельность, посвятив себя педагогике, передавая огромный опыт и мастерство молодым. Балетные труппы Венгрии, ГДР, Италии, Австрии, Швеции и других стран неоднократно приглашали балерину для повышения мастерства своих артистов.

Настоящий патриот своей Родины, Ольга Васильевна Лепешинская отмечена высоким званием народной артистки СССР, отечественными и зарубежными орденами, Государственными премиями. Олицетворяя молодость советского балета, она и сейчас в каждом деле, в каждом творческом свершении остается неизменно молодой.

А. Герасимов. (1881—1963). ПОРТРЕТ О. ЛЕПЕШИНСКОЙ. 1939.

В. Яковлев. (1893—1953).
ПОРТРЕТ НАРОДНОГО
АРТИСТА СССР
М. М. КЛИМОВА. 1935.

Б. СОПЕЛЬНЯК,
Фото А. БОЧИНИНА
специальные корреспонденты «Огонька»

РЕЙС ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Многие, наверное, помнят о движении шоферов-стотысячников. Проехать сто тысяч километров без капитального ремонта и получить право нарисовать на капоте десять звездочек считалось высшей шоферской доблестью... Теперь эта цифра кажется заурядной: грузовики стали мощнее, надежней, долговечней. Ныне на повестке дня другой рубеж — триста тысяч километров без капитального ремонта, причем с минимальными затратами на запасные части.

Автомобилисты столицы — коллективы автозавода имени И. А. Лихачева, Главмосавтотранса и Центрального научно-исследовательского автомобильного и автомоторного института (НАМИ) — заключили договор о соревновании и научно-техническом сотрудничестве. Только при таком комплексном подходе к вопросам эксплуатации и улучшения качества автомобиля «ЗИЛ-130» можно добиться трехсоттысячного пробега, решили они.

Сегодня «Огонек» рассказывает о первых результатах этого сотрудничества, о ходе соревнования, о трудностях, стоящих перед «трехсоттысячниками».

ТАМ, ГДЕ КОНЧАЕТСЯ АСФАЛЬТ

За рулем шофер 1-го класса автокомбината № 26, кавалер ордена Ленина Н. Н. Смирнов. На прицепе железобетонные плиты для строек Конькова-Деревлева. Машина загружена до предела, но «ЗИЛ-130» ходко бежит по улицам Москвы. И вот что удивительно: несмотря на напряженное движение и множество светофоров, наш грузовик ни разу не остановился у перекрестка — Николай Никитич так вел машину, что мы ни разу не выбились из «зеленой волны». И вдруг резко взвизгнули тормоза! До стройки рукой подать, многоэтажные дома Конькова-Деревлева в каких-то ста метрах, но добраться до них невозможно.

— Пойду клянчить трактор,— вылезая из кабины, вздохнул Николай Никитич.— Эх, дела шоферские! Я ездить должен, возить железобетон, а вместо этого хожу ругаюсь и гроблю машину...

Подошел бульдозер, взял нас на буксир и потащил по буграм, канавам, утонувшим в грязи бетонным блокам. От каждого рывка Николай Никитич болезненно кривился и все больше мрачнел. Кран снял плиты, и бульдозер снова выволок нас на дорогу. Николай Никитич выключил зажигание, горестно обошел машину и, неизвестно к кому обращаясь, воскликнул:

— А вы говорите, триста тысяч километров без капитального ремонта! Да по таким дорогам не наездишь и половины! Неужели трудно сделать подъездные пути к стройке? Ведь работы тут на полчаса: сложить одну к другой плиты, которые валяются рядом, и дорога готова! Эх, вы, горе-хозяева! — махнул он рукой и сел в кабину.

Когда автомобиль снова побежал на завод железобетонных изделий, я сказал:

— На спидометре 280 тысяч километров. Вот сколько вам удалось «накрутить».

Снова загрузились плитами и двинулись в обратный путь... И тут Николай Никитич заговорил:

— За баранкой я с сорокового года. Всю войну колесил по фронтовым дорогам. Доехал до Восточной Пруссии. Была такая песня... Как там?.. Гм-гм... «Мы ж не позабудем, где мы жить ни будем, фронтовых, изъезженных дорог...» Можно сказать, это наш, шоферский гимн... Так что «накрутить» триста тысяч километров, да на такой прекрасной машине, для меня не проблема. А она хоть и рассчитана на триста тысяч километров, но, как говорится, в определенных условиях. И главное среди них — дороги! Вы можете спросить: где, мол, быть хорошим дорогам, как не в Москве?.. Но, во-первых, не такие уж они хорошие. Во-вторых, меня больше волнуют подъездные пути к стройкам. И в-третьих, в Москве машина изнашивается быстрее, чем на каком-нибудь проселке. Перекрестки, светофоры, частые остановки, торможения, переключения передач, пережог бензина... А проехать весь город на «зеленой волне» удается не часто. Опять же специфика груза: наш автокомбинат занят перевозками строительных материалов, а все эти плиты, блоки, трубы, балки громоздкие и тяжелые. Одним словом, машина загружена до предела, а то и сверх нормы. Иной раз так разнесет с горки, что не остановишься... Тормоза слабоваты. Надо бы их усилить. Знаете, что такое «ножницы»? Это когда тормознешь на скользкой или мокрой дороге, а прицеп разворачивается и со всего маху бьет по кабине! Или другой, с позволения сказать, пустяк — стеклоочиститель. Бывает, что в сильный дождь или снегопад стеклоочиститель отказывает: устроен он довольно капризно. Выход один — глуши мотор. Так, кстати, рекомендуют и «Правила дорожного движения». Но ведь на стройках ждут наш груз! Вот и едешь «на нервах»...

Мы прибыли в Чертаново. И снова стройка рядом, а добраться невозможно. Буксовали в грязи, вызывали трактор, едва не оторвали прицеп...

— Видите, что творится! — окончательно расстроился Николай Никитич.— Нет, если к нашему движению «трехсоттысячников» не подключатся дорожники, оно не даст ожидаемых результатов. Это не только мое мнение, а и всех шоферов нашего автокомбината.

Редакция «Огонька» переадресовывает упрек Н. Н. Смирнова и водителей автокомбината № 26 начальнику Главмосстроя Е. Н. Сидорову и начальнику Главпромстроя И. И. Кочетову. Мы надеемся, что начальники главков, успешная работа которых в немалой степени зависит от шоферов, выскажут свое мнение о том, что мешает движению «трехсоттысячников» и объяснят причины отсутствия подъездных путей к новостройкам.

ПУТЕШЕСТВИЕ С «ОГОНЬКОМ»

Когда мы выехали за ворота автокомбината № 16, Евгений Иванович Баранов поинтересовался:

— Вы со мной до Орла или пересядете на встречную?

— Скорее всего пересяду... А что в фургоне?

— В накладной значится: промышленные изделия и журнал «Огонек».

— Выходит, вы... тоже огоньковец?

— И многолетний! Двадцать лет за рулем, стал шофером 1-го класса и все это время, кроме всего прочего, развожу по разным городам «Огонек».

— Тогда будем говорить как коллеги... Меня интересует ваше мнение о движении «трехсоттысячников». Только откровенно,— попросил я, заметив, что Евгений Иванович насторожился.

— Само собой,— не сразу кивнул он и чуточку сбросил газ.— Сколько себя помню, езжу на «ЗИЛах». Хорошая машина. По-настоящему хорошая! Неприхотливая, надежная, всепогодная и вседорожная. Проехать триста тысяч километров, особенно на «ЗИЛах» выпуска 1971—1975 годов, имеющих Знак качества, не проблема. Нам, междугородникам, на первый взгляд это совсем просто: машина работает в постоянном режиме, без частых торможений и переключений передач. Но это только на первый взгляд. Судите сами... В городе автомобиль половину рабочего времени бегает без груза: отвез, скажем, плиты на стройку, а назад порожняком. Мы же без груза практически не ездим. Работаем либо на «плечах», либо по графику. Возьмем, к примеру, линию Москва — Горький. Везем груз до Владимира, оставляем там прицеп или полуприцеп, берем груз, который нас уже ждет, и доставляем его в Москву. А то, что мы оставили, дальше везут горьковчане... Это и есть работа на «плече». Если она четко организована, то ничего лучше и быть не может: ночуешь всегда дома, а машина в гараже.

Неплохо работать и по графику: в одно и то же время из Москвы в Орел, Курск или, скажем, Брянск отправляется автопоезд. В месте назначения шофер сдает груз, получает новый и строго по расписанию выезжает обратно. Именно так мы доставляем комплектующие изделия для автозаводов имени Лихачева и имени Ленинского комсомола. Представляете, какая экономия времени: эти изделия попадают не на склад, а сразу в цех.

Но машине в этих рейсах, если так можно выразиться, достается по первое число. Дело тут тонкое: ведь суть движения «трехсоттысячников» не столько в том, чтобы довести пробег «ЗИЛа-130» до трехсот тысяч километров без капитального ремонта, сколько в том, чтобы при этом израсходовать как можно меньше запчастей на текущий ремонт. Это возможно при одном обязательном условии: грузовик должен регулярно проходить первое и второе техническое обслуживание. По инструкции «ЗИЛу-130» на междугородных перевозках это необходимо через каждые две тысячи двести и одиннадцать тысяч километров пробега.

Когда работаешь на «плече», все просто: машина ночует в гараже, и ее всегда можно почистить, смазать, проверить все узлы. А вот съездил я несколько раз в тот же Орел. По километражу получается, что где-то в пути я должен осмотреть машину и привести ее в порядок, иначе может произойти ЧП. Но в том-то и беда, что ни в одном городе, ни тем более на трассах нет пунктов технического обслуживания грузовых автомобилей! Это очень серьезная проблема, и ее надо немедленно решать. Иначе движение «трехсоттысячников» превратится в одну нервотрепку для

Сегодня у Е. И. Баранова рейс в Орел.

Их ждут строители.

шоферов: дотяну до гаража или не дотяну.

Я уж не говорю об удобствах для водителей. Не помню случая, чтобы во время рейса спал в постели. Двадцать лет ночую в кабине — гостиниц и кемпингов на дорогах мало, и туда не попадешь — все места заняты автотуристами.

Короче говоря, мое мнение такое,— подвел итог Евгений Иванович.— Движение «трехсоттысячников» должно перешагнуть границы Москвы! Иначе эта прекрасная идея не достигнет своей цели и не принесет пользы. Так что не удивляйтесь, если однажды подписчики «Огонька» не получат журнал вовремя: значит, где-то на трассе случилось «запланированное» ЧП, и я тащусь на буксире или занимаюсь саморемонтом.

Редакция «Огонька» обращается с просьбой к министру автомобильного транспорта РСФСР Е. Г. Трубицыну высказать свое отношение к движению «трехсоттысячников». Нам кажется, что замечания и предложения шофера Е. И. Баранова небезосновательны, ведь московские водители доставляют народнохозяйственные грузы в различные города Российской Федерации и вправе рассчитывать на соответствующее отношение и к себе и к автомобилю.

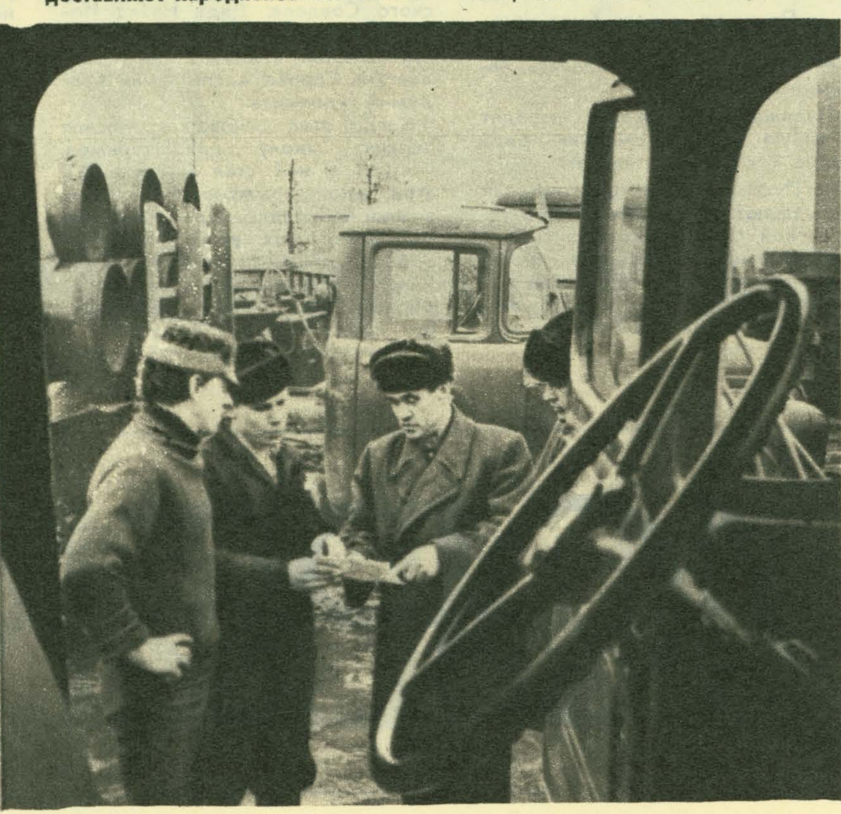
ПРИЕМ ОТКРЫТ

Заместитель главного конструктора автозавода имени Лихачева Б. Я. Сосков сказал:

— Прежде всего надо кое-что уточнить. Чтобы не создалось впечатления, что шоферы всеми силами стараются продлить жизнь автомобиля, конструктивный век которого короток, я должен заявить: грузовик «ЗИЛ-130» рассчитан на триста тысяч километров пробега без капитального ремонта — это если говорить о шасси. Ресурс двигателя — 180 тысяч километров. Так что речь идет не о чем-то трудновыполнимом, а о том, чтобы автомобиль прошел сколько ему положено... Правда, очень важно учитывать условия, в которых он работает. Скажем, дороги Москвы — второй категории, поэтому для пересчета пробега существует коэффициент 0,8. Иначе говоря, в Москве автомобиль должен пройти 240 тысяч километров без капитального ремонта.

Это очень важный нюанс. Мне кажется, руководителям автокомбинатов надо завести для каждого шофера книгу, в которую бы записывали, сколько километров он наездил по той или иной категории дорог. Без такого учета невозможно объективно оценить работу водителя.

Нельзя забывать и о том, что после капитального ремонта ЗИЛ-130 должен пройти еще восемьдесят процентов первоначального пробега, то есть 240 тысяч километров. Здесь очень многое зависит от ремонтников. Надо сказать, что рабочие и инженеры авторемонтных заводов в сотрудничестве с учеными НАМИ делают все возможное, чтобы дать машинам вторую жизнь. Но после того, как автомобиль отработает положенный ресурс, его надо списывать. На этом мы решительно настаиваем, иначе автомобиль превратится в агрегат по перемалыванию запасных частей... Государственный Знак качества, который ЗИЛ-130 получил в июне 1971 года, выдан всего на три года. Если мы не будем улучшать грузовик, Знак качества у завода отберут. Поэтому мы разрабатываем новые модификации автомобиля с ресурсом шасси 350 тысяч километров и двигателя — 300 тысяч километров без капитального ремонта. За годы нашего содружества АвтоЗИЛ внес в конструкцию автомобиля более пятидесяти серьезных изменений: в два раза увеличена долговечность сцепления, в четыре раза — надежность карданных валов и т. п.

Молодым всегда есть о чем посоветоваться с шофером 1-го класса Н. Н. Смирновым.

Годовой экономический эффект от внедрения всех этих новшеств в целом по стране составил около десяти миллионов рублей.

К сожалению, в этом деле есть немало «но». У нас много предприятий-смежников, которые поставляют электрооборудование, резину, сальники и другие узлы и агрегаты. Как это ни печально, они до сих пор не включились в движение «трехсоттысячников» и мало что делают для улучшения качества своей продукции. Будем надеяться, что это недоразумение разрешится,— закончил Б. Я. Сосков.

В тот же день я встретился с начальником Главмосавтотранса Мосгорисполкома Героем Социалистического Труда И. М. Гоберманом, который вот уже тридцать восемь лет руководит автомобильным транспортом столицы.

— У нас трудятся десятки тысяч замечательных водителей. Многие из них включились в движение «трехсоттысячников». Перспективы этого начинания огромны: Главмосавтотрансу оно сулит десятки миллионов рублей экономии, заводу имени Лихачева и НАМИ позволит поднять автомобиль на качественно новую ступень. А с этим связано много других, очень важных вопросов...

Как известно, автомобиль приносит прибыль только тогда, когда он в пути и перевозит какой-то груз. К сожалению, встречаются автохозяйства, где грузовики в течение рабочего дня в движении находятся всего часа три, а остальное время либо загружаются и разгружаются, либо стоят в ремонте. Организация погрузочно-разгрузочных работ зависит от нас и предприятий, с которыми мы связаны, значит, эту проблему можно решить. Но сократить простои из-за поломок, вызванных плохим качеством дорог и конструктивных недостатков автомобиля, мы бессильны. Конечно, своевременное техническое обслуживание — важный фактор, но существуют и конструктивные недостатки грузовика. Ликвидировать мы их не можем, зато можем выявить и указать причины выхода из строя того или иного узла. Для завода это бесценный материал, основываясь на котором он может улучшать конструктивные качества автомобиля. В этом главный смысл содружества коллективов, производящих и эксплуатирующих ЗИЛ-130. Важно отметить, что это не временная кампания, а постоянно действующий союз сотен тысяч автомобилистов столицы.

Мы с удовлетворением узнали о том, что наш почин подхвачен в Белоруссии и Горьком; заключены договоры о творческом содружестве между автозаводами и предприятиями, эксплуатирующими МАЗы и ГАЗы. Подключились к ним и ученые-автомобилестроители.

К сожалению, ни у нас, ни у них в этом важном движении не участвуют дорожники, шинники и нефтяники. Между тем всем ясно, что автомобиль нельзя рассматривать изолированно от дороги, по которой он ездит. Не устраивает нас и качество шин и особенно масел. Мы надеемся, что все организации, как производящие автомобили, так и эксплуатирующие их, учитывая общегосударственное значение движения «трехсоттысячников», примут в нем самое активное участие.

ЛЮДИ БОЛЬШОЙ НАУКИ

МОРЕ НА

Н. МЕЛЬНИКОВ

Первое чувство — удивление. Смотрю на нее, кареглазую, улыбчатую, с мягкими чертами лица, и никак не могу поверить, что это и есть Надежда Григорьевна Шевченко, первооткрыватель большой воды в глубине пустыни. По рассказам разных людей, которых я встречал в путешествии по туркменской земле, мне почему-то рисовалась стройная, сильная, прокаленная солнцем и ветром женщина. Может ли слабый человек почти безвыездно девять лет пробыть в пустыне, разыскать эту большую воду в Каракумах, что искали десятки экспедиций в разное время и не могли найти? Она же открыла целое море под барханами. Так и зовут его люди — «Море Надежды».

Я видел его своими глазами. Пролетали на вертолете над Каракумами и вдруг, словно мираж в песках, в стороне заблестела вода, синяя, приветливая. (Сначала подумал: Каракумский канал. Но нет, откуда ему тут быть, еще не дошел он до Западной Туркмении.) На берегу озера поселок, дальше — «качалки», добывающие воду из-под барханов, и трубопровод в сторону городов Небит-Даг, Челекен, Красноводск... Да, теперь и Красноводск получает чистую питьевую воду из пустыни, отказавшись от привозной, из Баку. Вся вода течет из одного источника — «Моря Надежды». В кавычки я беру это название только потому, что официально оно еще не зарегистрировано, не нанесено на карты.

Как-то не увязываются между собой подвиг этой женщины и ее простой, домашний вид. Тут еще дает о себе знать, вмешивается в нашу встречу обстановка: маленький зеленый ашхабадский дворик, внук в коляске, дети, накрывающие на стол, занятие Надежды Григорьевны — она готовит ужин для семьи. Около мангала мы и ведем разговор. Другого времени, как я понимаю, у нас не будет,— Надежда Григорьевна опять собирается в командировку.

Я представляю невзгоды и лишения, выпавшие на ее женские плечи. Недолго побыть в пустыне — и то испытание. А она сколько лет не выходила из каракумских песков!

Позднее я услышу рассказ о ее молодости. Выпускница Новочеркасского политехнического института сделала решительный шаг — сама попросилась в пустыню, отказавшись от распределения в степные, обжитые места! «Не терплю, когда меня считают слабой»,— сказала она. Как обманчиво ее добродушие! Думаю, и в пустыне она прожила девять лет кряду именно как боец, чтобы доказать другим и себе самой прежде всего свой твердый, неуступчивый в главном характер. Вот такие люди словно выискивают трудности, годами идут к цели без устали, без снисхождения к себе и другим и обязательно приходят. Это особый тип людей — первопроходцы.

— Понимаю, у вас была цель, и она давала вам силы,— говорю я.— Но все-таки настрадались, наверно...

Надежда Григорьевна отводит упавшую на лоб светлую прядь волос, с улыбкой отвечает:

— Пустыня не так страшна, как ее малюют. Хоть родилась я в украинской степи, подружилась и с Каракумами. Изумительно чистая здесь природа. А небо какое высокое, звездное! Были и трудности, конечно, как не быть, но меня они не очень угнетали. Почему? Во-первых, отец вернулся с войны изранен, и я, старшая среди детей в большой сельской семье, его в чем-то заменяла по хозяйству, нагрузки взрослые... С детства узнала, почем фунт лиха. Во-вторых, я вынесла убеждение: пустыня жестока с теми, кто не знает своей цели. Это, пожалуй, главное. Все мне было в пустыне интересно, увлекало, и невзгоды как-то отходили на задний план. Да и не одна я была, тяготы делили поровну, на всю геологическую партию. Воду искали все вместе, и для всех она была делом жизни. А потом, когда нашли, вместе за нее боролись.

— Боролись? За воду?

— Спросите Караша Николаевича. Он больше меня пострадал — два строгих выговора.

Караш Николаевич Иомудский, муж Надежды Григорьевны, подает голос с другой половины дворика:

— Я просто заступился за тебя, Надя. С детства не могу видеть, как обижают слабый пол. Вот и принял на себя синяки и шишки. Как рыцарь.

— Рыцарь-то рыцарь, знаю, но верил: нашли большую воду! Вот и сражался за нее.

— Это правда,— соглашается Караш Николаевич.

Караш Николаевич Иомудский — активное действующее лицо в этой истории, пора с ним познакомить читателя. Начну издалека — с родословной. Прадед — Киятхан был вождем племени иомудов, одного из больших туркменских племен. Дед Аннмухамед на русской службе командовал полком, стал одним из героев Шипки. В ленинградском Эрмитаже есть картина «Подвиг полковника Иомудского». Отец Караша Николаевича тоже полковник русской армии, в революцию круто изменил линию своей жизни, сражался на стороне народа, был членом Реввоенсовета Первой армии Закаспийского фронта, потом первым председателем Красноводского Совдепа. Дядя Назад Иомудский — первый известный туркменский художник, друг Валентина Серова, воспитанник Академии художеств.

Когда отец основал в Москве первую школу для туркмен, учиться в ней стал и Караш. В этой школе-коммуне детишки и знаний набирались и работали. Немало известных ученых, инженеров, артистов вышло из ее стен. У истока своей жизни они как бы держали экзамен на высокую пробу, предъявляемую будущим. А готовил их к нему Николай Николаевич Иомудский, бывший боевой командир, а затем воспитатель, директор необычной школы. И что удивительно: большая культура, кругозор. Выпускник военной академии, Николай Николаевич окончил еще и два университетских факультета — юридический и востоковедения. Жалел, не хватило времени на геологический: под конец жизни увлекала проблема большой воды в пустыне.

Думаю, не случайно Караш Николаевич пошел учиться в Московский геологоразведочный институт: чего не успел сделать отец, продолжил сын. Вся его жизнь — поиски воды в пустыне. Годами искал он эту большую воду, возглавляя экспедиции, скитаясь по всей Туркмении. Трижды прошел земли республики, вел исследования для проектов плотин на Атреке и Мургабе, гидрогеологические съемки на Сумбаре, изучал район будущего Гоедшенского водохранилища. Но все это было как бы вступлением к большой воде. Самая ответственная и в то же время заметная работа — поиски трассы будущего Каракумского канала. Вместе с другими учеными, инженерами Иомудский выбрал эту трассу, рассчитал весь ее большой путь, за что и присуждена ему Ленинская премия.

Еще одним притягательным местом, второй любовью, по его собственному признанию, на туркменской земле было старое, высохшее русло Узбоя. Интерес пробудил также отец. Еще в молодости, разбирая архив Николая Николаевича, сын заинтересовался его геологическими записками. Одна статья, напечатанная в ташкентском журнале «Просвещение», начиналась с пересказа древней легенды.

Султан полюбил красавицу — дочь своего соседа, хана, посватался и получил отказ. Оскорбленный владыка, которому принадлежали воды Аму-Дарьи, открыл плотину и размыл земли хана — берега Узбоя. Туркмены говорят: «Где кончается вода, там кончается и земля, где вода — бедствие, там тоже нет жизни». Вода исчезла...

«Но не могла совсем пропасть,— убежденно писал Николай Николаевич,— ведь была целая река, огромное наводнение: может, ушла куда-то под землю, течет глубоко под барханами или скопилась в потаенных природных резервуарах. Можно и надо ее найти»,— писал он в заключение.

Сына увлекла гипотеза отца, и он загорелся мечтой найти подземную воду. Как бы она пригодилась для растущих в пустыне городов Западной Туркмении, страдающих от жажды! Со временем их напоит большой Каракумский канал, но ждать-то придется годы! Так Караш Николаевич начал искать подземное озеро, искал несколько лет, но безуспешно.

И вдруг из-под барханов, невдалеке от сухого русла Узбоя, из буровой скважины хлынула первая вода. Добыла ее гидрогеолог экспедиции Надежда Шевченко. Вместо радости на глазах у нее Караш Николаевич увидел слезы: «Какая-то дрянь соленая». Она еще не знала, что открытия иногда начинаются с огорчений. Караш Николаевич засмеялся: «Видно, от твоих слез эта соль...»

Он верил в подземное море, как может верить в любое чудо человек, влюбленный в свой край. Верил и начал помогать молодому гидрогеологу. Как же иначе: исполнялась его мечта! Он снял буровые с других участков, передал их партии Надежды Григорьевны. «Ничего, доберемся и до божьего дара»,— сказал он. И верно, пошла пресная, но вперемежку с соленой: пресные воды плавали среди соленых, как отдельные линзы, разными слоями, один лежал на другом. Составили геологическую карту — запасы воды огромные: подземное море протяженностью в шестьдесят пять километров. Потом они выяснили: море глубиной в 30—40 метров. Размеры его как бы еще раздвигались. Сообщили в соответствующие организации: «Нашли большую воду». Последовал ответ: «Что толку от этой воды, если она не годится для питья!»

Караш Николаевич повез в Ашхабад бочку пресной воды из подземного моря. Воду пили, подхваливали, но скептиков она не убедила: «Вот если бы все море было такое... А соленая вода наполовину с пресной, кому она нужна?» «Получим и одну пресную»,— убеждал Караш Николаевич. «Знатоки» ему не верили. Больше того, район Узбоя объявили бесперспективным, предложили начальнику экспедиции прекратить бурение, перебазироваться в другое место.

Надежда Григорьевна встретила эту весть угрюмым молчанием. Потом твердо заявила: «Я отсюда не уйду, буду работать бесплатно». Караш Николаевич улыбнулся: «Согласен, от добра добра не ищут». Надежда Григорьевна вспоминает: «Я посмотрела на него и поняла: раз и он твердо стоит на своем, то нам не страшны никакие скептики, никакие пустыни, все выдержим». По ее мнению, отличительная черта Иомудского — оптимизм в самой трудной обстановке. Как ни тяжело ему, а не теряет решимости, не расстается с улыбкой и шуткой. И еще, дополняет Надежда Григорьевна, особая любовь к своему делу, вера в себя и в людей, которые вместе с ним.

Надежда Григорьевна Шевченко. Фото В. Рыбина

...ДЕЖДЫ

В «запретный период», как назвали это время геологи, Иомудский на свой риск и страх оставил буровые на прежних местах, даже подбросил новые для усиления изысканий. И целыми сутками пропадал в партии молодого гидрогеолога. А Надежда Григорьевна (характеры этих двух людей совпали) «кочевала» от буровой к буровой на лошади — партия работала на площади в две тысячи километров. «Пустынники» добровольно обрекли себя на жестокое испытание.

Я представил, как они месяцами трудились под палящим солнцем, под холодным, пронизывающим ветром и пыльными бурями, пили солоноватую воду, морщились от запаха черепашьего мяса, бурили скважины вручную (когда кончалось горючее для движков), жили в душных землянках... Вдали от дома, от городских квартир, развлечений... С осознанным риском: удастся ли отсоединить пресную воду от соленой?.. Далеко не каждый на такое способен. Только человек, глубоко верящий в свое дело и никогда, даже в самые тяжкие дни не забывающий об ответственности и долге.

А они, искатели пустынной воды, не думая о личном, тратили себя на достижение цели, которой посвятили жизнь.

Ничего в них нет исключительного: оба добрые, даже ранимые по натуре. Надежда Григорьевна признается: «Иногда я плакала по ночам, проклинала свою профессию: господи, зачем я сюда приехала?»

Мучений пустыня приносила больше, чем радостей. Но чуть свет Шевченко снова шла на буровую, забывая все горести:

— Как вспомню пожухлые листочки деревьев в Небит-Даге, лишенных влаги, строгие нормы воды на жителей, и словно какая-то сила ведет дальше. Вот она, вода, которую можно дать и Небит-Дагу и другим городам! К этому времени у нас появились кое-какие варианты для отделения пресной воды от соленой...

Вера в большую воду передалась всей экспедиции. В эти тяжелые дни никто не ушел из пустыни. Иные выглядели как после тяжелой болезни, но не иссякали их мужество и стойкость. Один из буровиков, участник тех поисков, при встрече мне сказал: «Кроме всего прочего, многое значил пример женщины. Она не сдается, как же мы, мужчины, можем терять себя!»

Когда люди живут доброй целью, они не останутся в одиночестве. Раньше или позже к ним примкнут другие, единомышленники и последователи. Нашлись они у Иомудского и Шевченко. В пустыню приехал член-корреспондент Академии наук СССР Владимир Николаевич Кунин. «Я с вами»,— сказал он и остался жить вместе с изыскателями. Приехали московские инженеры Бабушкин, Глазунов.

Совместными силами ученых, инженеров, геологов и была разрешена задача отделения под землей пресной воды от засоленной. Разные плотности жидкостей — разные давления. Надо их уравнять. Как? На каждые десять литров пресной воды одновременно откачивать четыре литра соленой. Так и сделали: поставили два насоса. Из одного — фонтан соленой воды, из другого — пресной. Простое решение, но его надо было найти. Теперь к Шевченко и Иомудскому едут гидрогеологи из африканских и арабских стран: просят поделиться секретом отделения преснрй воды от соленой.

Долго ли, коротко ли — Шевченко и Иомудский победили. Сейчас искателям кажется, что не так уж много лишений выпало на их долю, да и не столь важно, что пришлось пережить, все оправдано победой — большой водой в засушливой пустыне. С поисками воды у них связано и личное, прекрасное — в пустыне они нашли друг друга, полюбили.

К слову, и мне посчастливилось: еще двух настоящих людей встретил и включил в свою жизнь!..

...Нет у этой истории конца и, видимо, не будет. Караш Николаевич развертывает на столе геологическую карту республики, показывает на северо-западную часть Каракумов:

— Вот здесь нашли большие запасы питьевой воды, тоже подземное озеро,— говорит он.— Знаете, кто нашел? Надежда Григорьевна вместе со своими помощниками. Пройдет время, напоим водой и Карагельскую степь.

Изыскатели находят новые подземные озера, новые «моря Надежды». Смотрю на Надежду Григорьевну, и теперь она кажется мне женщиной необычной. Как все люди, влюбленные в свое дело. Не фанатики — очарованные души. Сейчас она работает над докторской диссертацией — шлифует методику поисков подземной воды в пустыне. Неофициальный консультант и советчик — Караш Николаевич Иомудский, директор Ашхабадского института геологии.

— Пустыня богата,— говорит Надежда Григорьевна,— она еще и не такое отдаст людям.

— И потрясет мир откровениями,— добавляет Караш Николаевич.

Ашхабад.

Л. ЛЕРОВ

ДО ВСТРЕ

— А ты помнишь, Алекс, как мы провожали вас в Россию, русских маки? Не забыл?.. Да, да, это было в Доле... И парад маки помнишь? В тот вечер ты очень хорошо пел русские песни...

— Неужели ты все это запомнила, Сюзанна?

Француженка кивнула и, отвечая каким-то своим мыслям, задумчиво обронила:

— Я тебе сказала тогда: «До встречи, Алекс!» — хотя и не представляла, где мы можем встретиться — в Берлине, Париже или Москве? И вот видишь...

Они сидят за праздничным столом в московской квартире Алекса — Бориса Николаевича Старикова, преподавателя заочного педагогического института,— бывшие бойцы отряда маки, участники движения Сопротивления. Пьют вино, произносят тосты, говорят о разном и, конечно, прежде всего о том, что было в незабываемые дни сорок четвертого. Память возвращала в прошлое, вновь вставали видения войны, и чуть грустное лицо туристки из Парижа делалось похожим на лицо той восемнадцатилетней Сюзанны, с которой Алекс впервые встретился на окраине французской деревушки Шиссей.

ГДЕ ВЫ, МАКИ!

В тот день он решился наконец выглянуть из леса, столь милостиво укрывшего беглеца. Широко раскинувшийся на франко-швейцарской границе, лес этот, Форе-Шо, излучал то благостное тепло — физическое и душевное, о котором и мечтать не смел русский солдат Борис Стариков, трижды бежавший из фашистского плена, познавший все ужасы штрафного лагеря и муки адского труда на шахте в оккупированной Лотарингии. Теперь, кажется, уже все было позади. И дерзкий ночной побег с шахты, и зло закинутый в речку шнурок с номером — «удостоверение личности» военнопленного, и сотни километров, тяжело протопанных по проселочным дорогам Франции. От деревни к деревне, от фермы к ферме.

Разные люди по-разному встречали высокого, худющего, голодного, обросшего человека в потрепанной одежде. Он обладал небольшим, обретенным еще в школе запасом немецких и куда меньшим французских слов. Но была одна, хорошо заученная им немецко-французская фраза, что не раз выручала его: «Комрад, их бин призонье рюсс...» «Товарищ, я русский военнопленный». И ему сразу же давали кое-что поесть. Но порой на выраженную жестами просьбу спрятать или разрешить переночевать хозяин извиняюще-беспомощно разводил руками и, боязливо озираясь, произносил лишь одно слово: жандармерия. Однако это был не худший вариант. Случалось и другое: фермер любезно приглашал посидеть в саду, подождать, а через приоткрытое окно русский слышал немецкую речь француза: по телефону вызывались жандармы...

Но Стариков не терял надежды на встречу с людьми добрыми и смелыми. На ферме Марселя-Тур ему, кажется, здорово повезло. Он прожил в семье Лягардов несколько дней, и не только потому, что хозяевам требовался работник. «Призонье рюсс» был для них солдатом страны, спасавшей человечество от фашизма. И племянник хозяина, Пьер,—он подружился с Борисом — говорил об этом горячо, открыто. Но все это кончилось однажды. Пьер позвал Бориса в укромный уголок сада и смущенно сказал: «Тебе придется уйти. Старики дрогнули. Жандармы стали приглядываться к ферме. Ты пойми...»

Он все понимал, русский человек, так много хлебнувший горя в свои двадцать четыре года. Что же: «До свиданья, Пьер... Мерси боку... Большое спасибо». И он похлопал друга по плечу.

— Борис... Куда же ты теперь?

Стариков откровенно признался — есть затаенная мечта: маки, французские партизаны! Но это только голубая мечта, кто поверит бродяге-иностранцу, случайно забредшему в деревню, кто подскажет, кто примет его в отряд маки, даже если он набредет на их след?

— Вот я и решил пробираться в нейтральную Швейцарию. Что скажешь, Пьер?

И тогда были сказаны слова, во многом решившие судьбу Бориса.

— Не надо Швейцарии. Надо маки. Мы тебя оденем, как настоящего француза...

На столе лежала карта-схема, и вся семья Лягардов, склонившись над ней, разрабатывала маршрут, по которому Стариков может двигаться с наименьшим риском.

И вот он снова в пути. Теперь у него появилась цель — маки! Искать маки! Они должны поверить русскому, который хочет вместе с ними сражаться против фашистов за свободу Франции, который хочет помочь соотечественникам, находясь здесь, на французской земле...

Шли дни и ночи поиска контактов с маки. Было много разных встреч в этом трудном поиске. Были и смертельно опасные — с гестаповцами, петэновцами. Выручало самообладание. Стариков в элегантной французской куртке, в берете, надетом на французский манер, предупредительно ронял «бонжур мсье» и, не оглядываясь, неторопливо шел дальше, хотя так хотелось броситься бежать. Но были и встречи, что окрыляли надеждой: «Я найду их, маки!»

Под Нанси Стариков оказался в доме русского — Жана Печеницына, владельца небольшой швейной мастерской. Во время первой мировой войны солдат Иван Печеницын в составе русского экспедиционного корпуса попал во Францию, где и застала его революция. Так он и остался на французской земле, Иван-Жан Печеницын, родом из Вятской губернии. Как ликовал он, когда вновь услышал русскую речь, и с какой гордостью рассказывал, что когда-то жил в одной комнате с унтер-офицером Малиновским («Говорят, он сейчас большой военачальник?»).

Печеницын трогательно и радушно принимал попавшего в беду соотечественника и нежно обнимал его, провожая в путь-дорогу. «Кончится война — приезжай. Хотя бы повидаться». Стариков улыбнулся: «Чудак, о чем речь ведет: кончится война... Когда? Кто останется в живых?» Мог ли он тогда предполагать, что пройдут годы, и Жан Печеницын приедет к нему в гости, в Москву...

А поиск маки все продолжался. Надежды так же быстро вспыхивали, как и гасли. Но вот уже совсем близок заветный лес Форе-Шо, где, по словам приютившего его на ночь крестьянина, русский сможет надолго и надежно укрыться. И в домике лесника («Он, кажется, поляк») и в семье Арнольда Море на ферме Гранд-Жофруа, что на опушке леса, в глухомани («Там хорошие люди, вы найдете общий язык»).

Да, они действительно нашли общий язык. И с Арнольдом Море и с его другом Пьером Жираром, навещавшим фермера. Но как только дело доходило до самого главного, возникал барьер: Арнольд и Пьер уклонялись от разговоров о маки. Пьер блистал своей эрудицией во всем, что касалось вин, женщин и модных пластинок, а Море отделывался шутками, будто и не понимал, о чем идет речь.

Когда неожиданно для Море в окрестностях показались немецкие патрули, он вызвал русского и сказал: «Я мог бы спрятать мсье в сторожке, на виноградниках. Как говорят у нас в Провансе: назвавшись овцой, не думай о том, что волк может тебя съесть. Но я не могу рисковать вашей жизнью, мсье». Он сделал ударение на слове «вашей» и продолжал уже тоном приказа: «Завтра рано утром вам надлежит отправиться в лес. Там работают Лякруа и Боран, лесорубы из деревни Шиссей. Отличные парни. Вы будете жить и работать с ними. Это будет хорошо. Поверьте старому Море». И он многозначительно посмотрел на Старикова.

ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ

...Стоял теплый майский день с колдовским ароматом весны, с медвяным благоуханием лип. Солнце играло в больших окнах коттеджей с черепичными крышами и на деревьях, пощелкивая, лопались почки. На дворе весна, а на душе русского солдата сумрачно и тревожно: что она даст, эта его разведка в небольшой деревушке Шиссей? Он подошел к самому крайнему дому — старая фронтовая привычка. У калитки стояли широкоплечий, грузный француз и высокая, тоненькая, миловидная девушка с большими зелеными глазами и копной золотистых волос. Стариков поклонился, представился: «Их бин призонье рюсс». И попросил поесть — испытанный прием: так легче завязать разговор. Француз подозрительно посмотрел на него, резко буркнул: «Идите прочь!» — и вместе с девушкой тут же скрылся в саду.

...В грустном раздумье Стариков неторопливо шагал по проселочной дороге. И вдруг: «Мсье, мсье, атанде!..» «Подождите!». По дороге мчалась на велосипеде та самая девушка. «Мсье не должен сердиться на моего отца. Он принял вас за агента гестапо...» Сюзанна сунула Борису в руки сверток с продуктами и, чуть понизив голос, продолжала: «У отца серьезные основания быть более чем осторожным. Но я, кажется, убедила его: вам можно верить. Да? Так? Я не ошиблась?» И, не ожидая ответа, спросила: «Куда направляется мсье?» Стариков ухмыльнулся: «Я работаю дровосеком, а ищу французов, которые умеют держать в руках не только топор».

...Позже, уже в отряде маки,— Старикова приведет туда лесоруб Боран,— когда он приметит мелькнувшую меж палаток Сюзанну, когда застынет в удивлении перед длинноногим Пьером Жираром с фермы Гранд-Жофруа (он чуть было не вскрикнул: «Бонжур, мсье, мы же с вами знакомы!»), позже, соединив все эти звенья в одну цепь, он поймет: его проверяли, передавали из рук в руки.

Стариков не задавал им вопросов — здесь это не было принято. Но командир, Жан Аляр, сам поспешил внести ясность: «Я знаю, что вы знакомы с Пьером. Он очень тепло говорил о солдате Советской Армии, который хочет вместе с маки бить фашистов». И, уже обращаясь к Пьеру, приказал: «Познакомьте его с земляками».

И вот уже плечи Алекса стиснули крепкие руки худого, загорелого парня, капитана советских инженерных войск Кости Хазановича, которого все здесь называли «Дюдюлем», потом он попадет в объятия другого Кости, танкиста Тарасевича. Их всех троих привела сюда одна дорога...

Старикова зачислили в интернациональный (французы, русские, испанцы, вьетнамец) отряд Жана Аляра — человека с основательно поседевшими волосами, сурового, молчаливого, требовательного и бесстрашного. В первые же дни Борис ощутил особую симпатию командира взвода Тиви к русским парням. Но это не мешало ему до хрипоты спорить с Тиви по самым острым политическим проблемам, чтобы через час-другой вместе распить бутылку терпкого красного вина, чокнуться за победу Советской Армии, хором петь «Катюшу», «Марсельезу» и марш маки: «Если ты завтра погибнешь в бою, друг твой займет твое место в строю». А потом и Стариков, и Барсук, и Дюдюль (Хазанович), и Тарасевич, плечом к плечу, французы, русские, испанцы, коммунисты и социалисты, пролетарии и мелкие буржуа, люди разных политических взглядов, шагнут в плотную тишину ночи и после изнурительного перехода примут жестокий, неравный бой под Безансоном — за тот бой де Голль наградил их отряд орденом Почетного легиона.

Почти каждую ночь маки уходили на боевые задания. И оставались неуловимыми. Ветераны говорили: «У нашего отряда зоркие глаза и чуткие уши». Они имели в виду разведчиков — Рауля, о смелости которого ходили легенды, хрупкую, маленькую Алис Тобати и кокетливую, веселую, вездесущую Сюзанну Палисс. Официальная ее должность — заведующая секретариатом штаба большого партизанского соединения «Верден», которым командовал коммунист Дюрандаль. И мало кто знал, что в свое время эта девушка переправляла через демаркационную линию, проходившую близ ее дома, французов, скрывавшихся от

ЧИ, АЛЕКС!

преследования гитлеровцев; русских, чехов, поляков, бежавших из плена; что сейчас она поддерживала связь с обосновавшимся в горах резидентом лондонского штаба союзников, принимала сброшенное ими ночью на парашютах военное снаряжение, чтобы на рассвете доставить его в отряды маки; устанавливала контакты с немецкими офицерами и французскими железнодорожниками — это по ее, переданному в Лондон радиосигналу авиация союзников бомбила немецкие эшелоны на станции города Доль.

Сюзанна зорко следила за передвижением отрядов гитлеровцев в районе действия маки. Она каким-то шестым чувством угадывала чужих, которые станут близкими, и близких, которых надо бояться пуще чужих. («Вот я и поверила Алексу тогда на дороге...» — скажет она мне в Москве.) У нее был особый нюх на тех, кто продался гестапо. Стариков на всю жизнь запомнил, как однажды Рауль взял его с собой в город, чтобы исполнить приговор, вынесенный именем французского народа: смерть предателю!

Судьбе угодно было не раз скрещивать их пути — Сюзанны Палисс и Бориса Старикова. И в штабе «Вердена», и в боевых операциях, и в ее доме, куда Алекс с боевыми друзьями забредет после смелого ночного рейда. Усталые, продрогшие, они сидели за гостеприимным столом, ели жаркое из голубей, пили молодое хмельное вино и слушали веселый рассказ Сюзанны о том, как она ловко провела фашистского офицера и узнала о продвижении отряда карателей из гарнизона города Доль.

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

...Судьбе угодно было вновь скрестить их пути. Тридцать лет спустя они разыскали друг друга. Рассказывая о перипетиях этого поиска, Стариков показывал мне пухлую папку писем. Все из Франции. Тут письма и Рауля («Если бы наши французские товарищи были так же дисциплинированы, как и вы, мы смогли бы сделать еще больше») и Тиви («Помнишь ли ты Комис около Безансона? У вас были самые опасные позиции, и я выражаю еще раз вам благодарность! За вашу отвагу и дисциплину»). И, конечно, Сюзанны Палисс («Если вы тот самый Алекс, который когда-то попросил убежища в нашем доме, то прошу немедленно дать знать о себе. Мадам Тибо сказала мне, что вы были в Париже. Но она назвала другое имя — Борис»).

Да, так оно и было. В составе делегации Советского комитета ветеранов войны Б. Н. Стариков полетел во Францию. И прежде всего отправился в Лотарингию, на шахту в Валеруа, где вместе со 150 советскими военнопленными он познал голод, пытки, каторжный труд.

— Там, после побега, начинался мой долгий тяжкий путь в край французских партизан. Посмотрите! — Борис Николаевич подвел меня к укрепленной над письменным столом карте Франции. Жирно прочерчена красная линия, соединяющая Валеруа с Ла Шапелль, лагерем партизан. — Старые шахтеры, те, кто помог мне когда-то бежать из этого ада, привели гостя на опушку леса. Я сразу вспомнил. — Здесь мы хоронили товарищей, умерших от голода, ран...

Стариков недвижимо, как солдат, стоял над могилами друзей. 52 могилы!.. Когда он уходил с кладбища, кто-то из французов обнял его и тихо сказал: «Прости нас, товарищ! Мы понимаем, память павших соратников надо отмечать не так. Здесь все очень скромно. Но верь слову — мы соберем деньги и поставим тут памятник, достойный советских солдат».

Они сдержали свое слово. Стариков показывал мне фотографию памятника, воздвигнутого на той опушке леса, воздвигнутого на средства, собранные шахтерами Лотарингии. На постаменте — трое изможденных, поддерживающих друг друга военнопленных. Взоры их обращены на Восток. На мраморном цоколе высечено: «Благодарная Лотарингия советским солдатам, погибшим в 1944—45 гг.».

— В Париже, — продолжает Стариков, — я, конечно, не мог не повидать бывших маки, встретился с Алис Тобати — Сюзанна ее называла мадам Тибо. От нее Сюзанна и узнала

Сюзанна Палисс и ее боевые советские друзья Б. Стариков (справа) и В. Барсук.

про Бориса, который, «кажется, и есть тот самый Алекс»...

...Хозяин дома и гостья перебирают выцветшие, но как бы ожившие в эти мгновения фотографии, документы. Память «прокручивает» годы. Длинной чередой мелькают французские деревушки, фермы, лесные и горные тропы, места кровопролитных боев, дерзких рейдов. А главное — лица людей. Живых и павших.

— Смотри, Сюзанна, это же наш Дюдюль... Тот самый, что говорил по-французски не хуже французов. Ты его увидишь в Ленинграде...

— «Дюдюль убил Лаваля...» Так, да? Ты помнишь, Алекс, эти радиомессажи...

— О! Радиомессаж. Тут, Сюзанна, ты первую скрипку играла.

Ежедневно из Лондона по радио передавали своеобразную «радиосолянку» — песни, забавные истории, каламбуры, анекдоты, и в этой мешанине прослушивалась мало кому понятная странная фраза: «Дюдюль убил Лаваля» (надо же было — Костю Хазановича тоже прозвали Дюдюлем). Сюзанна отлично расшифровывала эти закодированные сообщения штаба союзников. Если в течение дня три раза передадут «Дюдюль убил Лаваля», значит, ночью в условленное время в условленном месте следует ждать «небесные дары» — сброшенные на парашютах оружие, боеприпасы...

И снова: «А помнишь, Алекс!» И вспоминаются трагические события в Шамблее, где погиб их отважный командир Аляр, где тяжело была ранена бесстрашная разведчица Сюзанна — она заменила убитого пулеметчика. Молча и долго рассматривали они цветной фотоснимок — памятник на обочине шоссе у деревни Шамблей. На камне высечена эпитафия: «Прохожий! Они погибли, как спартанцы, выполняя твой наказ...»

Потом Сюзанна достает из сумки еще одну фотографию. Она никогда не расстается с ней. Это ее Пьер, ее жених. Они вместе фотографировались за месяц до его гибели. (Я не спрашивал Сюзанну о ее семье, есть ли муж, дети. Она сама, не дожидаясь вопроса, сказала: «Пока еще никто не смог заменить мне Пьера...») Понурив голову, она смотрит на вечно живого для нее Пьера, и глубокая складка ложится меж бровей. «Я нашла его через четыре дня после боя под Саленом».

...Бой под Саленом! Мне это ни о чем не говорит, и Стариков спешит прокомментировать. Коллаборационисты навели карателей на лагерь маки, и партизаны вынуждены были покинуть свой хорошо оборудованный лагерь в Ла Шапелль. Ночью, продираясь сквозь заросли девственного леса, колючий кустарник, изнемогая от жары и тяжкой ноши, они взбирались по горным кручам Мон-Пупе, подальше от карателей. Но, увы, передышка была недолгой. Доверчивые французы приютили невесть откуда появившегося в лагере швейцарца. Его приняли в отряд, вооружили и поселили в палатке с русскими. Прошел день-другой, и однажды утром встревоженный Дюдюль пришел к командиру: ночью швейцарец что-то бормотал по-немецки, хотя утверждал, что языка этого не знает. Дюдюля подняли на смех: «Ох, уж эта русская сверхбдительность». А через день швейцарец, ссылаясь на затишье, попросил увольнительную в город. Ему отказали. Тогда он сам себя «отпустил», чтобы на рассвете появиться в районе лагеря вместе с... карателями.

Неравный бой под Саленом, зеленым городком, раскинувшимся у подножия Мон-Пупе, длился несколько часов. Когда бой утих и маки мелкими группами стали пробираться в лес, Сюзанна узнала, что Пьера среди них нет. Она ринулась в госпиталь. Нет такого! Тогда она решилась тайком пробраться на поле боя под Саленом.

Пьер лежал в канаве с разбитой головой и выколотыми глазами. Позже она узнала: тяжело раненного маки каратели взяли в плен, гестаповцы зверски пытали его и в ярости — он так ничего и не сказал им — выкололи Пьеру глаза.

«Я ПРОДОЛЖИЛА ДЕЛО МАМЫ»

Лейтенанта Сюзанну Палисс, кавалера «Офицерского креста» («За заслуги и преданность Франции»), «Рыцарского креста» («За боевые заслуги»), «Креста чести с бантом», тепло принимали в Советском комитете ветеранов войны. Генерал В. Московский вручил ей Почетный нагрудный знак комитета. Она рассказывала о себе («До сорок седьмого служила во французской армии, освобождала Дахау, была второй раз ранена в Германии. Сейчас — национальный директор Комитета социального обеспечения бывших участников «Сопротивления») и отвечала на вопросы. Был среди них и такой:

— Кто побудил вас, шестнадцатилетнюю девушку, дочь полицейского, связать свою судьбу с маки, да еще в качестве разведчицы?

Сюзанна нахмурилась, окинула взглядом сидевших рядом с ней советских ветеранов войны и торжественно-сурово ответила:

— Кто побудил? Полицейский Луи Палисс, мой отец. Его супруга Жанна Палисс, моя мать. В те страшные дни разгула гитлеровского террора мы жили в Париже. Да, мой отец был полицейским, но он всегда был свободолюбивым французом. Он ненавидел гитлеровцев, восхищался героизмом советских воинов, преклонялся перед теми соотечественниками, что не сдались бошам и продолжали борьбу. Наш дом стал местом явки партизан, мама была связной, а отец, выполняя приказ гитлеровцев, отбирал оружие у горожан и передавал его маки. Но все это закончилось ужасно. Какой-то негодяй донес на маму. Ее арестовали. В тюремной камере мама приняла яд — она предусмотрительно спрятала капсулу в перстне. Мама боялась, что не выдержит пыток, выдаст друзей... Я продолжила ее дело. С отцом мы уехали в нашу глухую деревню Шиссей. У нас там свой дом. Он тоже стал местом сбора маки, хранения оружия.

...Стариков внимательно слушает Сюзанну и вспоминает свою первую встречу с ней в деревне Шиссей и оброненные ею, тогда загадочно прозвучавшие слова: «У отца серьезные основания быть более чем осторожным». Сейчас он понял почему...

* * *

Вместе с Борисом Николаевичем я пришел к Сюзанне Палисс накануне ее отлета в Париж. Она восторженно рассказывала о своих московских и ленинградских впечатлениях, о том, как душевно принимали ее в Советском комитете ветеранов войны, 2-й московской специальной школе имени Ромена Роллана, где есть музей, посвященный движению Сопротивления (она увидела там и свою фотографию), как она рада, что повидала боевых друзей — и Бориса Старикова, и Владимира Барсука, и Дюдюля...

...Она не прощается с Алексом. Она вновь, как и тридцать лет назад, говорит: «До встречи, Алекс!» Но теперь Сюзанна уже точно знает, где, когда они встретятся: «Летом семьдесят пятого, в Сочи... Я обязательно буду там. И ты тоже. Договорились!»

Г НЕОБХОДИМЫЙ ГОРОД

Глушь да болота, лесные чащи, зори, купающиеся в озерах. Чуть не всю зиму темень — ночью и днем; чуть не все лето сплошной свет — днем и ночью. Климат здешний отнюдь не назовешь хорошим. Но есть своя красота в черных зимних лесах, в седых клочьях тумана, в непрочной рыхлости снега.

Иной раз этого снега ждешь как манны небесной — скорей бы упал, накрыл поля белыми одеялами, укутал ели теплыми полушалками, нарядил в серебро березовые рощи. Вот тогда тут бывает сказочно красиво, и в снежных просторах золотом блеснут огни деревень и городов.

Мы любим свой северный край. И не только мы — в последнее время север возлюбили падкие до старины туристы: ездят, коллекционируют старинные слова и поговорки, ищут «Русь уходящую»...

Мы тоже любим свою старину. Но в древнем нашем крае, где так волнуют мглистые старинные слова — Мга... Волхов... Оломна... Пчево да Пчевжа, мы любим и свою северную новь.

Вот Волхов — медлительная, как славянская песня, река. Давние славные были, недавнее яркое и мужественное прошлое — «Волховстрой» (двадцатые годы), Волховский фронт (Великая Отечественная война). И потом на несколько лет опять словно бы затишье.

Это и есть Киришский нефтеперерабатывающий завод, новый топливно-энергетический центр Северо-Запада. Тот самый, создателей которого два года назад тепло поздравили ЦК КПСС и Совет Министров СССР. За большой вклад в выполнение решений XXIV съезда партии юная, рожденная вместе с городом Киришская комсомольская организация была награждена орденом Трудового Красного Знамени, а самому заводу присвоено имя 50-летия ВЛКСМ.

Без перерыва, без оглядки на праздники и успехи, разворачивалось сооружение второй очереди промышленного комплекса. А ранней весной 1973 года, едва начала оттаивать болотистая почва, прибыли в Кириши первые четыреста комсомольцев строительного отряда. Прибыли, чтоб бросить новый клич: «Даешь биохим!», «биохим — в 1974-м!»

И дали! Недавно биохимический завод выпустил свою пробную продукцию — первые центнеры «БВК». И радости было столько же, как в 1973 году, когда пошел первый бензин.

Что такое «БВК», для чего в этом тихом, лесном краю понадобилась нефть и что она принесла ему? Чтоб ответить на такие вопросы, неизбежно придется обратиться к истории края.

...Ленинградские, новгородские, псковские, карельские деревни и села. Села нашего Севера и Северо-Запада... Это они погибали в военных пожарах, строились снова и — было такое время — стояли с заколоченными окнами: уходили отсюда люди на заводы, в сланцевые шахты соседних промышленных краев.

Но вот из далеких нефтяных месторождений Башкирии, Татарии, республики Коми через Горький и Ярославль пришла к Киришам нефть. Почему именно к старинным Киришам, основанным, по преданиям, былинным новгородцем Кириллом (приплыл он в семнадцатом веке сюда по Волхову и поставил себе здесь дом), станет понятно, если посмотреть на географическую карту. Лежат Кириши на идеальной прямой, соединяющей Ярославль, где остановился было нефтепровод, с Ленинградом. От Киришей до Ленинграда рукой подать — всего 116 километров. К тому же здесь проходят две железнодорожные ветки: Мга — Рыбинск и Волхов — Чудово. От них можно ехать в любой конец Северо-Запада. Тут и обилие волховской воды — не последний по значению фактор для электростанции и переработки нефти. Да еще грунт подходящий — не пропускает влаги. Вполне достаточно оснований, чтобы строить завод. А с точки зрения человека, «болеющего» за Северо-Запад, есть еще одно немаловажное соображение: сооружение промышленного гиганта оживит примолкшие, обезлюдевшие края.

И вот свершилось. В нефтеперерабатывающих установках и аппаратах нового завода жидкое топливо становится бензином высоких марок, мазутом, битумом, то есть тем, что необходимо для моторов, котельных, для строительных дорог. Переработанная нефть привела в действие турбины Киришской ГРЭС, тысячи автомобилей, тракторов и комбайнов, сельских электростанций, легла асфальтом на дорогах и кровлей на домах. И не только на землях Ленинградской области, но и Новгородской, Псковской, Архангельской, Вологодской, Мурманской, на землях Карелии, Прибалтики и частично Финляндии. Используются самым эффективнейшим образом и побочные продукты, получаемые при переработке нефти. Например, парафины. Они-то и стали сырьем для завода биохим — детища Киришского комплекса.

Еще в тридцатых годах ученые открыли микроорганизмы, способные усваивать содержащиеся в нефти углеводороды. Дальнейшее развитие науки позволило искусственно выращивать дрожжи на базе нефтяных парафинов. В 1965 году при Совете Министров СССР было создано Главное управление микробиологической промышленности. В 1968 году на октябрьском Пленуме ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев подчеркнул необходимость развития этой промышленности для производства кормового белка.

«БВК», полученный на биохиме, это и есть белково-витаминный концентрат — на редкость

Н. ХРАБРОВА,
К. ЧЕРЕВКОВ,
специальные корреспонденты «Огонька»

Фото Н. АНАНЬЕВА

ПЯТИЛЕТКА НА ФИНИШЕ

ЧТО ТАКОЕ КИРИШИ

А теперь на берегу Волхова такой промышленный узел завязался, что в самую пору назвать эти места «второй северной Пальмирой». За железнодорожным мостом стоит словно из будущего пришедший высокий юный город. Его окна пламенеют то от солнца, то от электрического света. Слева от города — долговязые белые с красными поперечными полосами трубы, оплетенные металлическими лесенками резервуары, сложнейшие конструкции стальных промышленных систем. Металл истончен, расплющен, изогнут, уложен на земле и поднят над землей — его заставили служить человеку.

Операторы А. Баршинов и И. Живитченко.

Галина Юфкина — лаборант центральной заводской лаборатории.

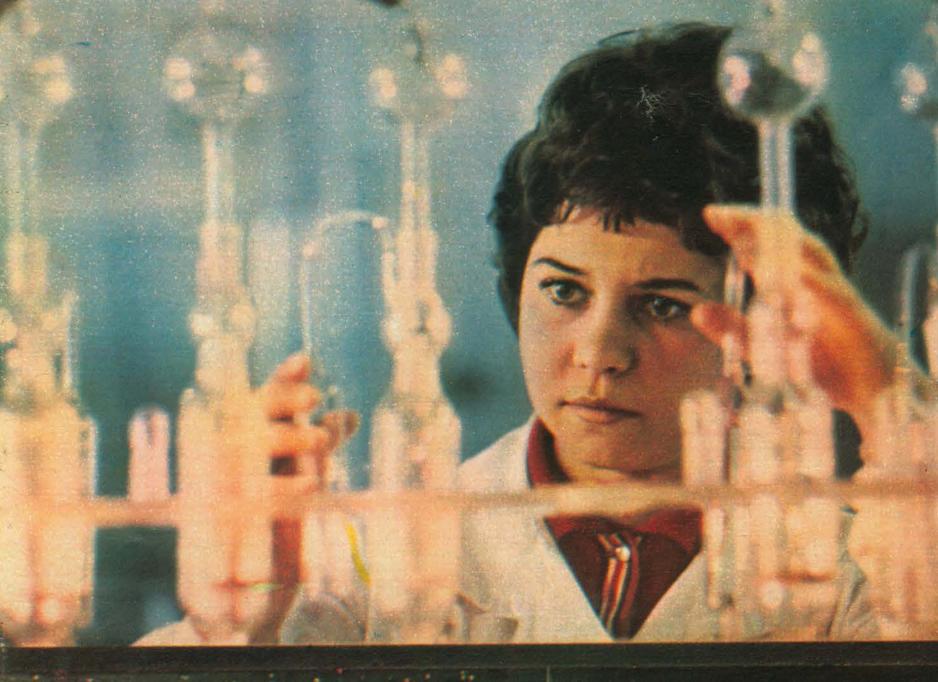
Один из залов Киришской ГРЭС.

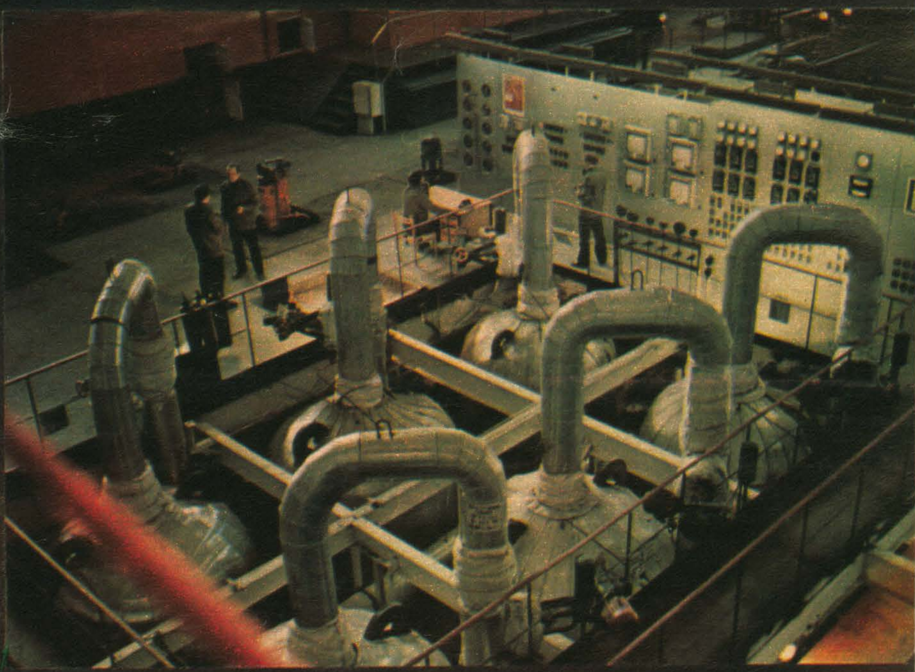
У пульта управления энергоблока П. Гаврюшов и Е. Богатырев.

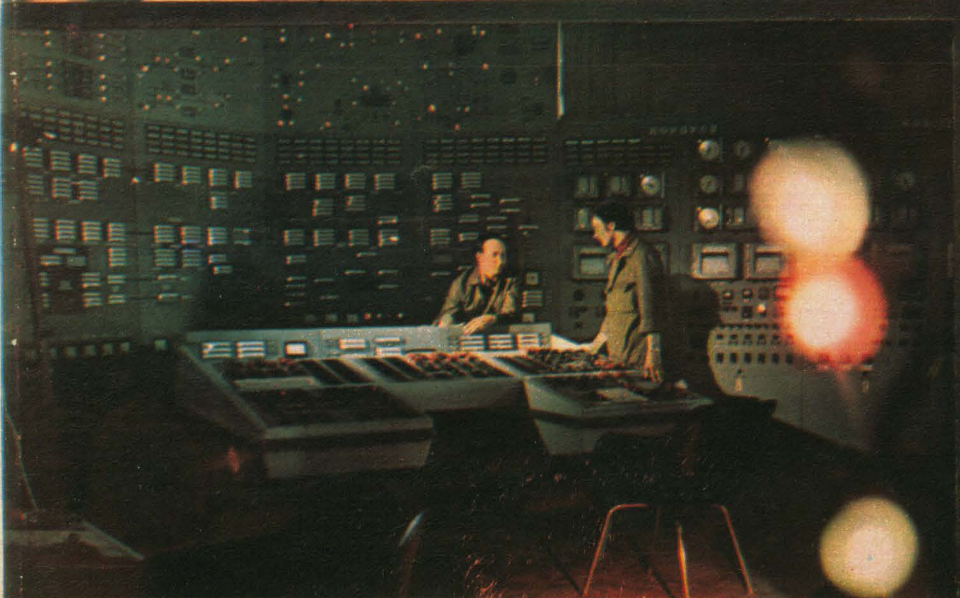
Девятьсот работников заботятся о благоустройстве города. Цветовод Ира Дуянова — одна из них.

На развороте вкладки:

На установке первичной переработки сегодня дежурят В. Суховеев и В. Мельников, а бесперебойное снабжение завода энергией обеспечивают машинисты турбин ГРЭС С. Шаханин и В. Малышев.

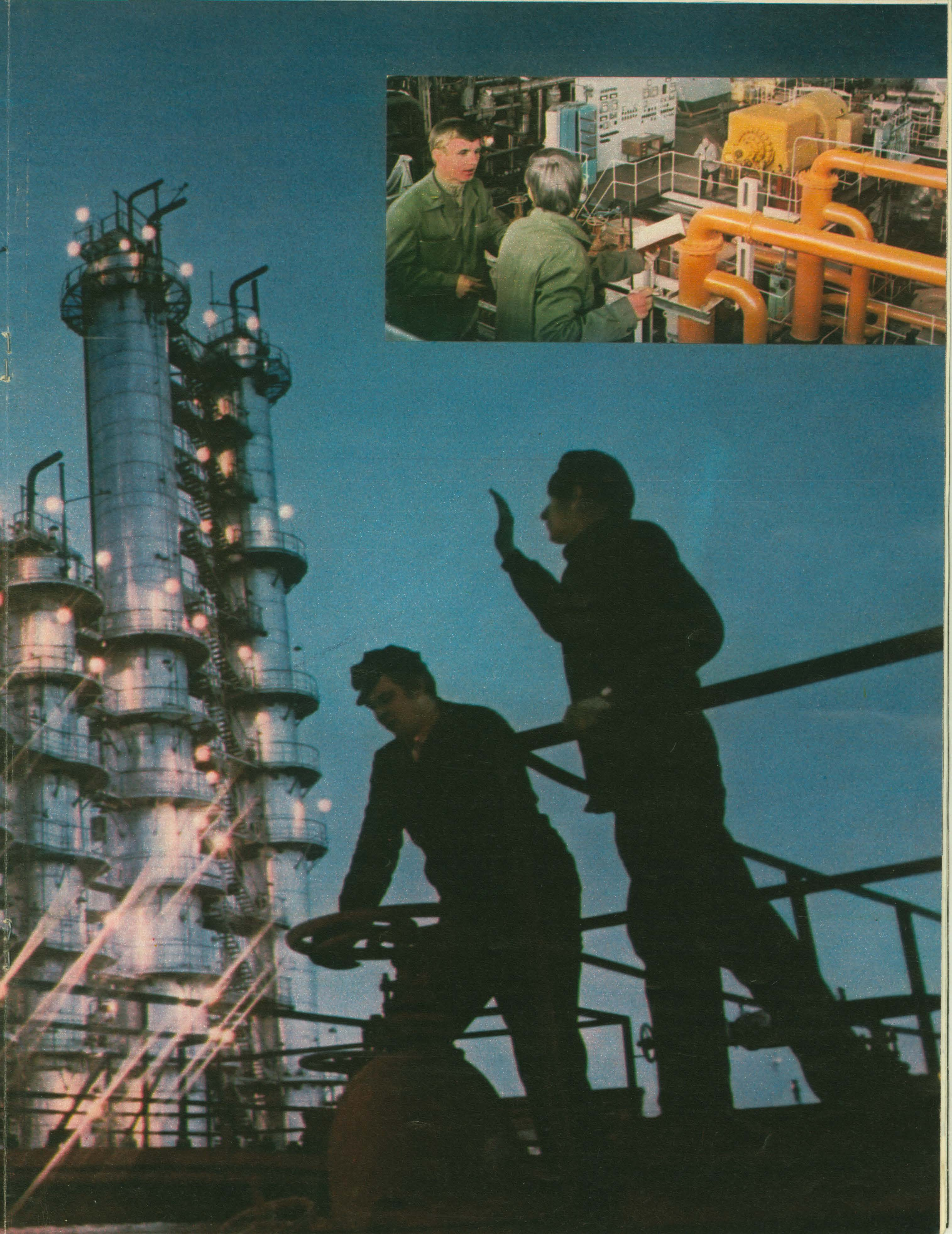

K-2

ценный, на редкость питательный корм для скота. Если полкилограмма «БВК» добавить в дневной коровий рацион, суточный удой увеличится на несколько литров.

Ученые подсчитали, что тонна «БВК» по калорийности равна пяти тоннам хорошей пшеницы. «БВК» — это промышленное производство отличного корма. Это аппаратура, заменяющая труд тысяч людей на полях. Это борьба за дальнейшее развитие сельского хозяйства Нечерноземья.

Вот для чего построены на берегу Волхова Киришский нефтеперерабатывающий комбинат и его детище — биохим.

...Неузнаваемо, буквально на глазах, меняется облик Северо-Западного края. Деревни разрослись, окутались молодыми садами, дома обшиты тесом, выкрашены в яркие цвета. Белеют резные наличники, за капроновым тюлем пылают герани. Отрадно видеть, что люди отсюда больше не уезжают в иные города и села. Здесь они устраиваются навсегда.

Спасибо тебе, завод! Ты ускорил все ритмы жизни на берегах древней реки. Для тебя встал тут рабочий город. Древние поля возделаны опять, но теперь уж по-новому, потому что только новое отношение к ним, четко сформировавшееся в конце шестидесятых — начале семидесятых годов, смогло дать такие высокие урожаи, каких не получали здесь никогда.

...Город, выросший среди деревень и ставший столь им необходимым. Завод и сельскохозяйственные фермы. Завод и огромные, как в совхозе, оранжереи, теплицы, голубые зеркала прудов с карпами и форелями. Это и есть агропромышленный комплекс — близкое будущее всестороннего развития здешних мест.

Есть у этого нового города хорошая примета — он построен так же, как и его собратья, быстро, по типовым проектам, но его не спутаешь с другими. Почему? Да потому, что хорошо стоит он на берегу Волхова, красиво озеленен, по-умному сформирован.

Что касается зелени, то она входит в Кириши вместе с домами. В иных микрорайонах больших городов бывает так: первые новоселы давно уже стали старожилами, а строительный мусор все еще ржавеет под окнами, и не засыпаны траншеи коммуникаций... Киришские же пяти- и девятиэтажные дома кажутся каменными островами в мелких зеленых волнах. В мелких потому, что деревья еще не успели подрасти, а кустарник уже протоками расплеснулся по всему городу и цветет. Когда мы были здесь впервые, летом, вся в легких шарах стояла калина, благоухали шиповник и декоративная полиантовая роза, усыпана была бледно-розовыми звездочками жимолость.

Вот он, самый простой способ быстро озеленить город: не дожидаясь, когда подрастут парки, посадить кустарники. Но и это оказалось нелегким делом — все поднялось на привозном грунте. Раньше зияли лишь воронки с вывернутым наружу гравием: пятнадцать тысяч неразорвавшихся бомб лежало здесь...

ГЛАВНЫЕ ДЕЛА

А теперь — о строительстве. Дома в Киришах отделаны хорошей плиткой, и качество квартир если и не на «отлично» оценишь, то на «хорошо» уж во всяком случае.

Мы побывали на самой что ни на есть новой стройке — прекрасной станции технического обслуживания автомобилей. Здесь строит Николай Иванович Сахаров, бригадир, Герой Социалистического Труда. Попросили его рассказать о своей бригаде.

— Не очень-то я приспособлен для беседы с корреспондентами,— разводит руками Николай Иванович.

Однако разговорились.

— Думается мне, что успех дела зависит от организации труда, а она вроде бы ничего сложного собой не представляет. Бригадир должен встать на час раньше бригады и за час до ее появления быть на рабочем месте. Вот этот-то час день бережет. За час как раз и успеешь продумать для каждого задание, проверить наличие механизмов, стройматериалов, инструментов. Количество работы тоже прикинешь. Вот, пожалуй, и весь секрет. И еще хочу сказать, хотя этим ничего нового вам не открою: каждый человек должен относиться к своей работе так, что это для него есть главное, я бы сказал, святое дело.

Лучше не скажешь. И короче не скажешь. Только вот как добиться, чтобы каждый человек на своем месте считал свой труд святым делом?

— Это не просто,— говорит Николай Иванович.— Такое убеждение с годами приходит... Жизнь так идти должна...

А как же она идет — его жизнь?

Николай Иванович — местный житель. Родом из недалекой от Киришей новгородской деревни Бревенной. И рождение его в деревне с таким символическим для старой России названием, и то, что строит он у себя на родине новый каменный индустриальный город, и многое иное в его жизни делают дни и дела Сахарова похожими на дела и дни всего его поколения.

...Детство. Были игры, и земляничные поляны в лесу, и деревенские радости — речка, ягоды да грибы. Хорошо? Да. Но была и забота в детстве. Забота от отца шла, а был отец участником гражданской войны и председателем колхоза — от дня основания до ухода на фронт. Как Макар Нагульнов, как сотни тысяч борцов за новую жизнь, мечтал Иван Сахаров о том, чтобы поскорее светлым стало утро новой жизни.

На фронт отец и семнадцатилетний сын ушли почти в одно время. Отец и погиб здесь, на Ленинградском фронте, недалеко от родных мест. А сын дошел до Берлина.

После войны Николай Иванович вернулся в деревню, было у него несколько ранений. И тяжелые. И все же пошел на трудную работу в поле. Но главное все еще впереди — надвигалось строительство, где понадобится плотницкое умение Николая Сахарова. Он работал в Бокситогорске, на Волховстрое, а в 1963 году вместе с трестом перевелся в Кириши.

Начало всякой стройки — дело нелегкое, а тут ко всем сложностям прибавлялась своя, местная — глинистый грунт и вокруг болота. Без резиновых сапог и носу из барака не думай высовывать, а весной и осенью — хоть вплавь... Иногда казалось — вот-вот затонут механизмы, уйдут люди, остановится стройка. Но так только казалось, потому что тут собрался народ, не умевший отступать. И вот встал первый киришский дом на улице Пионерской. Теперь на нем висит мемориальная доска, потому что был он для строителей всем — и первым жильем, и административным центром, и столовая тут поместилась. А главное, был тот дом началом будущего города. От него расходился асфальт, сковывая болота вечной броней. Вокруг него поднимались дома, складываясь в улицы и кварталы.

Пришло время, и Сахаров стал бригадиром. И до него, с Пономаревым во главе, бригада была на высоте, а тут с годами так все наладилось, что минуты зря не пропадало. А между тем приходило сюда немало молодежи, остро ощущали в бригаде текучесть. Только не ту, которая возникает в результате расхлябанности или погони за длинным рублем.

— Мастера у нас хорошие,— объяснял Николай Иванович причину постоянного обновления бригады.— И организовать дело умеют, вот и берут их вожаками в другие бригады. Принимаем новичков, приставляем к таким рабочим, как Семен Владимирович Печура, Евстафий Елизарович Колосов, Николай Иванович Леонов, Таисия Александровна Алексеева, Анна Андреевна Николаева. Наука у них быстрая, точная, оглянуться не успеешь, опять уж новую партию бригадиров выучили. Разряд у большинства четвертый, ну и, надо сказать, работа выходит чистая.

...Званием Героя Социалистического Труда Николай Иванович был потрясен и высокую награду расценил как аванс.

— Работал вроде бы и не через силу, в постоянном ритме, как говорится, а вот поди ж ты... Одна надежда на будущее. Думаю, что сумею награду Родины оправдать.

Хорошие мастера строят Кириши.

Есть у Николая Ивановича в городе тезка, тоже Николай Иванович, тоже Герой Социалистического Труда. Только фамилия у него другая — Потанин. И профессия другая — эксплуатационник, начальник АВТ на нефтеперерабатывающем заводе. АВТ — это атмосферно-вакуумная установка, главный аппарат по первичной переработке нефти.

И другая у него судьба. Николай Иванович Потанин — человек более молодого поколения, сейчас ему 38 лет. Он сибиряк, родился в Омской области, там же закончил десятилетку. Из многих дорог выбрал ту, что интересовала его больше всего,— поступил оператором на Омский нефтеперерабатывающий комбинат. Там же оператором работала и его жена Надя. Интерес Николая к переработке нефти не исчерпался только производством. Потанин поступил заочно в Московский институт нефтехимической и газовой промышленности имени И. М. Губкина.

Когда сибирская нефть пошла на Северо-Запад и краю этому потребовались специалисты-нефтяники, Потанины, забрав с собою маленькую дочь Свету, отправились в Кириши. Налаживать нефтепереработку, обживать новый город. Он понравился Потаниным, и они поселились здесь прочно. Живут в хорошей, уютной квартире, работают в полную силу. В Киришах в жизни Николая Потанина произошло несколько важных событий. Окончил институт. За успешное освоение и пуск первой очереди нефтеперерабатывающего завода в 1973 году ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. А в минувшем году с должности старшего оператора его выдвинули начальником АВТ первого цеха.

— Работается и живется мне в Киришах интересно...

Это сказал нам Николай Иванович Потанин, это мы слышали от всех, с кем приходилось разговаривать в новом городе. Иные добавляли: трудно, напряженно, но тем интересней.

Да, так и есть. Там, где создается новое, нередко бывает трудно, напряженно, но творчески очень интересно.

Так живет и работает на своем посту и руководитель Киришского стеклянного городка Валентин Алексеевич Мильчаков. Это даже не городок, а крохотный совхоз «Молодежный», расположившийся всего на пяти с половиной гектарах. Городок-совхоз весь накрыт стеклом и пленкой, здесь круглый год тепло и зелено. Здесь с пяти с половиной гектаров собирается 1 700 тонн овощей — огурцы, лук, помидоры, петрушка, сельдерей. Зимой этой необходимой зелени хватает и для Киришей, и для соседнего Волхова, а кое-что перепадает и ленинградцам — «Молодежный» входит в ленинградскую фирму «Лето». Такой богатый урожай с таких маленьких полей стеклянного городка снимается благодаря тому, что Валентин Алексеевич Мильчаков, агроном-механизатор по образованию, все время улучшает и реконструирует стандартное тепличное оборудование.

Творческое, хозяйское отношение к работе вообще свойственно молодым жителям молодого города. Несколько лет назад ихтиологи Новоладожского рыбозавода основали на отводном канале Киришской ГРЭС большое рыбное хозяйство. В теплой воде канала благородная и нежная рыба — летом зеркальный карп, а зимой форель — чувствует себя прекрасно. Киришские ихтиологи получают с каждого квадратного метра своих «подводных ферм» в шестьдесят раз больше рыбы, чем в обычных прудовых хозяйствах.

* * *

Кириши — сгусток энергии нынешнего и завтрашнего дня, поиск нового, лучшего в работе и жизни, старт в будущее. А в общем-то обычный молодой советский город, коих в стране уже не десятки, а сотни. Да и судьбы трех его жителей, о которых мы рассказали, не исключение. Разные на первый взгляд судьбы, разные биографии. Но есть особенность, им всем присущая — им здесь жить, работать в городе строителей, химиков и биологов.

Кириши, Ленинградской области.

Самых юных граждан города Кириши опекают медсестра А. Соколова и врач С. Сычова.

А это бассейн детского сада «Дружба».

ОНА ВИДЕ

Натан РЫБАК

В январе нынешнего года ей бы исполнилось семьдесят лет. Для писателя с пытливым характером и дерзновенной силой созидания, свойственными Ванде Василевской, было бы это временем полного расцвета яркого и самобытного таланта, ваятеля незабываемых образов тружеников и первопроходцев на трудных жизненных дорогах.

Она ушла от нас внезапно, в жаркое июльское киевское утро, не дописав последней фразы на листе своих заметок. Сраженная инфарктом, она упала, как солдат на поле битвы.

Свыше двух десятилетий у меня была счастливая возможность наблюдать, как она работала, как беседовала с людьми, как собирала материалы. «Мы всегда должны быть среди людей, быть с людьми. Это первая обязанность писателя»,— говорила Ванда Львовна.

И мне не раз приходилось слышать, как горячо и страстно доказывала она эту свою убежденность в беседах с зарубежными гостями, принимая их вместе с А. Е. Корнейчуком у них дома, в скромном рабочем кабинете на тихой киевской улице Карла Либкнехта, или на даче в селе Плюты.

Джон Пристли, Жоржи Амаду или строптивый Джон Стейнбек внимательно слушали ее. Дискуссия принимала часто необычно горячий, откровенный характер. И когда накал спора подходил к «критической» черте, вступал, улыбаясь, в «бой» Александр Корнейчук, примирительно замечая:

— Мы собрались не «воевать», а искать общую точку зрения. Давайте укреплять то, что нас объединяет...

— А объединять нас должна забота о читателе.— Несколько оттаивая, Ванда Львовна стояла на своем, затягиваясь очередной сигаретой.

...Оживает в памяти сентябрьский день 1939 года во Львове, когда в комнату в гостинице «Жорж», где сидели Александр Корнейчук, Микола Бажан, Андрей Малышко и я, вошла стройная высокая женщина и, легким движением головы отбросив спадающую на лоб прядь темно-каштановых волос, густым, слегка хрипловатым голосом представилась:

— Ванда Василевская...

Пешком, через дымящиеся под фашистскими бомбами города и села Польши пришла она в Советскую страну.

Мы все ее знали давно. Замечательные книги «Облик дня» и «Родина», ее пламенные статьи и очерки, посвященные борьбе польских революционных сил, страстные выступления против фашизма были известны в Советском Союзе. Мы знали ее, так нам казалось в тот день, однако по-настоящему узнали мы ее несколько позже, в тяжких испытаниях, выпавших на долю нашей Отчизны.

Незадолго до войны, выступая перед читателями, Ванда Василевская сказала:

— Когда я шла пешком в советскую землю, я была убеждена, что меня встретят друзья... Я никого не знала в лицо... Но я хорошо знала, к какой цели стремятся советские люди, и это была моя цель, моя заветная мечта. Передо мною на горизонте все время был облик Страны Советов, он был для меня, как огонек маяка, и я упорно шла на этот призывный свет. И я тут, и я с вами.— Помолчав и крепко сжав ладони рук, она тихо сказала: — Навсегда.

Тепло встретили Ванду Василевскую советские люди. Встретили революционную писательницу как давнего, доброго друга. Она стала членом КПСС, ее избрали депутатом Верховного Совета СССР, и до последних дней своей жизни она была облечена этим высоким доверием избирателей.

Советская Украина, ратные подвиги и дерзания трудового народа в дни горьких и незабываемых переживаний, как и в дни великих свершений, обогатили яркую палитру творчества Ванды Василевской. Свидетельство этому — завоевавшие мировую известность повести «Радуга», «Когда загорится свет», «Просто любовь», «В борьбе роковой».

Однажды, рассказывая о прошлом, она припомнила, как министр внутренних дел буржуазной Польши, известный своими реакционными мерами генерал Славой-Сладковский пригрозил ей жестокой расправой, а цензор книги «Родина» потребовал исключения из повести ряда глав, заметив Василевской при этом: «Вы проявляете необычайный интерес к нашим тюрьмам. Вероятно, мы вскоре поможем вам познакомиться с ними несколько ближе...»

Откровенное предупреждение не испугало Ванду Василевскую. Она, как и прежде, продолжала свою работу, выполняя поручения ЦК Польской компартии. Только катастрофа буржуазной Польши спасла Василевскую от полицейского произвола.

В предвоенные годы, когда французский писатель Жан Жионо, снискавший себе печальную славу, провозгласил: «Лучше жить на коленях, чем умереть стоя», Ванда Василевская дала ответ позорному призыву в своем романе «Земля в ярме». Его герой учитель Винцент честно решает проблему выбора между аполитичным прозябанием и справедливой борьбой в рядах трудящихся, против произвола и насилия. Он становится в ряды борцов. Это был ответ художника-революционера, который сам занимал такую позицию.

В те годы Ванда Василевская была тесно связана большой дружбой с украинскими писателями Степаном Тудором, Ярославом Галаном, Александром Гаврилюком и Петром Козланюком.

Особое место в биографии Ванды Василевской занимает ее участие в подготовке и проведении Львовского конгресса защиты культуры в апреле 1936 года.

Позже, вспоминая об этом конгрессе, Ярослав Галан, прекрасный памфлетист, гроза националистической своры, напишет о выступлении Василевской:

«Я видел, с каким увлечением воспринимали рабочие ее вдохновенные слова протеста против дикого кровавого насилия шляхетской власти над многострадальным народом Западной Украины. У меня не было сомнения, что предо мною — один из тех немногих писателей, которые удостоены любви народа».

В грозные для Родины дни, облик которых она умела распознать еще в трудные времена жизни в буржуазной Польше, Ванда Василевская в рядах Красной Армии. На петлицах ее гимнастерки четыре шпалы. Полковой комиссар, коммунист Ванда Василевская — агитатор политуправления Юго-Западного фронта. Впоследствии ей присвоили звание полковника. Она с честью носила офицерские погоны. Ее можно было встретить в окопах на самых опасных участках фронта, ее очерки и статьи в «Правде», «Известиях», «Красной звезде» дышали огненной правдой и звали на подвиг, рассказывали о фронтовых буднях честно, иногда горестно, но с большой верой в несгибаемую силу советского человека.

В своей знаменитой повести «Радуга», печатавшейся с продолжением в «Известиях» в 1942 году, Василевская дала незабываемую картину стойкости советских людей, показала неисчерпаемый дух советского патриотизма.

Книга эта была тотчас же переведена на многие языки народов мира, а фильм, поставленный по ней, получил высшую премию киноакадемии США — «Оскара».

Героиня романа украинская колхозница Олена Костюк, которую на экране в фильме режиссера Марка Донского воссоздала Наталья Ужвий, символизирует огромную внутреннюю силу наших людей, их презрение к смерти и снова утверждает мысль, что «лучше умереть стоя, чем жить на коленях».

Борис Васильевич Афанасьев, секретарь Белгород-Днестровского райкома КПСС, а в сталинградские дни и ночи — паренек, воевавший рядом со взрослыми, рассказывает:

— Однажды в ночную пургу, когда мы продвигались на запад, к горизонту, освещаемому заревом артиллерийской канонады, нас обогнал «виллис», остановился, и из него вышли два офицера в белых полушубках. Один из них, высокий, в ушанке, сдвинутой на затылок, попросил огня. Наш командир дал ему зажигалку. Прикурив, офицер посмотрел на нее и спросил:

— Трофейная?

— Так точно,— ответил лейтенант.

— У пленного фрица взяли,— сказал я хвастливо.

— А ты, мальчик, что тут делаешь? — удивленно спросил офицер в полушубке.

— Воюю!

— Сколько ж тебе?— что-то дрогнуло в его голосе. Мне надоели эти сочувственные вопросы.

— Сколько надо,— огрызнулся я,— не маленький...

— Ты как с офицером разговариваешь! — прикрикнул лейтенант.

— Отставить,— тихо, но властно сказал офицер. И затем я услышал:

— Сашко,— обратился он к другому офицеру, который жадно курил, облокотившись на капот «виллиса»,— дай мне, пожалуйста, сумку.— А затем, достав из полевой сумки что-то в блестящей упаковке, протянул мне: — Бери, московский шоколад, это тебе полезнее...— И наклонившись, поцеловал меня в щеку.

Я и не успел очнуться, как офицеры в полушубках сели в машину и укатили дальше на запад, обгоняя нашу колонну.

— А знаешь, малец, кто тебе подарил шоколад?— спросил меня политрук, который вел беседу с офицером, стоявшим возле машины.— Ванда Василевская и Александр Корнейчук. Доживешь до победы, приедешь к ним, познакомишься, напомнишь...

Афанасьев до победы дожил. Пришел с войны, стал партийным руководителем, познакомился с Александром Корнейчуком, а Ванды Василевской уже не было...

Все, кто знал ее не только по книгам, кто встречался с ней на читательских конференциях, на международных форумах, кто писал ей и получал от нее обязательно ответы, все хранят в своих сердцах обаятельный облик человека — патриота Родины, для которого нет высшего долга, чем служение Отчизне.

Фредерик Жолио-Кюри нежно называл ее наша Ванда.

И читатели называли ее так же. И Александр Фадеев, большой друг ее, улыбчиво признавался:

— Завидую твоему трудолюбию и усидчивости, Ванда. Понимаю, почему Сашко из только что написанной пьесы входит в новую...

Ванда посмеивалась:

— Ничего не выйдет, Сашенька, сегодня ни тебе, ни Сашку не удастся меня уговорить на «ленч с коньяком»... Не выйдет. Работать, друзья, работать.

Был этот разговор во Вроцлаве в дни Всемирного конгресса деятелей культуры в защиту мира, и А. А. Фадеев с радостью в голосе рассказывал мне об этом, резюмируя:

— Крепкий человек Ванда. И сердце у нее настоящее, человеческое. Большое сердце. Вот такой и должна быть первая польская советская писательница.

ЛА ОБЛИК ДНЯ

Не знаю, известно ли было ей такое суждение А. Фадеева, но однажды, выступая на встрече с избирателями в Нежине, она с гордостью заявила:

— Я советская польская писательница. Советская,— подчеркнула вторично.

Ванда Василевская говорила: «Я способна писать только о том, что видела и слышала, о событиях, которые произошли в действительности, о людях, которых встречала, о местах, в которых побывала сама, о чувствах, которые переживала или была свидетелем того, как их переживали другие».

Реализм — источник силы творчества Ванды Василевской — определяет жизненность героев ее романов, верность их высоким идеалам, ясность чувств и глубину переживаний. Пытливый исследователь жизни, но в то же время художник, отлично владеющий красками и в меру пользующийся их тональностью, она умела в совершенстве, одним мазком кисти придвинуть к читателю явление, запоминающееся и трогающее его чувства.

В своей автобиографии она, хотя и скупо, но все же рассказала о себе и своей работе. Примечательно, что Ванда Василевская не раз указывает, какое значение имели факты, действительные события в рождении не только замысла книг, но и всей их структуры. Предоставим слово Ванде Львовне.

«Однажды ночью, когда земля гудела от артиллерийской канонады, где-то далеко пылали зарева пожарищ, а деревья трещали от небывалого мороза, я уже неизвестно в который раз увидела удивительное явление, которое часто повторялось в эту суровую зиму (речь идет о зиме 1942 года): высокие, яркие столбы радуги на ясно освещенном луною небе. И вдруг меня словно осенило... Вот так и будет называться моя книга: «Радуга».

Дальше Ванда Львовна пишет:

«На третьем этаже в одной комнатке стучу с шести часов утра на машинке я, а в другой пишет, ломая карандаши, Корнейчук. «Радуга» и «Фронт». Надо спешить. У нас только тридцать дней времени».

Так мы узнаем, как использовали предоставленный политуправлением фронта творческий отпуск Ванда Василевская и Александр Корнейчук осенью 1942 года. Плечом к плечу на фронте, рядом за рабочими столами, почти четверть века общей жизни, наполненной дерзаниями, обогащенной глубоким творческим взаимопониманием, поисками.

Читаем дальше:

«В девять часов, когда мы идем завтракать, каждый день видим на карте помеченную пунктиром линию фронта. Немцы двигаются на Кавказ, немцы рвутся к Волге. Невесело звучат сводки: «После упорных боев наши войска оставили...» Но вопреки всему сердце верит в победу. Пишу повесть о победе».

Наша Ванда! Так называли ее друзья, товарищи, читатели в дни горьких испытаний на войне, в дни торжества мира.

В этих словах было самое душевное признание ее заслуг перед Родиной, отметившей труд писательницы орденами и медалями.

За заслуги в организации Войска Польского, дивизии имени Тадеуша Костюшко она была удостоена самых высоких орденов народной Польши. Трижды ей присуждали Государственную премию СССР.

А какой высокой наградой для себя считала она письма читателей. Искренние, незатейливые, сердечные строки о ее книгах, о героях, которые полюбились людям. Она бережно хранила письма читателей. И непременно аккуратно отвечала им. У нее было много друзей — ученых, рабочих, колхозников, врачей, партийных и хозяйственных работников.

— Люди, люди, какие интересные люди,— делилась своими мыслями Ванда Львовна.— Как хорошо послушать их рассказы, учиться у них, общаться с ними, как много это значит для меня.

Тесная дружба связывала ее с украинскими писателями. Прежде всего это были общие творческие интересы, общие поиски и общие радости. Она хорошо знала Украину. И справедливо когда-то заметил Микола Бажан, что Ванда Василевская много сделала для укрепления дружбы между польской и советской литературой. Подлинная интернационалистка, она жила интересами семьи советских народов, изучала их культуру, литературу, жадно читала сотни книг, говоря:

— Я должна наверстать многое, ведь я была лишена этой возможности долгие годы...

Помню, как взволнованно говорила она об эпопее Мухтара Ауэзова «Абай», как открыла она для себя «Листригоны» Куприна...

Редколлегия фронтовой газеты «За Радянську Україну» (Юго-Западный фронт): Микола Бажан, Ванда Василевская, Александр Корнейчук. Сентябрь 1941 года.

Фото Я. ДАВИДЗОНА

Однажды мне довелось быть свидетелем интересной беседы. Было это в 1949 году в Киеве. Ее участники Ванда Василевская, Александр Корнейчук и их гость Александр Фадеев вели долгий уже разговор о литературе, о реализме. В дискуссии рождались интересные мысли, предугадывались пути поисков новых форм, принимались и отвергались новые веяния в драме, в романе, в поэзии...

Вдруг умолкнув и как будто выключившись из споров, Ванда Василевская задумалась. Затем, словно возвращаясь издалека, спросила Фадеева:

— Саша, а как ты думаешь, кто больше всего из советских писателей сделал для сближения наших национальных литератур?

— Конечно, я,— хохотнул Фадеев.

— Тебе полагается. Ты генеральный секретарь, писательский. Но я серьезно.

— Посмотри, Сашко,— жалуется Фадеев Корнейчуку.— Заступись. Хозяйка меня обижает.— И затем уже без улыбки спросил: — А ты как думаешь, кто?

— Тихонов,— убежденно сказала Ванда. И повторила:— Тихонов. «Гвозди бы делать из этих людей, не было б в мире крепче гвоздей»,— взволнованно прочла она строки Николая Тихонова.

— Это верно,— согласился Фадеев.

— И справедливо,— поддержал Корнейчук.— Гвозди бы делать из этих людей... Крепко!

Листая страницы записных книжек, вспоминаешь многое. То, что казалось случайным, теперь, с дистанции времени, становится значительным и нужным.

Скупая на внешние выражения своих симпатий и чувств, Ванда Василевская общение с людьми различных профессий строила на какой-то ей одной присущей душевности. Многие нити дружбы и взаимопонимания связывали Василевскую с выдающимися деятелями культуры, науки, литературы, проживающими в разных странах почти на всех континентах. У нее была большая переписка с ними. Знаки этой дружбы бережно хранились на книжных полках в квартире Василевской. Сотни книг советских и иностранных литераторов с дарственными надписями свидетельствовали о прочных братских связях писательницы с их авторами. Часто останавливалась она перед книжными полками и тепло говорила, показывая на ряды книг:

— Мои добрые, верные друзья.

Она много лет собирала украинскую керамику, тонко и глубоко разбиралась в искусстве народных умельцев. Рядом с произведениями этих мастеров уживались сувениры, привезенные из далеких стран. Хрустальные лебеди, подарок мексиканского президента Карденаса, и рядом с ними мачете, которое вручил ей Фидель Кастро в дни ее пребывания на Кубе. Бережно хранилась вынесенная из пылающей Варшавы в страшный сентябрь 1939 года книга друга и товарища Владислава Броневского. Ее польские друзья Ежи Путрамент, Леон Кручковский были частыми гостями в ее доме.

Особые страницы в ее яркой биографии — это годы борьбы за мир. Ее участие в советском и всемирном движениях сторонников мира, горячие выступления, дискуссии навсегда останутся в памяти тех, кто знал ее, слушал, читал. Она была долгие годы членом Всемирного Совета Мира, соратником А. Фадеева, А. Корнейчука и И. Эренбурга в организации и проведении наиболее важных акций славного движения за мир. За большие заслуги во Всемирном движении сторонников мира она была удостоена золотой медали имени Фредерика Жолио-Кюри. Медаль прибыла в Киев, уже когда Ванды не было. Волевая и внимательная, чуткая и суровая, верная слову и долгу, патриот Советской Отчизны в полном смысле этих великих слов, слуга народа — такой была до последнего дня своей жизни писатель-коммунист, борец за дело мира Ванда Василевская.

Книги Ванды Василевской нужны читателям. Они изданы во многих странах мира. Никогда не забуду, как на Версальской ассамблее в защиту народов Индокитая зимой 1971 года ко мне подошел вьетнамец и попросил меня, советского писателя, поставить свой автограф на вьетнамском издании повести Василевской «Радуга». Да, «Радуга» воевала за мир и свободу Вьетнама. Разве это не высшая награда для борца за мир!

Ванда Василевская слишком рано ушла из жизни, но она оставила нам свои пламенные книги, воспевающие людей доброй воли, их дерзания и помыслы, их думы о мире и свободе. Во имя торжества великого дела мира, дружбы и братства народов жила и боролась оружием писателя, словом трибуна наша славная современница Ванда Василевская. И такой она останется в памяти народа.

Киев.

Евгений ПЕРМЯК

РАССКАЗ

Рисунок А. ЛУРЬЕ

НА ВСЕ

Мне прислали нарядную книгу рассказов и просили написать рецензию. Вместо нее написалась вспомнившаяся история, которую я не без каких-то смутных опасений осмелился предложить для прочтения.

Так вот...

* * *

Года два тому назад, приехав на строительство большого завода, я остановился в хорошем номере новой гостиницы.

Мне захотелось побродить по знакомым улицам.

На площади мое внимание привлекла большая, яркая афиша. На ней крупными киноварными буквами объявлялось:

«НА ВСЕ ГОЛОСА».

А ниже, мельче, было напечатано:

«Мини-моно-концерт».

Затем, шрифтом покрупнее, называлось имя лауреата такого-то конкурса. Какого именно — я тоже умолчу, как и о фамилии концертанта, по причинам, как вы убедитесь, весьма деликатного свойства.

Я решил побывать на этом дневном «мини-моно-концерте» и отправился в достраиваемый цех, название которого было вписано в превосходную афишу чьей-то торопливой и небрежной кистью.

Желающих послушать концерт оказалось так много, что располагались они, кто где мог и даже на подкрановых балках.

Эстрада была составлена из больших ящиков, в которых доставлялось монтируемое оборудование цеха.

На эстраде, покрытой брезентом, красовался новейший электронно-клавишный инструмент красного дерева с золотистой облицовкой. В соответствии ему ближе к краю эстрады был установлен монументальный микрофонный постамент, также с блестящей золотистой облицовкой.

Ждать начала концерта почти не пришлось: на все выступление было отведено точно двадцать пять минут из обеденного часа строителей.

Конферансье, молодой рабочий, видимо, из актива культработников, читая по бумажке, объявил, что сейчас выступит известный артист оригинального жанра, любезно согласившийся дать концерт в цехе. Затем он назвал имя аккомпанирующей. Она появилась первой.

Вышла она в золотистом, в цвет отделки ее инструмента, длинном платье, сшитом с большим искусством. Ее белокурые волосы были распущены. Блистая молодостью, она скромно и независимо заняла свое место, вызвав первые аплодисменты.

Следом вышел он. Белоснежное жабо. Безупречный фрак. Простота прически, манер. Выход этой пары мог бы украсить любую из эстрад мира и даже самую чопорную.

Конферансье объявил арию варяжского гостя из «Садко». Молодой певец элегантно взял с нарядной стойки микрофон, подал еле заметный знак концертмейстеру, и зазвучало прелестное электроорганное вступление к арии, а затем послышался диковинно густой бас:

«О скалы грозные...»

Меня поразил голос, заставивший вспомнить лучшие слышанные мною басы.

Когда ария была спета, аплодировали, кажется, и станки. Рукоплескало все и всюду до подкрановых балок.

Вторым номером концерта была «Широкая масленица». Она сразу же привела меня в некоторое смущение. Узнавался голос Шаляпина. Каким бы оригинальным ни был жанр поющего, но все же, согласитесь, повторить Шаляпина... Это уже заставляло подозревать, а потом и догадываться о технике оригинального жанра.

Подозрения подтвердились после зазвучавшей арии Онегина: «Когда бы жизнь домашним кругом..» И стало совершенно ясно, в чем состоит мастерство имитации голосов, когда я и, очевидно, догадавшийся о чудесах радиотехники зал слушали Лемешева, Козловского. А за ними знакомые женские голоса, исполняющие арии Кармен, романсы «Калитка» Н. Обухова, «Ночь» А. Рубинштейна...

Слушатели аплодировали еще неистовее теперь не только опознанному ими трюку, но и искусству абсолютного совпадения движения губ с магнитофонным звучанием голосов любимых певцов.

Я с трудом дослушивал «Соловья» Алябьева, дуэт и квартет, и, наконец, хоровое пение «Широка страна моя родная» в исполнении того же артиста оригинального жанра в безупречном фраке...

...Эту первую половину вспомнившейся истории кто-то, может быть, отнесет к фельетонному повествованию и будет думать так, пока я не поверну «медаль» оборотной стороной... А в ней и суть моего рассказа.

Вечером я познакомился с артистом, оказавшимся не однофамильцем известной певицы, а ее родным сыном. Знакомство произошло в единственной пока гостинице, где жил и он. Я пригласил его и аккомпаниаторшу отужинать у меня в номере. Они пришли не без удовольствия, вероятно, потому, что некуда было деть свободный вечер.

К ужину было подано все, что утоляет прихотливый аппетит и что располагает к откровенности.

Он попросил называть себя (переиначу я) Виктором.

Болтая о пустяках, я подвел разговор к тому, ради чего была затеяна встреча. Мне хотелось знать, как он мог оказаться участником концерта, где единственным певцом был новейший, портативный, бесподобно звучащий «механический артист», спрятанный в нарядном постаменте.

Не скрою, я отлично понимал, что нужно было терпеливо отработать точность открывания рта, мимику, жестикуляцию до абсолютного совпадения со звучанием пленки, за что я честно воздаю Виктору должное.

И Валю (так будем называть концертмейстера) тоже следует отнести к искусным фальсификаторам игры на клавишном электроинструменте. Там тоже, кажется, многое за нее делала техника.

Валю я увидел предобрейшим и восторженным существом. Она, нежданно для себя, нашла сразу два счастья: семейное и... так сказать, трудовое. Он же...

Он же, как я узнал, шел и пришел к «мини-моно-концертам» трудным и, пожалуй, трагическим путем, не только по своей вине.

Согласитесь сами, если в семье отец музыкант, мать известная певица, старшая сестра драматическая актриса, дядя театральный художник, может ли самый младший, каким был Виктор, избежать соблазна избрать «нарядную» сценическую профессию? А данных у него, кроме голоса, не было никаких. Да и голос только в любящих мать и отца мог вселять надежды, что малое удастся развить в большое.

И развивали. Находили сдвиги, новые признаки... Еще совсем мальчишкой и во сне и наяву Виктор ослеплял себя мечтами о свете рампы, вихре оваций.

Грезились поездки за рубеж, продолжение им славы матери, успехов сестры, а...

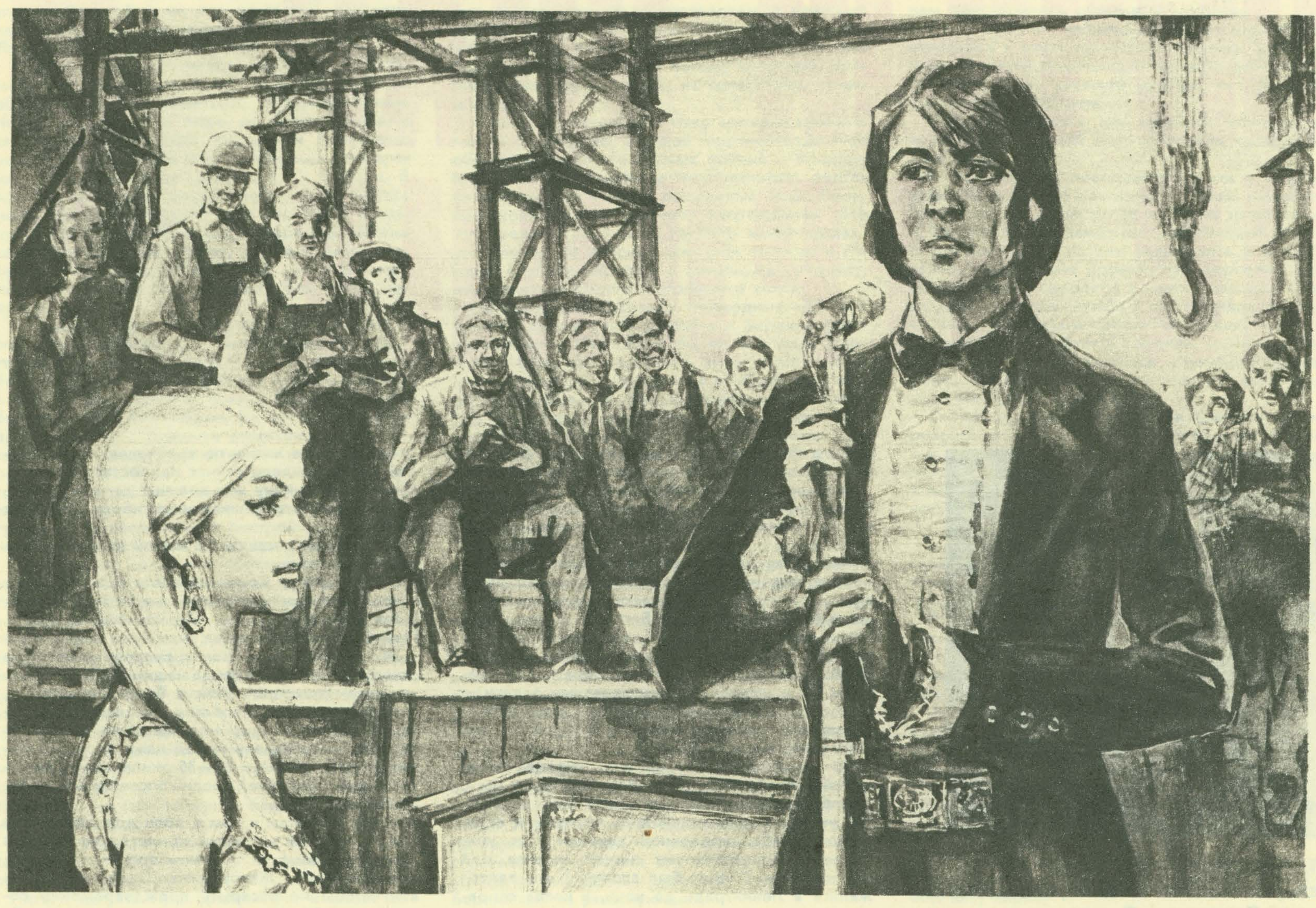
А в Московскую консерваторию его не приняли, несмотря на титанические старания родителей, приводивших в движение все рычаги, способствующие поступлению в заветнейшую из высших музыкальных школ. Там же категорически и сердечно убеждали не губить юнца, из которого ни при каких обстоятельствах не может получиться певец. Но...

Но добродетель, сочувствие и тем более сострадание нередко губительно снисходительны. Нашлась консерватория в другом городе, куда был принят Виктор, и, почти закончив ее, он понял давно понятное другим: одаренности-то особой нет.

Вот тут-то и наступило самое страшное. Рассеялся золотой сон, и кто знает, как бы все это пережил юноша, если б не счастливая встреча с изобретательнейшим режиссером эстрады, человеком неиссякаемых выдумок. Он выручал и давал «дело в руки» совсем безнадежным искателям сценической славы. А Виктор...

Виктор был молодым человеком не без способностей. Не абсолютный, но хороший слух. Блестящее воспитание. Внешнее обаяние и, наконец, знание музыки. Годы, проведенные в консерватории, не прошли даром. Оценив и взвесив все это, режиссер, вхожий в семью Виктора, придумал для него и для своей очаровательной племянницы спасительный «мини-моно-концерт».

Придуманное вначале оскорбило Виктора. Мать тайком плакала... Отец приглушил свою боль. Но умение режиссера внушать уважение ко всякому эстрадному зрелищу взяло свое. Виктор попробовал... Потом увлекся... И в результате премьера... Фурор!' Победа! Приглашения... Договоры... Высокая оплата... Хорошая пресса... И...

И «мини-моно-концерт» иллюзорно обнадежил отчаявшегося молодого человека... Ожил хотя и не золотой, но притворившийся им сон. Зашелестели первые аплодисменты, которые спустя годы по мере вживания в аттракцион (иначе, по большой справедливости, и не назовешь подобный «мини-моно-концерт») перешли в овации, и судьба промыла новое, неожиданное, ставшее привычным русло. Как-никак он артист оригинального жанра и лауреат конкурса, который я тоже не назову, не желая навести на след и раскрыть доподлинного героя, что не было бы приятно и Виктору и всей его знаменитой артистической семье.

Рассказывая о своем пути через консерваторию к «мини-моно-концерту», Виктор всего лишь старался выглядеть примирившимся и даже счастливым, нашедшим, как он выразился, «экстравагантное, в своем роде уникальное амплуа». Говоря так, он отводил глаза. Когда же они встречались с моими глазами, и он и я чувствовали какую-то неловкость.

Валя, заметив это, сказала:

— Мало ли артистов, которые в фильмах открывают рот и не поют!..

Я мог бы возразить: «Зато как бесподобно играют эти талантливые драматические артисты, за которых поют другие». Но я...

Но я промолчал. Мне в эти минуты стало до боли жаль Виктора. Жаль за то, что в избранной им профессии певца он виноват меньше других, а может быть, и вовсе не виноват. Теперь он уже не может ничего изменить. К тому же, что еще печальнее, он привык к успехам своих «мини-моно», как привыкает... Впрочем, не дам сорваться с кончика языка вертящееся на нем точное, но опять же не очень приятное сравнение.

Валя же с непосредственной гордостью объявила мне:

— У нас ангажемент почти на сто концертов. Правда, мы вынуждены выступать в обеденные перерывы или вставными номерами в клубных концертах маленьких городов. В больших — нам перебегают дорогу более предприимчивые дельцы, поющие на все голоса...

Мне захотелось возразить и назвать действительных мастеров эстрады, поющих на многие голоса, но поющих своим голосом и стяжающих заслуженное восхищение зрительного зала. Но Валю не вразумило бы это. Она была бы кровно обижена.

— Мы,— сказала она,— отправимся в гастроли по южным курортам на своей новой машине, а затем будем думать и еще об одной капитальной покупке...

Я молчал...

А утром пришла машина. Даже две. Вторая для реквизита «мини-моно-концертов». Концертанты уезжали в совхоз, где предстояло три выступления на полевых станах.

Где-то здесь, а то и раньше нужно было бы закончить рассказ, который при всех моих стараниях избежать дидактики все же получился нравоучительным. Публикуя его, я ищу великодушного снисхождения, втайне надеясь, что «мини-моно-концерт» частного и не очень типичного звучания все же может найти самые неожиданные отзвуки в смежных с музыкой, а то и совсем далеких от нее областях... Научных, индустриальных и каких-то еще, неведомо каких.

Но в данном случае эта вспомнившаяся мне история заставила меня отказаться написать рецензию на присланный мне сборник рассказов в изумительно хорошем переплете, с отличным портретом автора, уже ставшего пусть не знаменитым, но знаемым. В этом сборнике рассказов зазвучали для меня многие, хорошие, даже, пожалуй, классические голоса, но в нем почти не было слышно авторского голоса.

Сказать об этом я не то постеснялся, не то побоялся, а вернее всего, мне было жаль обидеть в общем-то превосходного человека, ошибочно избравшего профессию. Ведь он бы, до глубины души возмущенный, не поверил да и не поверит теперь, не опознает себя в его аналогичном, затейливо изданном «макси-моно-концерте» в триста с чем-то страниц. Одним словом...

Одним словом, выбрать профессию легче, нежели оказаться ей под стать и чего-нибудь в ней добиться.

Извините еще раз за дидактическое изречение, принадлежащее также не мне, а самым требовательным, справедливым из всех ценителей, имя которым — Время и Жизнь.

ГОЛОСА

ПЕРВЫЙ УДАР ПО БЕРЛИНУ

П. ХОХЛОВ,
генерал-лейтенант авиации в отставке, Герой Советского Союза

Шел тяжелый август 1941 года.

Несмотря на ожесточенное сопротивление, которое оказывала Красная Армия превосходящим силам противника, фронт все дальше и дальше откатывался на восток. Немецкие дивизии были под Смоленском, на подступах к Таллину и Ленинграду. Ударная авиация врага бомбила Москву, Киев, Севастополь и многие другие промышленные и административные центры страны.

Фашистская пропаганда трубила на весь мир, что советский воздушный флот уничтожен, и поэтому угроза бомбовых ударов с его стороны по крупнейшим городам Германии, а тем более по ее столице исключена. Геринг официально заверил нацию, что ни один русский самолет не появится в небе Берлина.

Однако он поторопился хоронить нас.

Действительно, к тому времени наша авиация понесла большие потери. Вероломное нападение врага на наши авиабазы в первое утро войны, последующие жестокие воздушные бои, определенное превосходство немцев в качестве и количестве истребителей — все это, разумеется, сказалось на мощи и боеспособности советской авиации. Но она продолжала сражаться, поддерживая войска на поле боя, уничтожая немецкие самолеты на аэродромах и в небе, громя живую силу и технику в тылу врага.

В те дни я служил в 1-м минно-торпедном авиационном полку ВВС Краснознаменного Балтийского флота, занимая в звании капитана должность флагманского штурмана. Летал в составе экипажа командира полка Евгения Николаевича Преображенского. Время было горячее. Авиация флота бомбила войска противника в районе Двинска, Пскова, Луги, Кингисеппа, Таллина, на подступах к Ленинграду, наносила торпедно-бомбовые удары по кораблям врага, стоявшим в морских базах и шедшим открытым морем, совершала налеты на пушечный завод в городе Турку. В иные дни нам приходилось совершать по три-четыре боевых вылета.

Свой долг мы выполняли честно и, защищая Родину, жизни свои не жалели. И все-таки всех нас не покидало чувство, что сделано еще не все.

Много раз мы с Евгением Николаевичем ломали голову над тем, как разрешить одолевавшую нас в то время фантастическую идею: нанести бомбовый удар по Берлину. Я даже рассчитал маршрут. Но дальности наших двухмоторных «ДБ-3» (их называли еще «ИЛ-4») на полет от Ленинграда до Берлина и обратно не хватало. Да и насущные каждодневные задачи — бомбежка наступающих колонн фашистов — отодвигали осуществление этой идеи на неопределенное время.

Но она жила в нас и особенно окрепла после одной случайной встречи. В конце июля мы с Преображенским были в штабе ВВС фронта, где уточняли взаимодействие морской и сухопутной бомбардировочной авиации при уничтожении бронетанковых частей немцев под Кингисеппом. Вопрос был сложный, мы задержались в Ленинграде до ночи, а когда отправились в часть, то минут через десять угодили под воздушную тревогу. Проскочить на машине пустынными улицами города не удалось, первый же патруль задержал нас и предложил отправиться в бомбоубежище.

Мы оставили машину у тротуара и вошли под арку ближайшего дома. Народу собралось тут много. По небу рыскали сотни прожекторных лучей, и когда им удавалось поймать вражеский самолет, то мы видели, как к нему тотчас же вытягивались трассы зенитных снарядов. Вдруг послышался завывающий свист падающих бомб. Рвануло сильно и совсем рядом. Все, кто был под аркой, кинулись к убежищу. Остались только мы двое да какой-то старичок.

— Как же вы, летчики,— прошамкал он,— позволяете фашистам бомбить наш город? Ваше место не здесь, под аркой, а в воздухе. Была бы у вас хоть капля совести и самолюбия, вы бы им то же самое устроили.

Евгений Николаевич пытался что-то объяснить, но старик сердито повернулся и пошел к убежищу.

Хоть и не справедлив был упрек в наш адрес, но возвращались мы домой в скверном настроении.

Преображенский заговорил первым:

— Какое огромное психологическое воздействие производят на людей ночные бомбежки! Да... В Берлине наши бомбардировщики могли бы навести панику.

Я согласился.

А на другой день, возвращаясь домой после бомбежки немецких танков, с воздуха мы увидели, как фашистские штурмовики с малой высоты расстреливают все живое, что было на шоссе, ведущем из Гатчины к Ленинграду. Это было зверское истребление ни в чем не повинных советских людей: женщин, стариков, детей. И мы ничем не могли помочь им. И когда после посадки и заруливания самолетов на стоянки командир полка собрал летный состав для разбора нашего последнего вылета, он начал этот разбор необычно:

— Что наша жизнь по сравнению с той бойней, что вы видели сейчас на шоссе? Песчинка. Но и эту песчинку мы должны дорого отдать, чтобы отомстить фашистам за гибель советских людей.

А потом он рассказал о нашей последней ночи в Ленинграде.

С того дня в моем планшете лежала карта с проложенным маршрутом на Берлин, с полными расчетами полета. Ознакомившись с нею, Преображенский сказал, что если лететь, так только с аэродрома Кагул, расположенного на острове Сааремаа. Оттуда наши «ДБ-3» не только могут совершить рейс в Берлин и обратно, а еще и захватить с собой до тысячи килограммов бомб. Командир нисколько не сомневался, что такую задачу перед нами скоро поставят, и уже прикинул 30—35 экипажей из нашего полка, которые имели достаточный опыт, чтобы ее решить.

И вот однажды к нам в полк для постановки задачи особой важности прилетел из Москвы начальник авиации военно-морских сил генерал-лейтенант Жаворонков Семен Федорович. Чтобы не раскрыть преждевременно содержание боевого задания, он вызвал к себе сначала только Преображенского и комиссара полка Григория Захаровича Оганезова. Расспросил о состоянии части, ее возможностях, моральном духе летчиков. Только после этого он объявил о решении Ставки и спросил:

— Сколько экипажей можете выделить?

— Тридцать пять! — сразу же ответил Евгений Николаевич.

— Хорошо! Но пока отберите двадцать самых опытных. Пусть подготовятся к перебазированию на аэродром Кагул. Вылет четвертого августа.

Узнав о предстоящей операции, я очень удивился такому полному совпадению наших чаяний и планов с приказом Ставки. Уже много лет спустя, когда я возглавлял штаб авиации Военно-Морского Флота страны, Н. Г. Кузнецов, бывший в 1941 году наркомвоенмором, рассказал мне, как в Москве созрело такое решение. Во время одного из докладов Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину Кузнецов сказал, что в ответ на варварскую бомбардировку фашистами наших мирных городов советская авиация должна нанести удар по столице Германии. Сделать это могут, в частности, летчики-балтийцы. Сталин предложение одобрил, приказал его детально разработать и приступить к выполнению. Возглавить все было поручено Жаворонкову.

Между прочим, мы тоже удивили Семена Федоровича. Когда он вызвал меня и спросил, имею ли я карту северной части Германии, я вынул из планшета карту с проложенным маршрутом с Кагула до Берлина.

— Как это понимать? — спросил генерал Преображенского.— Я ведь строго запретил рассказывать кому бы то ни было о предстоящих полетах.

— А мы давно готовимся к бомбардировке Берлина,— объяснил командир.

— О Берлине никому ни слова,— приказал Жаворонков.— Это чрезвычайный секрет. А пока готовьте экипажи и технику, в распоряжении всего трое суток.

Работы было много. Члены отобранных экипажей донимали расспросами: правда, что летим на Берлин? А те, кто оставался, по-прежнему ежедневно вылетали на бомбежку под Лугу, Гдов, Порхов, Кингисепп.

К исходу второго августа на Кагул на автомашинах ушло отделение авиатехнического обеспечения с имуществом и боеприпасами. Через два дня оно было на месте. Бомбы и авиатопливо доставили тральщики Краснознаменного Балтийского флота, которым в то время командовал вице-адмирал В. Ф. Трибуц. В одиннадцать часов вечера четвертого августа наша оперативная авиагруппа поднялась в воздух и взяла курс на остров Сааремаа. Летели на высоте 300—400 метров, неся по десять стокилограммовых авиабомб, чтоб иметь на первый случай хотя бы по одной бомбовой зарядке.

Аэродром Кагул был построен буквально перед самой войной для базирования истребителей, и мы сразу поняли, что для наших бомбардировщиков условия будут крайне тяжелыми. Взлетно-посадочная полоса была длиной не более 1 200—1 300 метров. На западе она упиралась в село с редкими домиками, окруженными деревьями. На востоке к ней подходил редкий сосновый лес, а за ним начиналось сухое болото, покрытое пнями и камнями. С юга и севера к границам взлетного поля примыкали хутора с хозяйственными постройками и садами. Истребителям места хватало, но нам...

Когда сели, сразу же приступили к маскировке. Самолеты подогнали к хуторским постройкам, натянули маскировочные сети. По окончании этой работы мы с Преображенским поднялись в воздух и убедились, что сверху нашу группу обнаружить нелегко. Это было особенно необходимо, так как посты ВНОС были расположены всего в 15—18 километрах от аэродрома, так что даже в случае обнаружения вражеских бомбардировщиков, идущих в нашу сторону, у 15 истребителей, что базировались вместе с нами и прикрывали нас, не хватало времени подняться и дать бой. Одна надежда оставалась на две зенитные батареи 76-миллиметровых пушек.

С этого аэродрома мы слетали несколько раз на ближние бомбежки и в общем-то сумели освоиться с условиями.

Пятого августа Преображенский и Оганезов собрали весь летный состав и довели до всех боевую задачу Верховного командования. Я рассказал об особенностях маршрута и некоторых расчетах полета. Сначала мы должны лететь над морем до Штеттина, а оттуда сворачивать на юг, на Берлин. На обратном курсе должны выходить в море в районе Кольберга и идти до Кагула. Длина всего маршрута туда и обратно составляла 1 760 километров, из них — 1 400 над морем. Над Берлином придется подняться до практического потолка самолета — 6 000—6 500 метров. На весь полет уйдет около семи часов с учетом захода на второй круг при посадке. Даже в этом случае топлива в баках останется всего на 15—20 минут полета, так что воспользоваться каким-то другим аэродромом, кроме своего, невозможно. Поэтому наше пребывание над Берлином будет очень коротким, а потому штурманы должны выводить самолеты на цель очень точно и сразу.

Фашистская столица к тому времени прикрывалась с воздуха мощной противовоздушной обороной: тысячи зенитных орудий и прожекторов, сотни самолетов-перехватчиков, подготовленных для ночных воздушных боев, большое количество аэростатов заграждения. Все эти средства ПВО были глубоко эшелонированы с наиболее опасных секторов подхода к городу. Глубина обороны с севера, по существу, начиналась с берега Балтийского моря.

На наших относительно тихоходных «ДБ-3» в светлое время суток подойти к Берлину было невозможно. Нас сбили бы на его подступах. Нужно было так рассчитать полет, чтобы начиная с побережья до Берлина и обратно до моря он проходил в самое темное время суток. А в начале августа на севере Балтики еще продолжаются белые ночи. Короче, расчеты показывали, что мы должны взлететь примерно в девять вечера, а вернуться в четыре утра, с восходом солнца. Над целью мы должны появиться в промежутке между тридцатью минутами первого и часом тридцатью.

Мы понимали, что противник, зная скорость и дальность наших самолетов, может без труда рассчитать расположение нашего аэродрома и нанести по нему авиационный удар в самые трудные для нас минуты — перед посадкой. И тем не менее все с нетерпением ждали вылета. Каждый экипаж имел свой объект, а штурманы тщательно изучали подходы к ним. Наш самолет должен был бомбить Штеттинский вокзал, где, по данным разведки, в это время скопилось много военных эшелонов, отправлявшихся на восточный фронт.

Шестого августа метеослужба штаба ВВС флота дала обнадеживающий прогноз погоды на ближайшие сутки, а на следующий день капитан Усачев на летающей лодке «Ч-2» ушел на разведку погоды по нашему маршруту. Мы с нетерпением ждали его возвращения, потому что от его данных зависело, лететь нам на Берлин или на запасную цель.

Усачев вернулся часам к восьми вечера с хорошими вестями, через полчаса экипажи заняли свои места. В 21 час я открыл астролюк над своей штурманской кабиной флагманского корабля и выстрелил в небо зеленой ракетой. По этому сигналу взревели моторы, самолеты стали выруливать на старт.

Там, в конце взлетной полосы, с двумя флажками в руках стоял Семен Федорович Жаворонков. Он помахал рукой нашему экипажу, а белым флажком — вдоль взлетной полосы. Я закрыл астролюк, опустился на сиденье и сделал первую запись в бортовом журнале:

«Взлет в 21.00»...

...Самолет отрывался тяжело. Над морем к нам пристроились остальные экипажи.

Внизу гребни небольших волн изумрудно искрились в лучах заходящего солнца. Полнеба было затянуто облаками. Очертания латвийского побережья, занятого врагом, все больше растворялись во мгле.

Через час полета мы пробили облачность и на высоте в 4 500 метров надели кислородные маски.

К германскому побережью вышли у Свиноустья на высоте 6 000 метров, когда температура в кабине упала до 38 градусов ниже нуля. У Штеттина мы заметили работающий аэродром. Все время на нем включались и выключались посадочные прожектора, вероятно, это возвращались самолеты ударной авиации врага. Аэродромная служба и нас приняла за своих, замигала огнями, предлагая посадку. Сверху мы видели, как рулят к стоянкам немецкие самолеты. Руки сами тянулись к бомбосбрасывателю... Но нас ждала другая цель. И лететь до нее было еще с полчаса.

Берлин мы увидели издалека. Сначала на горизонте появилось светлое пятнышко, потом оно стало разрастаться, и вот зарево охватило полнеба. От неожиданности я даже оторопел. Фашистская столица была освещена. Докладываю в микрофон Преображенскому:

— Перед нами Берлин.

— Вижу! — взволнованно ответил он, и аэронавигационными огнями подал идущим за нами экипажам команду рассредоточиться и выходить на цели самостоятельно.

Я вывожу свой самолет к вокзалу. По фонарному освещению легко прослеживается конфигурация улиц города. Искрят дуги трамваев о провода, а полная луна высвечивает озера и реку Шпрее. Тут не заблудишься.

А город молчит. Ни единого выстрела, ни единого прожекторного луча. Нас все еще считают своими самолетами!

— Боевой! Так держать!

Я открываю бомболюки. Снимаю бомбы с предохранителей, кладу руку на электросбрасыватель. Когда самолет подходит к цели на угол сброса, я нажимаю кнопку.

— Это вам за Москву, за Ленинград, за наш народ! — кричу. Бомбы уже улетели, а я все еще жму кнопку.

Потом вспоминаю о листовках. Спрашиваю в микрофон нашего стрелка-радиста, сержанта Кротенко.

— Сброшены вместе с бомбами! — отвечает он.

Секунд через сорок я увидел внизу разрывы. Город сразу же погрузился во тьму. Небо пронзили тысячи прожекторных лучей и снарядных трасс... Грандиозный фейерверк над погруженным в темноту Берлином. Впереди и с боков самолета взрывалось сразу по 30—40 снарядов, но немцы опоздали. Применяя противозенитный маневр, каждые полминуты меняя курс, мы с потерей высоты уходили к морю. Эти тридцать минут от Берлина до Штеттина были особенно трудными. Наверное, поэтому Кротенко поторопился передать домой телеграмму с условленным ранее текстом:

«Мое место Берлин. Задачу выполнил. Возвращаюсь».

Ее мы должны передать с выходом в море. Но, учитывая обстановку, в которой мы оказались, сержант поступил правильно. Если нас сейчас собьют, гадай потом: были мы над Берлином или нет, сбили нас над целью, при подходе к ней или позже. А теперь все было ясно.

В эти часы на аэродроме Кагул никто не спал, все ждали вестей от нас. Григорий Захарович Оганезов каждые две-три минуты заходил в радиорубку, все спрашивал, нет ли телеграммы, и возвращался на командный пункт. А когда радист наконец подал ему долгожданный листок с коротким текстом, Оганезов кинулся с ним на командный пункт и с порога прокричал:

— Они над Берлином! Возвращаются!

Потом он ездил по аэродрому, по стоянкам самолетов и всем объяснял, что мы только что отбомбили фашистскую столицу.

А мы благополучно проскочили опасную зону ПВО. Вышли в море и, снизившись до четырех тысяч метров, взяли курс на Сааремаа. Запросили метеоусловия аэродрома. Там стояла густая дымка, но посадку нам разрешили. Прошло ровно шесть часов пятьдесят минут после

Перед вылетом.

Михаил ХОНИНОВ

КОГДА ПЛЫВУТ ОБЛАКА

ЗВЕЗДА ГАГАРИНА

Не вернулся парень синеглазый,
Наш Гагарин, храбрый русский сокол,
И звезда над степью необъятной
Вдруг зажглась тревожно и высоко.

Юноша смоленский, звонким небом
Он шагает по просторам вечным
И костры багряные разводит,
Двигаясь путем опасным, Млечным...

Вдаль глядят задумчиво калмыки,
Шорох ночи, месяц под горою.
О, судьба, зачем же не дала ты
Возвратиться гордому герою?

Или он затем остался в безднах,
Чтобы из ночующих рассветов
Поднимать ликующее солнце
Утром над Республикой Советов?!

КОГДА ПЛЫВУТ ОБЛАКА

С малолетства помню и доныне,
Как сидела мать среди калмычек,
И кошму на парусине грубой
Для семьи старательно сбивала.

Но внезапно появился ветер,
Шерсть овечью цепкими руками
Подхватил,
над головами женщин
Закрутил и в небеса умчался.
Долго, долго горевала мама,
Горевала, тяжело вздыхала,
Сомневалась:
Вихрь
таким не может
Сильным быть!..
То нас гнетет судьбою...

Первоклассник, убеждал я маму:
— Вихрь орла грознее, сам я в книжке
Прочитал!..
Когда ж не стало мамы,
Взрослый, я смотрю в простор высокий.

Облака, да это белой шерсти
Легкие, не собранные клочья,
О которых вспоминала мама
И до смерти их не позабыла.

* * *

Когда я лежал на смоленской земле,
Контуженный,
в копоти — рытвинной мгле,

Судьба подошла, наклонилась, сказала:
— Не бойся, я раны перевязала,
Что хочешь еще ты под взорванным небом?
Я тихо ответил ей:
— Хлеба!

Когда я в пути заблудился и зноем
Был свален в бурьяны,
опять надо мною
Судьба объявилась, устало спросила:
— Куда же девались и храбрость и сила?
Что хочешь?
Джомба[1]?
Отвечаю:
— Да, чаю!..

[1] Джомба — чай калмыцкий, лучшего приготовления.

БУДЬ ДО КОНЦА КАЛМЫКОМ

Коня никто не превратит в верблюда,
И юностью не заблистает старость.
Не обернутся черноземом руды,
И я калмыком навсегда останусь.
В моей крови степные травы бродят,
Их соки плещут в жилах перегудом,
Что есть во мне, то есть в моем народе,
Я сын его, и я другим не буду.
И языком отчизны говорящий,
Встречаю друга и землепроходца,
И пью кумыс, и, как песок горячий,
Я золотею под высоким солнцем.

КАЛМЫЦКИЕ КОВЫЛИ

Ковыли, ковыли, ковыли,
Как ватага мальчишек вдали,
Белочубых, под жарким лучом
Убегающих вслед за мячом.
Ковыли, ковыли, ковыли,
То текут сайгачата вдали,
По лиманам, а ну, детвора,
Вам поесть и поспать бы пора!
Ковыли, ковыли, ковыли,
Ветер белые крылья вдали
Распластал...
И шумит, как бурун,
Жеребят тонконогих табун.
Ковыли, ковыли, ковыли,
Вы о чем же звените вдали? —
Струны праздничной нашей весны,
Вы под осень уходите в сны.
А зимою в заснеженной мгле
Отдыхаете вы на земле,
И над вами проносит буран
Песни разных, невиданных стран.
Ковыли, ковыли, ковыли,
Как ватага мальчишек вдали,
Белочубых, под жарким лучом
Убегающих вслед за мячом.

Перевел с калмыцкого Валентин СОРОКИН

нашего вылета, когда Евгений Николаевич прямо с первого захода отлично посадил флагманский самолет. А следом стали садиться остальные. Мы зарулили на свою стоянку. Спустились из кабин на землю. Ныла спина, руки еще не отогрелись, от перенапряжения дрожали ноги и болели глаза. Преображенский лег на землю прямо под плоскостью самолета, положив под голову плоский серый камень. Я и оба стрелка-радиста опустились рядом. Хотелось вот так лежать и не шевелиться на нашей родной, теплой и близкой земле.

Минут через пять к самолету на легковой машине подкатил Семен Федорович Жаворонков. Мы поднялись, и Преображенский хрипловатым голосом доложил:

— Товарищ генерал, боевое задание выполнено!

Они расцеловались.

Тут же на основании опросов всех экипажей было составлено боевое донесение адмиралу Трибуцу и наркому Кузнецову.

Часов в двенадцать дня нас разбудили и приказали построиться. Генерал Жаворонков зачитал нам телеграмму Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, в которой он поздравил нас с выполнением задания и пожелал новых боевых успехов.

Оганезов сообщил нам данные радиоперехвата. Немецкое радио передало, что в ночь с 7 на 8 августа английская авиация пыталась совершить налет на Берлин. Большая группа самолетов была рассеяна на подступах к столице, но несколько десятков все-таки прорвалось. Шесть из них сбиты и упали в черте города. В результате бомбардировки возникли пожары. В то же утро английское радио объявило, что минувшей ночью из-за плохих метеоусловий над Британскими островами английские самолеты на Берлин не летали, поэтому сообщение о шести сбитых бомбардировщиках вызвало в Лондоне крайнее недоумение.

Но мы-то знали, в чем дело. Фашистская пропаганда не хотела признаваться, что бомбили Берлин советские летчики. В тот же день на предприятиях Ленинграда прошли митинги, на которых было рассказано о нашей успешной операции. Товарищ Жданов назвал тогда авиацию Балтийского флота, летавшую на Берлин, политической авиацией. Эта операция широко комментировалась во всем мире. Мы же готовились к следующему рейсу на столицу рейха.

На аэродром Астэ юго-восточнее Кагула приземлились 20 экипажей во главе с капитанами Щелкуновым и Тихоновым. Эта группа также поступила в подчинение Жаворонкова, и цель у них была та же: Берлин.

Следующий налет мы совершили девятого августа. Метеоусловия были сложными по всему пути и особенно при возвращении. У нашего самолета перегревшийся левый мотор работал не на полных оборотах, а у Преображенского отказали оба компаса. Да и берлинское ПВО было в этот раз начеку. Плотный зенитный огонь встретил нас еще на подходе к городу, а потом приходилось уходить от атак ночных истребителей.

В ту ночь домой не вернулся экипаж старшего лейтенанта Ивана Петровича Фенягина: штурман Александр Дикий, стрелок-радист Василий Маркин и стрелок Николай Шуев. Стрелок-радист Кудряшов из экипажа капитана Плоткина доложил, что видел большой взрыв в воздухе, похожий на взрыв самолета. Но мы все-таки ждали, надеялись, так как и раньше и позже не раз случалось, что экипажи подбитых самолетов, выбросившись с парашютом или совершив вынужденную посадку, все-таки возвращались домой, иногда неделями пробираясь по оккупированной врагом территории. Но Фенягин со своими ребятами так и не вернулся. Это была наша первая боевая потеря в берлинской операции.

Немцы не могли простить нам наши налеты на фашистскую столицу. На рассвете 12 августа над Кагулом появилось несколько «Ю-88». Они сбросили бомбы, не причинив нам вреда, но с тех пор каждое утро и вечер к нам прилетали «Ме-109». Теперь опасность нас ждала не только в берлинском небе, но и на подлете к аэродрому после задания и на земле. В воздухе нас перехватывали истребители, а на стоянках осыпали бомбами и поливали пушечно-пулеметным огнем «юнкерсы» и «мессершмитты». Фашисты засылали на остров свою агентуру, которая вела разведку, а во время ночных налетов на аэродром ракетами указывала стоянки наших самолетов.

Мы несли потери. Нас сбивали и над Берлином. Но чаще всего экипажи гибли при возвращении. Израненные осколками самолеты, измотанные после семичасового полета и ночных боев с истребителями экипажи дотягивали до родной земли, и тут силы покидали их. Они врезались в нее у аэродрома, падали рядом с полосой, сгорали уже на земле, на глазах своих товарищей.

Но, несмотря ни на что, мы продолжали свои рейсы на Берлин. Тридцать дней враг не знал покоя в своей собственной столице.

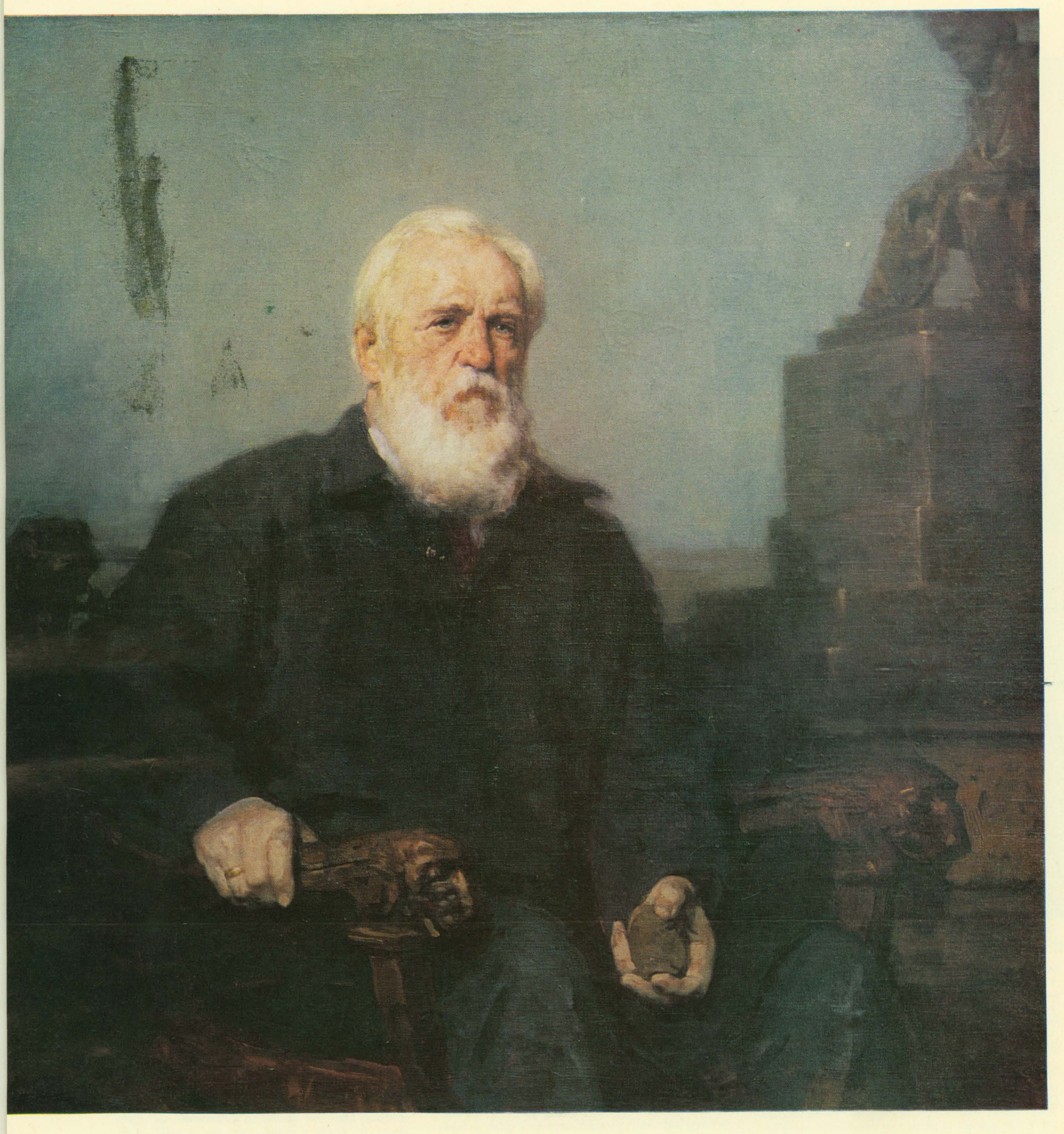
28 августа под натиском превосходящих сил противника наши войска оставили Таллин. Подача авиационного топлива и боеприпасов на остров Саарема прекратилась. А пятого сентября группе Преображенского, в которой осталось несколько исправных самолетов, было приказано перебазироваться на основной аэродром.

Не многие из нас, летчиков-балтийцев, начавших войну в ее первые дни, дожили до мая сорок пятого. Слишком суровыми были выпавшие на нашу долю испытания, чтобы можно было пройти их без потерь. Но нас помнили, и живых и тех, кто погиб, защищая Родину. Помнили наши дела. И девятого мая 1945 года первый советский комендант Берлина генерал-полковник Н. Э. Берзарин прислал летчикам Балтики телеграмму:

«Вы первые начали штурм логова германского фашизма с воздуха. Мы его закончили на земле и водрузили Знамя Победы над рейхстагом. Поздравляю вас, балтийские летчики, с Днем Победы и окончанием войны».

П. Корин. (1892—1967). ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКОВ КУКРЫНИКСОВ. 1957—1958.

В. Орешников. ПОРТРЕТ СКУЛЬПТОРА В. В. ЛИШЕВА. 1952.

ЗАРЕВО НАД ДОНБАССОМ

Алексей **ИОНОВ**

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

XIII

В те самые минуты, когда Макар Федотович, прильнув к дырявым доскам забора, провожал скорбным взглядом немецкий грузовик, бряцавший цепями и с этим угрюмым кандальным звоном увозивший невестку, Андрею Русакову чудилось в забытьи, будто он болен, будто лежит на жестком, бугристом тюфяке и умиляется от нежного прикосновения к его лбу материнской ладони. «Ах, мама, мама... Ведь я уже взрослый, а она пробует у меня температуру, как у ребенка. Ну да, я же для нее по-прежнему ребенок, несмышленыш. Как это бывало в детстве? Набегаюсь на морозе, упарюсь, а потом наглотаюсь снега — вот тебе жар и бред. А она заботливо уложит меня в постель, даст какое-то горькое питье, ласково погладит меня по лицу ладонью, и я усну, усну... А наутро мне уже лучше, и не болит голова. Вот какая легкая у тебя рука, мама! Как живительно твое горькое лекарство! А сейчас мне плохо, плохо... И в голове боль, и жжет спину, и бьет озноб. Видно, болезнь у меня не такая, как бывало когда-то... Что же мне делать, мама?»

Андрей рванулся, пытаясь подняться, и... проснулся.

Он проснулся от холода, пошарил вокруг себя, нащупал каменную почву и неуклюже, с усилием поднялся на ноги. Его прохватывало сквозняком. «Почему темно? Неужели все еще ночь?» И в одно мгновение вспомнил все, что случилось с ним нынче утром. Он отчетливо увидел хищно изогнувшуюся фигуру Путэра, испытал страх перед прыжком в бездну, проследил мыслью свои мучительные блуждания по шахте. «Кажется, я видел тогда зыбкий просвет впереди. Где же он, этот просвет?»

Русаков вспомнил, что, подойдя к шурфу, он упал на камни и увидел над собой ступени лестниц. «Постой, постой,— мысленно говорил он себе, силясь восстановить в памяти последовательность пережитого.— Почему же сейчас я не вижу никакого просвета? А не было ли все это галлюцинацией?»

Ладонь левой руки теперь не простреливало жгучей болью, но появилось в ней новое ощущение: казалось, будто кровь со всей руки схлынула вниз, к самой кисти, сделав ее тяжелой, как гиря, а мышцы предплечья сводило болью. Здоровой рукой Русаков приподнял больную, согнул в локте и, прислонясь к трухлявым крепям, постоял с минуту в тревожном ожидании, что боль утихомирится, оставит его. Но боль и ощущение тяжести не исчезали.

Откуда-то сверху по-прежнему тянуло влажным ветром, чуть внятными запахами пробудившейся степи. Русаков догадался, что находится как раз под стволом. Он пошарил вокруг себя и нащупал лестницу. Полуповиснув на одной из ступеней, он проверил ее прочность. Перекладины оказались достаточно надежными. Вверху было темно, как и в шахте. «Видимо, ночь,— подумал Русаков.— Сколько же времени я нахожусь под землей? Если сейчас ночь, мне — только бы выбраться отсюда!— легче будет найти пристанище». Он, не раздумывая, стал карабкаться по лестнице, с большим усилием поднимая над головой и перенося с перекладины на перекладину раненую руку.

Преодолев первую лестницу, он уперся спиной в деревянный полок и отдышался, запрокинув голову и всматриваясь в призрачно сереющую высь. Оттуда надоедливо сеялась водяная пыль. До поверхности земли оставалось, по-видимому, недалеко.

Перекладины были влажны и скользки, и Русаков все время испытывал чувство боязни. Его руки порою начинали дрожать при мысли, что, если он сорвется с лестницы и пусть даже не разобьется насмерть, а только изувечит себя, ему нипочем не выбраться отсюда. От этой мысли его мутило, лестницу, казалось, начинало пошатывать из стороны в сторону. Впрочем, Русаков понимал, что головокружение у него может быть и от голода, от изнурения. И он еще упорнее, торопливее продолжал карабкаться в гору.

Особенно трудно давалась ему последняя лестница. Понадобилось употребить все силы, всю былую мальчишескую сноровку. Ноги дрожали и скользили, боль в заплечье усилилась, немели пальцы...

Сверху его теперь ощутимо обдавало ветром, чуялись запахи дождя и степи. Темноту разрывало трепетным фосфорическим светом, слышались глухие, как при осадке горных пород, раскаты грома. Гроза бушевала над самым копром.

У края ствола Русаков ткнулся ничком в землю, торопливо отполз от ямы, перевалился на спину, блаженно раскинул руки. Он лежал бездумно и недвижимо, наслаждаясь отдыхом, радуясь своему спасению.

Небо почти непрестанно озарялось судорожными вспышками молний, и в эти мгновения Русаков рассмотрел, что лежит он в какой-то неказистой деревянной постройке вроде деревенского сарая без окон, с дырявой крышей. Это был ветхий копер-времянка, сохранившийся с той поры, когда шахтостроители вели здесь проходку шурфа и при помощи бадьи спускали в забой крепежный лес, взрывчатку, инструменты.

От жесткой, утоптанной земли приствольной площадки исходил запах лежалой смолы, судовых канатов. По лицу Русакова струились не то дождинки, не то слезы, и он думал растроганно: «Как хорошо на земле!» Но благодушествовать было не время.

«Куда же я теперь?— размышлял он в тревоге.— Домой? Нет, хоть дом и недалеко, мне туда нельзя: увидит какая-нибудь сволочь, стукнет в гестапо — и амбец. Схватят не меня одного, а всех, кто скрывал «партизана»: и Наташу и отца с матерью, а дом сожгут. Нет, лучше, пока не залечу руку и спину, приютиться у кого-либо из чужих, а потом передать с верным человеком: «Я там-то»,— и ко мне тайно придет мама или Наташа. Хорошо, что они не знают о моих злоключениях...»

Он вспомнил мать, ее лицо в добрых морщинах, ее ласковые руки, какими они привиделись ему нынче во сне. «Бывают странны сны, а наяву страннее»,— выплыла, точно из тумана, грибоедовская строка.— Ну, парень, если ты помнишь такие штуки... Мы еще повоюем! Да что ж я разлегся?!»— внезапно рассердился на себя Русаков. Он, натуживаясь и кривя от боли лицо, поднялся с земли и заковылял к мутному просвету в стене.

Надо было наконец осмотреться, куда же вывел его этот узкий и мрачный шурф, по которому он карабкался так мучительно и долго. Привалясь плечом к мокрой верее, Андрей напряженно всматривался в непроницаемую темь и прислушивался к степным шорохам и шуму дождя, готовый в случае опасности нырнуть обратно в шурф, как ныряет в свою спасительную нору отощавший за зиму суслик. Теперь, когда он, похоже, увернулся от гибели, его охватил свирепый приступ голода. Запах смолы напомнил о пахучем дымке коптилен, о подрумяненных колбасах и смуглых окороках.

Не меньше, чем голод, удручало его и сознание своей неприкаянности.

Пряный ветер осыпал Русакова теплыми дождинками. Дождь то прекращался, то снова принимался стрекотать по невидимым листьям травы, и Андрей вспомнил, что сейчас весна, что природа вопреки диким междоусобицам неодолимо торжествует над смертью.

Дождь постепенно перестал, небо посерело, и вдали едва различимо проглянули купы деревьев, гребни кровель. Где-то лениво, с позевотой брехнула дворняга. Русаков по всем приметам очутился на окраине города или поселка. Ах, если б мирное время! Он сразу определил бы свое местонахождение по бесчисленным уличным фонарям Торецка, затейливым сполохам на шлаковых отвалах, могучему дыханию воздуходувок металлургического завода. Но сейчас и завод и город были невидимы и безгласны. Ни огонька во всей округе! За светящиеся в ночную пору окна, за тлеющий на огороде костер из прошлогоднего бурьяна оккупанты наказывали жестоко. Их пугало, что и свет и костер могут служить для советских летчиков условным знаком.

Гроза утихала, помаргивало и погромыхивало лишь вдалеке, над степью. В мокрых бурьянах маслянисто светилась извилистая дорога. Русаков пошел по ней, скользя и забредая в траву на обочинах, к ближайшему из строений — неказистой, с крохотной пристройкой лачуге. Это было рискованно, но ему не оставалось ничего другого...

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—4.

За оградой из кустарника, к которой он не без опаски приближался, вдруг остервенело залаяла собака. «Не немецкая ли овчарка?..» Спину Русакова охватило ознобом. «Выскочат сейчас эти тупорылые, схватят и прикончат. У них это быстро...»

Он затаился у невысокого частокола, продрогший, осыпаемый при каждом неловком движении обильной капелью с веток, готовый в случае опасности мигом кинуться наутек.

Собака прыгала в ярости, бряцала цепью. Русаков оробел до постыдной дрожи в ногах и стоял, не зная, на что решиться. Андрею думалось, что дворнягу слышит вся окраина, весь город и ему, голубчику, несдобровать.

Он схватил подвернувшийся под ногу камень и со злостью метнул в собаку. Она, громыхнув цепью, прянула в сторону и зашлась неистовым хрипом.

Скрипнула дверь, и кто-то по-мужски грубовато прицыкнул на собаку. Она взлаяла, заскулила и смолкла. Не решаясь выглянуть из сеней, хозяин спросил тревожно:

— Кто там?

Русаков опешил. «Что за человек? Не погубит ли он меня? Голос, кажется, дружелюбный». И, опасаясь, что, не услышав ответа, хозяин сейчас же хлопнет дверью, окликнул опасливо, просяще:

— Товарищ!

— Кто там?— опять донеслось от лачуги.— Иди, не бойся: собака на цепу.

Голос незнакомца звучал мирно, дружелюбно, и Русаков доверчиво шагнул в просвет меж кустами.

— В калитку, в калитку!..— суетливо наставлял хозяин, осмелившись наконец переступить порог и шлепая по грязи к частоколу.— Что ты, браток, в такую пору?

К Русакову приближался в наброшенной на голову кацавейке приземистый мужчина. Андрей поежился от устремленного на него вопрошающего, настороженного взгляда. Не дойдя до калитки, хозяин остановился, подался вперед, впился глазами в пришельца и вдруг, схватив его за руку, прохрипел повелительно:

— В хату! В хату!

XIV

В сенях хозяин сердито отбросил ногой ворох пахнувших скипидаром стружек и провел нежданного гостя в небольшую халупку с низкими потолками, скупо освещенную самодельной плошкой. Добрую половину жилья занимал верстак с лежащей на нем недоструганной доской и кровать в простенке, прикрытая затасканной дерюгой. Тут, как и в сенях, на полу были разбросаны опилки и пахучие стружки. На непокрытом кухонном столе и на подоконниках стояли в беспорядке ржавые консервные банки с гнутыми гвоздями и жидкой охрой, валялся плотницкий инструмент: лучковая пила, рубанки, стамески, долота.

Один из углов лачуги был занят поставленными на торец старыми досками со следами гвоздей: доски, видимо, были сорваны с чьего-то сарая или забора. Тут же, в углу, валялись скомканные веревки. Откуда-то тянуло ароматом сирени, и Русаков долго в недоумении озирал темные закоулки, пока не заметил под столом таз из оцинкованного железа, наполненный белыми влажными гроздями. Их вид и запах никак не вязались с убожеством лачуги. Одно окно, у постели, было наглухо забито досками, другое, близ верстака, занавешено линялой пестрядиной. На длинных гвоздях, косо вбитых в облупившиеся стены, висел лоснившийся от влаги, немнущийся, точно картонный, дождевик из брезента и кирзовая кошелка, с какими домохозяйки ходят обычно на рынок и в каких мастеровые люди берут с собой на работу инструмент и харчишки.

Хозяин стукнул в сенях задвижкой, прокашлялся, дал Русакову осмотреться, сам же тем временем встряхнул фуфайку, вытер ладонью дождинки с бороды и усов, сбил с опорок налипшую грязь. Потом, с шорохом загребая ногами стружки, подвел Русакова к каганцу, пытливо посмотрел ему в лицо.

— Отчаянный ты, парняга!..— снизив от восхищения голос до полушепота, похвалил он пришельца и воззрился на него еще удивленнее.— А я хотел было спустить кобеля. Держу его на голодном пайку. Злющий, упаси бог!

Твое, браток, счастье...— Метнув опасливый взгляд на окно у верстака, спросил с перехватившим голос испугом:— Оттуда?

По испугу, который выразился в голосе и взгляде хозяина, Русаков понял, что слово «оттуда» в его понимании не могло иметь никакого другого смысла, как только «от немцев», «из гестапо», и молча кивнул головой.

— Я так и сообразил,— сказал хозяин в замешательстве. Он съежился и с еще большей опаской покосился на окна.— Небось, терзали?— Он снял с гвоздя кошелку, порылся в ней и подал Русакову два крашенных в луковой шелухе яйца.— Чем богат... Сам, браток, верчусь еле-еле.

Русаков взял крашенку, хрустко цокнул ею о верстак и жадно начал сдирать с нее зубами скорлупу.

Хозяин с тревогой покосился на левую руку пришельца, бережно взял ее пониже локтя, приблизил к огню и ахнул.

— Садись! Садись!— сказал он оторопело и пододвинул ногой табуретку. Рука в ржавчине запекшейся крови ужаснула его. Почти со всей ладони была содрана кожа, и кисть с безобразно раздутыми пальцами стала похожей на связку бананов.

— Ну чем тебе помочь?— всполошился старик, страдальчески морщась.— Доктора бы... Да где его возьмешь при этих порядках?

Он помрачнел, присел бочком на скрипучую кровать и, часто моргая, долго теребил куцыми пальцами свою всклоченную бороденку.

Сетования старика Русаков выслушивал, не вполне разделяя его беспокойство. После того, что довелось ему перестрадать за минувшие сутки, теперешние его лишения не казались ему угрожающими, а к боли он притерпелся. Дожевывая яйцо, хрустя попавшей на зубы скорлупой, он мельком посматривал на невзрачного, простоватого с виду хозяина и не мог понять, чем занят он в этой пропахшей смолой и сиренью берлоге. Приземистый, хваткий, бирюковатый... Ноги с кривинкой, как у кавалериста. Нос орехом, острые, барсучьи глазки, мохнатые брови. Пиджак с оторванным, мотающимся сбоку хлястиком, поношенная стариковская шапчонка.

«Чем он тут промышляет? Что это за мастерская? Откуда у него крашеные яйца, если народ пухнет и мрет с голода?» В голове Русакова возникали вопрос за вопросом, но спрашивать о чем-то у приютившего его человека, ничего не сказав о себе, было как-то неловко. И все-таки смутная тревога толкала его к беспокойным мыслям о характере и занятиях этого отшельника. Вот он молчит, а почему? Спросил туманно, как бы невзначай: «Оттуда?» — и умолк. А неужели ему безразлично, кто я, почему разут, раздет и где повредил себе руку? Не думает ли он, что я партизан? Прикинулся добряком, того гляди предложит мне свою постель, а потом приведет сюда полицаев и выдаст не моргнув глазом. Быть может, припожалует и этот зверь, Путэр, и скажет со своей иезуитской ухмылкой: «О, Русакофф! Ты видишь, что от нас не спасешься нигде!» И застрелит меня тут же, в кустах, как они, собаки, перестреляли целую колонну пленных красноармейцев в степи, по дороге из Константиновки в Торецк».

Ему пришли на память расклеенные всюду на заборах и еще не смытые дождями, напечатанные по-немецки и по-русски устрашающие приказы, обязывающие местных жителей сообщать полевой комендатуре о советских партизанах и парашютистах. Немцы обещают за это подлое дело денежные награды и земельные наделы. Одновременно они угрожают жестокими карами тем, кто чем-либо помог партизанам или знал об их местонахождении, но не донес немецким властям.

«А что как сейчас этот угрюмый моргун вспомнит о тех приказах? — с возрастающим беспокойством подумал Русаков.— Долго ли он будет молчать? Не найдет ли он сейчас предлог, чтоб оставить меня здесь, в хибарке, а самому отлучиться?»

— Что ты за человек, парень? — после длительного молчания и тяжких вздохов спросил хозяин, спросил, как показалось Русакову, с подозрительным любопытством.— По бороде ты годишься мне в родные братья, а по глазам, по голосу — я б тебе не дал и тридцати годов. Как, не ошибся, угадал? — лукаво подмигнул он, сверкнув зрачками из-под мохнатых бровей.— Но откуда ты вырвался? Чей ты?

— Свой..здешний...— уклончиво ответил Русаков, остерегаясь быть откровенным и не понимая, к чему этот загадочный старик клонит речь.— Работал в шахте...

— Та-ак,— недоверчиво протянул хозяин.— Работал в шахте. Рабочий человек. Ясно. Работал и при немцах? Или голодовал в лагере? — выпытывал он хитренько, упрямо.— А потом дал стрекача и пришел меня погубить? Ты мне говори правду. У нас и времени мало, и деваться тебе с такой рукой все равно некуда.

Теперь в тоне и словах хозяина слышалось как будто сочувствие, сострадание. И Русаков мысленно согласился: да, если не поможет ему этот случайно встретившийся мастеровой, то деваться и в самом деле некуда. И, доверившись ему, он поведал о своих злоключениях, поведал откровенно и подробно, утаив лишь свою фамилию, название родной шахты и ничего не сказав о семье.

Старик слушал его с видимым волнением. «С-собаки кровавые!»— разъярясь, просипел он сквозь зубы, разумеется, не впервой услышав о зверствах гестаповцев; одобрял: «Молодчина, молодчина!» — когда Русаков в сдержанных тонах изложил свое поведение на допросах; и приумолк, стал покашливать, теребить бороду, когда беглец дошел до последних, самых трагичных эпизодов своего крестного пути — прыжка в шахту и блужданий в кромешной тьме подземного лабиринта.

Под конец рассказа в лице старика опять проглянули беспокойство, тревога. Он сорвался с кровати, ухватил табурет, подсел вплотную к гостю и зашептал ему в лицо торопливо:

— Браток, ты что ж удумал — сгубить меня без остатка? Ведь я тоже шахтер: и на «Центрально-заводской» сколько лет мордовался на проходке, и на конном дворе, и по машинам мерекал... Теперь пристрял тут, в караулке, может, пересижу, перезимую лихую годину, а ты и тут решил меня сгубить. Наскочи сейчас гестапы — и тебе и мне могила.

Теперь в словах и тоне нелюдима слышалось что-то неприязненное, уныло-тягучее, казалось, он был недоволен Русаковым с самого начала встречи. Он и беседовал-то, похоже, не по доброй воле, а по необходимости, из-под палки.

— Ну что ж, хозяин,— потерянно, с обидой сказал Русаков, нехотя вставая,— если так, придется уйти. Я уйду.

Но на эти слова последовал ответ язвительный, грубоватый:

— Уйдешь? Правильно: иди, к черту в зубы и попадешь. Помолчи! — приказал он строго.— Ты разглядел, куда попал? Это кладбище, последнее, можно сказать, успокоение. Я сам тут хоронюсь, как блоха в загашнике. Кому могилку вырою или оправлю, кому гроб сколочу. Лучше уж тут торчать, чем работать на немца, будь он проклят! Скудно, браток, у всех скудно, но привалит беда — так мне хоть что-нибудь, а оторвут от своей нужды: кто десятку, кто лепешку, кто еще чего. Тем и кормлюсь. А эти дни приходят сюда старушки, приносят крашеные яички. Уже, кажись, и веры той нету — какая она может быть, загробная жизнь? — но несут по привычке, суют под камень. Посидит, сердешная, погорюет — и домой. А я угляжу — человек по-за кустами прошел,— браток, не суди строго,— бегу туда, как мой Аракчей, нюхаю, шарю под камнями. Там найдешь яйцо, там... Принесу их, попеку, чтоб дольше хранились, и сыт неделю-другую. Еще вон,— с горькой усмешкой кивнул он на сумку,— в запас натаскал, как тот суслик. И от этого имею корысть,— просто, без стеснения сказал старик, переведя взгляд на огромный букет сирени под столом.— Ношу на базар. Правда, охотников на этот товар нынче небогато, но какие-то копейки выручишь — и на том спасибо. Надо бы побольше нарезать, да дождь помешал... Ничего, я утречком еще добавлю. Ох ты батюшки!..— заохал, спохватившись, старик.— Что ж мне делать с тобою? Оставь на ночевку, придут утром люди — верный каюк обоим.

Огорчив Русакова своими бесконечными сетованиями, могильщик тут же и утешил его, заговорив сочувственно, по-братски:

— Выгони тебя в степь — куда ты пойдешь со своей болячкой? Горе, горе!

Он еще долго охал и сокрушался, сердито раскидывая опорками стружки и доказывая гостю, что, как ни обойдись с ним, он, хозяин, останется в неизбежном накладе. И в то же время в словах и жестах старика проглядывало нежелание обидеть гостя, выдворить его из-под крыши невесть куда, в ночное ненастье. От сетований и жалоб он быстро переходил к советам и назиданиям.

— Ты вот что,— говорил он бодрясь,— случаем налетит кто, начнет тебя тормошить, так ты сумей сбрехать чего-нибудь. К примеру, кто ты такой? Назовись моим братом — может, сойдет. А что у тебя с рукою? Скажи, что опускали гроб, веревка сошмыгнула и вот... стесало кожу. Чуешь? Дело говорю!

Излагая в деловитом и строгом тоне свои назидания, старый ворчун непрестанно прислушивался, робко поглядывал на окна, вздрагивал при каждом собачьем взвывании и тут же утешал себя:

— Это он так, от тоски — надоело на цепу сидеть. А может, пробегла в кустах какая тварь: он же чует. Что, кажись, опять припустил? — подхватился старик, прислушиваясь к шуму ливня за ставнями, и вдруг заторопился: — Мотнусь, мотнусь! Будь что будет... Может, найду тебе лекаря. Ты, парень, никуда не отлучайся. Жди.

Он сноровисто облекся в брезентовый дождевик, надернул на голову капюшон, взял что-то с верстака и сунул в рукав. Направляясь к выходу, сердито дунул на каганец.

— Без света тебе будет спокойнее,— пояснил он уже из сеней.— Жди, не отлучайся. Дело говорю.

И на улице и под дождем он, кажется, все еще продолжал бурчать, плакаться на свою разнесчастную судьбину.

Оставшись один, Русаков несколько минут сидел совершенно удрученный. Непроглядная тьма, сполохи молний, ударяющие в глаза сквозь ситцевую занавеску, шум и всплески ливня за стенами нагнетали чувство безотчетной тревоги. «Куда он метнулся с такой поспешностью, в такую непогоду? Не приведет ли он сюда гитлеровцев? И у самого, возможно, окажется нарукавная повязка полицая. Что-то он подозрительно кривился, ворчал. И, видать, ловкач! Даже тут, на погосте, сумел устроиться недурно. «Пристрял..» Такой, пожалуй, и бровью не поведет — продаст меня немцам с потрохами. На таких пройдох они как раз и рассчитывают, не скупятся на посулы. Пройдоха! Сумел увернуться от мобилизации в Красную Армию и в Германию и здесь, в Торецке, не хочет работать ни на заводе, ни в шахте».

Но, воскрешая в памяти содержание своего разговора с могильщиком, Русаков как бы заново услышал и его горестный вздох в ту минуту, когда он, Андрей, повествовал о своих страданиях в гестапо, и с лютой ненавистью прозвучавшее в его устах восклицание «Собаки кровавые!», и то, что, хоть и со вздохами с видимой скупостью, прижимистый старик все-таки поделился скудным запасом пищи.

«А не пробраться ли мне домой? — беспокойно встрепенулся Русаков.— Дорогу я найду и в темноте. Сколько отсюда до «Берестовки»? Пожалуй, не больше пяти километров. Сейчас у меня хватит сил».

Он вышел в сени, нащупал наружную дверь, потянул на себя железную скобу. Дверь не дрогнула. Думая, что она набухла от дождя, он стал дергать ее нетерпеливо, ожесточенно, но и это не помогло: хозяин запер ее снаружи на замок.

— А-а, вот как? — неистово сцепив зубы, протянул Русаков.

Он отступил на шаг от двери и, шепча ругательства, с ожесточением бухнул в нее плечом раз, другой, третий. Дверь не поддавалась. Только снаружи по ней как будто царапал кто-то когтями или веткой. Потом там начало повизгивать, подвывать, скулить.

«Даже и так? — ужаснулся Русаков.— Он меня и под замок и под собачью охрану? Ну так знай, сморчок: дешево я не дамся!» И уже не в силах обуздать закипевший в нем гнев, он шагнул в караулку с твердой решимостью сокрушить все запоры и сгинуть в темноту, в степь, в бурьяны, или взять лежащий на верстаке топор и одним ударом прикончить этого гнусного предателя.

Продолжение следует.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АРКАДИЯ ПЕРВЕНЦЕВА

РЯДОМ С ГЕРОЯМИ

Семьдесят лет назад в маленьком селе Нагут на границе Ставропольщины с Кубанской областью родился Аркадий Алексеевич Первенцев. Детство, юность и молодость будущего писателя прошли на Кубани. Кубань навсегда вошла в его сердце и душу.

Если выстроить книги Аркадия Первенцева в один ряд по запечатленному в них времени, откроется удивительная панорама жизни Кубанского края, начиная с бурных предоктябрьских лет до наших дней: роман «Над Кубанью» вводит читателя в атмосферу забот и тревог казачьей станицы Жилейской в годы первой мировой войны, а со страниц «Черной бури» веет жаром современности. Между этими крайними вехами — роман «Кочубей» и «Баллада о детстве» с огненными отсветами гражданской войны, роман «Честь смолоду», в котором отразилось время зарождения колхозов и Отечественной войны. Сборники рассказов «Гвардейские высоты», «Девушка с Тамани», роман «Огненная земля» знакомят с подвигами кубанцев в тяжелой схватке с фашизмом. В романе «Матросы» и повести «Календарь природы» предстают перед нами во всей своей горькой правде первые, трудные послевоенные годы колхозной Кубани. А на страницах книги «Три сестры» мы знакомимся с героями, рожденными уже нашим временем.

Не каждый писатель столь последовательно запечатлел людей своего отчего края. Возможно, А. Первенцев и не ставил перед собой такую грандиозную цель. Но так само собой получилось, что каждая встреча со своими земляками рождала в нем желание рассказать о них.

Если же учесть, что, кроме книг о Кубани, Аркадий Первенцев написал еще романы «Испытание», «Гамаюн — птица вещая», «Остров надежды», «Оливковая ветвь», «Секретный фронт», пьесы, сценарии, рассказывающие об уральцах, москвичах, украинцах, североморцах, то вместе с жизнью Кубани предстанет и жизнь всей страны.

Писатель рос и мужал вместе с нашим советским временем. Был избачом, конником 5-й дивизии имени Блинова, закончив службу в ней командиром взвода. Когда стране потребовались кадры инженеров, кубанцы послали Первенцева в Москву учиться в Высшем техническом училище имени Баумана. Он стал инженером, директором филиала Московского машиностроительного института на заводе «Динамо».

Потом мы видим его на фронте. Летчики В. Канарев, Б. Бердичевский и другие могли бы рассказать о том, как военный корреспондент «Известий» Аркадий Первенцев весной и летом 1942 года был с ними под Севастополем, Балаклавой, Мариуполем. А командир батареи А. Зубков поведал бы о том, что писатель был рядом с артиллеристами на крайней в то время точке советско-германского фронта, под Новороссийском.

И в литературу Аркадия Первенцева привела не только внутренняя творческая потребность, но и зов времени.

Свой первый роман, «Кочубей», Аркадий Первенцев написал по совету друзей легендарного комбрига — Я. Ф. Балахонова, И. Ф. Федько, В. П. Кандыбина, Д. П. Жлобы и многих других участников гражданской войны. Прежде чем родился роман, молодому писателю пришлось расчистить завалы, в поисках истины перевернуть груды документов, расспросить сотни людей на Кубани и Ставропольщине. Работу эту он выполнил блестяще. Родилась звонкая песня о Кочубее — книга, которая сделала Аркадия Первенцева известным писателем.

Созданный им образ легендарного героя Ивана Кочубея покорил сердца читателей в нашей стране и за ее пределами глубокой жизненной и художественной правдой. На это в свое время обратил внимание еще А. С. Макаренко, заявив, что Кочубей А. Первенцева «по-своему колоритен и по-новому убедителен».

В мире образов, созданных Аркадием Первенцевым, Кочубей не одинок. Воюют ли, работают герои писателя, они несут в себе высокое чувство достоинства человека труда и гражданина своей Родины. Разве не таков Сергей Лагутин («Честь смолоду»)? Или рабочий Николай Бурлаков («Гамаюн — птица вещая»), сталевар Иван Шапкин («Оливковая ветвь»), бригадир колхоза Повалий («Черная буря»), комсорг и раскатчица рулонов Изида («Богиня Изида»)? Впрочем, их не перечислить, полюбившихся героев Аркадия Первенцева.

За свою жизнь писателю довелось побывать в разных уголках нашей Родины и многих странах. Но кубанцы издавна считают Аркадия Первенцева своим, родным писателем. И для писателя Кубань — это родной дом, куда он снова и снова возвращается после дальних и близких отлучек. Выверенное многими годами чувство близости и общности писателя со своими земляками с каждым годом обогащается новыми впечатлениями и красками, воплощаясь в правдивые и яркие картины жизни.

Он живет жизнью своих земляков. Писатель знает, какую беду приносит рыбакам Кавказского побережья ветер гарби, дующий наискось по морю; какой вред хлеборобам причиняет шурган — ураган, «сдирающий кожу с земли»; каков урожай в лучших в крае южных, усть-лабинских колхозах, в том числе и в бригаде Клепикова, каков — в сельхозартелях северного, Щербиновского района. В людях его привлекает предельная слитность с делом, которым они живут.

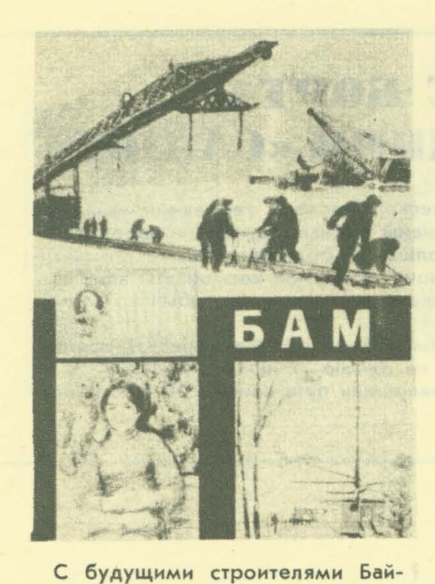
В бескрайних степных просторах, за вечной красотой их облика Аркадий Первенцев постоянно замечает происходящие перемены. Порой писатель даже посетует на то, что мало осталось колхозных хлеборобов прежней закваски. С вполне понятной грустью он говорит о том, что все меньше становится сельских жителей. Его можно понять — ведь он с ними сроднился. Но ход жизни необратим. Техника высвобождает в поле людей для других работ, в том числе и для труда в городе. И писатель в соответствии с правдой показывает в романе «Черная буря» и эту сторону жизни Кубанского края.

Писатель радуется тому, что люди в кубанских станицах с каждым годом живут все лучше, а их духовные запросы становятся все более разнообразными. Эти перемены проходят у него на глазах. Два десятилетия он представляет колхозную Кубань в Верховном Совете РСФСР.

В романе «Над Кубанью» Аркадий Первенцев поведал о поэтической легенде правобережных казаков. В давние времена казаки, отправляясь в поход, шли мимо холма, прозванного Золотой Грушкой, и каждый высыпал на него шапку земли. С годами росла, возвышалась Золотая Грушка. С ее вершины все дальше открывались взору позолоченные солнцем вершины гор, темно-зеленые дубравы, поля с кукурузой в человеческий рост, прибрежные луга и высотные пастбища. И невольно думаешь: а ведь за семьдесят лет насыщенной творчеством жизни писатель Аркадий Первенцев возвел свою, литературную Золотую Грушку, с которой люди видят дальше и лучше вокруг.

Николай ВЕЛЕНГУРИН

Краснодар.

БАМ, улица Диогена

С будущими строителями Байкало-Амурской магистрали художник В. П. Харченко познакомился еще на XVII съезде ВЛКСМ, когда рисовал портреты делегатов. Особенно запомнился художнику Владимир Мучицын — комиссар Всесоюзного отряда комсомольцев, направлявшихся на БАМ. Тогда на съезде комиссар только что сформированного ударного отряда докладывал Политбюро ЦК КПСС, Генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Ильичу Брежневу о готовности бойцов-строителей выполнить важнейшее поручение партии и комсомола.

Вместе с другими москвичами Харченко провожал отряд и получил приглашение продолжить знакомство в сибирской тайге, на стройке. И в начале декабря прошлого года художник отправился в путь.

...Вот она, Тында, вчера еще безвестный таежный поселок, имя которого гремит теперь по стране. Трудовой день здесь начинается рано, еще перед рассветом, когда мороз особенно крепок. Бойцы отряда «Московский комсомолец» один за другим выходят из жилых вагончиков и, подхватив инструмент, спешат на работу: они строят пятиэтажные дома для тех, кому предстоит жить и трудиться в Тынде.

В первое же утро у художника произошла интересная встреча. Бригадир плотников Владимир Новик — его бригада одна из лучших в Тынде — о чем-то беседовал с седовласым статным человеком.

Р. Ф. Харитонов, строитель из Тынды.

— Кто это?—спросил Владимир Петрович.

— Роман Федорович, заместитель бригадира. Харитонов его фамилия. Земляк ваш, москвич. Вообще-то он литератор, а у нас плотничает.

После работы новые знакомые разговорились. Харитонов рассказывал художнику, что со здешней чудесной молодежью он и сам будто скинул с плеч десяток годков. Веселые ребята, выдумщики, острословы, на работу злые. Мороз под пятьдесят градусов, но что плотники, что лесорубы одеты легко, топором орудуют играючи, перекуров не уважают.

Харитонов повел художника на улицу Диогена, как здесь в шутку называют квартал, где живут работники «Бамстройпути». При чем тут древний философ? А при том, что обитают инженеры и техники в вагончиках, похожих на бочки.

На улице Диогена художник встретился с целым коллективом литераторов. Здесь живет украинский поэт Олег Головко. В тот вечер к нему в гости приехал земляк, писатель Олесь Лупий, он тут в творческой командировке и уже прошел от Комсомольска-на-Амуре по всей трассе. Познакомили художника и с местной поэтессой, инженером мехколонны Надеждой Пузыревской.

— Плохо было Диогену,— шутили литераторы.— Днем с огнем бедняга человека искал. А здесь, на трассе, искать не надо: на стройке собрался цвет советской молодежи. Приезжай сюда и пиши — хоть в стихах, хоть в прозе — коллективный портрет героя наших дней. И сколько же успели сделать ребята всего за несколько месяцев! Погляди в окошко: видишь, какое здание сверкает стеклом на закате рядом с нашими «бочками»? Это и есть первый в Тынде Дом культуры «Юность»...

Открылся он недавно. Там и сейчас еще ведутся работы: юношеский клуб расписывают художники из Благовещенска. Но после работы строители дружно устремляются в «Юность». Одни — на занятия по повышению квалификации, другие — в кино, третьи — на репетиции драмкружка. И очень многие спешат в библиотеку. Харченко разговорился с библиотекарем Верой Соколовой, написал ее портрет и от нее-то услышал о своем знакомом, Володе Мучицыне, первом комиссаре Всесоюзного ударного комсомольского отряда имени XVII съезда ВЛКСМ. Володя стал теперь бригадиром строительно-монтажного поезда.

— Знаете,— доверительно сказала Вера,— столько хорошего у меня с нашим Домом культуры связано. Библиотека у нас прекрасная, и люди так тянутся к книге. Здесь я провела и самый свой счастливый день: в «Юности» была моя свадьба...

Две недели провел московский художник на Байкало-Амурской. Сегодня на первой и четвертой страницах огоньковской обложки опубликованы рисунки, привезенные из этой поездки. Всего несколько штрихов грандиозной картины строительства БАМа, но и они дают представление о развороте новой жизни, взорвавшей вековечную тишину тайги. На 132-м километре дороги Бам — Тында работает путеукладчик... Строится крупнейший на этой трассе мост: сооружающий его коллектив мостоотряда досрочно выполнил годовой план... Аэропорт в таежном поселке принимает самолеты, прибывающие из разных городов страны... А рядом с этим рисунком портрет Веры Соколовой, скромной труженицы, одной из тех, для кого великая стройка века стала делом жизни.

...Из поездки по трассе художник вернулся в Тындинскую, когда поселок готовился к встрече Нового года. Лесорубы с 17-го километра нашли великолепную елку с шишками-бубенцами.

Харченко, прощаясь, пожелал всем успехов и услышал в ответ:

— Передайте от нас москвичам: с Новым годом, родные! Мы вас не подведем, славы вашей не уроним!

Н. ВЛАСОВА

ПАМЯТИ КОНСТАНТИНА ФИННА

На столе лежит вчерне законченная новая пьеса о судьбах троих людей, об ответственности перед временем и другими людьми, о любви, о дружбе... Он работал до последнего дня, до последней своей минуты, преодолевая недуг, слабость, головокружения, боли... Работал... Таким я знал его в течение сорока девяти лет.

Четырнадцатилетним мальчишкой Костя Финн убежал на гражданскую войну. Сражался на Украине, в Белоруссии, в Польше. Написал и напечатал первые очерки и рассказы. С такими же, как он, молодыми литераторами ездил на стройки, в колхозы. Написал повесть, а по ней пьесу, которая была поставлена в филиале Малого театра, «Третья скорость»,— самая высокая скорость первых советских машин, обслуживавших первые колхозы. А затем — с большим успехом прошедшие в театрах им. МГСПС, ВЦСПС, МХАТе Втором комедии «Вздор», «Свидание».

Комедии «Таланты» и «Сашка» прошли по нескольку сотен раз в Театре сатиры.

За пятьдесят лет литературной деятельности К. Финн написал более пятидесяти пьес. Наиболее известные из них: «Петр Крымов», «Честность», «Секрет красоты», «Ошибка Анны», «Начало жизни», «Сестры-разбойницы», «Дневник женщины», «Тревожное счастье»...

Повесть «Окраина» легла в основу знаменитого фильма, поставленного Б. Барнетом и обошедшего все экраны мира. Книга «Вторая столица» была написана о любимом городе, о Родине. Были и десятки рассказов. Во время Великой Отечественной войны он был военным корреспондентом «Известий» и других газет. Его очерки печатались в Англии, Америке, Австралии.

Последние пьесы его еще не поставлены, не напечатаны, даже не прочитаны. В последние годы ему не везло. Но я уверен, что их и поставят и издадут. В этих пьесах бьется горячее сердце коммуниста, советского патриота, любовь и уважение к людям, строящим новое общество.

Много он дал русской литературе. И навсегда в ней останется.

И. ШТОК

Г. А. Загорельский и его гезотайп.

ГЕЗОТАЙП — ЭЛЕКТРОННЫЙ СТЕНОГРАФ?

Жорж Сименон заметил однажды: «В шесть утра сажусь за свой «инструмент пыток» — пишущую машинку, от которой у меня твердейшая мозоль на указательном пальце». Да, пока работа на пишущей машинке не самая легкая. Но, может, через год-другой пишущая машинка из непослушного и нетороплпвого инструмента, из «орудия пытюк» превратится в быстропишущую модель, работать на которой в удовольствие?

Во всяком случае, подходы к решению давней проблемы быстропечатающей пишущей машинки намечены работами по созданию «гезотайпа». Он придуман и сделан сотрудником Ленинградского государственного университета Георгием Андреевичем Загорельским. Потому и называется «гезотайп». Ге — Георгий, з — Загорельский. И не требующее расшифровки «тайп».

...Выстукивая пальцем по клавиатуре пишущей машинки, мы с помощью отдельных знаков набираем информацию — будь то научное сообщение или письмо приятелю. Но при самом рациональном расположении клавиатуры возможности быстрого печатания ограниченны. Машинистки-рекордсменки выбивают немногим более 600 знаков в минуту. И то не при повседневной работе, а на соревнованиях. Обычная же минутная скорость — менее 200 знаков.

Стук, стук, стук — как дятлы в лесу.

А если изменить принцип работы? Заменить процесс печатания какими-то более простыми, во всяком случае, более привычными для руки движениями?

По этому пути и пошел Загорельский. И вот после долгих поисков появился гезотайп. Панель его заменяет клавиатуру пишущей машинки. Маленький пластмассовый «пенал» начинен электроникой, а на его поверхности — несколько датчиков. Двинулся палец через один — напечатана буква, еще одно едва заметное движение — еще буква... Не надо нажимать на клавиши, достаточно движение пальца по поверхности приставки, легкого прикосновения пальца к панели. Она невелика, и печатать можно одним пальцем. Скорость — 450 знаков в минуту. Это для малоопытного человека.

— Что значит «малоопытного»? — спросил я у изобретателя.

— Испытания показали, что за неделю на гезотайпе можно научиться работать со скоростью 300—350 знаков в минуту. Месячная тренировка дает, как правило, 450—500 знаков. Но не назовешь же человека, учившегося месяц, опытным?

«Сейчас разработана новая модель гезотайпа. Особый интерес, на наш взгляд, может представлять портативная пишущая машинка на основе гезотайпа-Д. Размер прибора 2×10×25 сантиметров. Вес — до 1 килограмма. Бумага и шрифт обычные»,— сообщил мне автор.

Когда же эта новинка появится в канцеляриях, на столах машинисток, на магазинных прилавках? Похоже, не скоро, если вообще появится. Изобретатель — он уже получил авторское свидетельство — обратился со своим гезотайпом в Министерство приборостроения, средств автоматизации и систем управления СССР. Там провели испытания прибора и... забыли о нем.

Журнал «Изобретатель и рационализатор» напомнил об этом, и изобретателю послали письмо: «Когда, десктать, сможете продемонстрировать свою разработку?» Изобретатель удивился и поинтересовался: а где же результат первого, уже проведенного испытания? Его не оказалось. В Союзоргтехнике отношение к работе ленинградца прохладное. И вот пока идет переписка. Увы, не с помощью гезотайпа. А следовало бы провести более основательную проверку прибора, сделать опытные образцы, пустить их в пробную эксплуатацию, а затем решить судьбу гезотайпа, который нужен не как замена существующих приборов, а как дополнение к ним, как очень оригинальная разработка.

К. БАРЫКИН

Фото Н. Ананьева.

ПОЧТОВАЯ МАРКА С БОРТА ОРБИТАЛЬНОЙ СТАНЦИИ «САЛЮТ»

Всем хорошо известно, что во время космического полета героев-космонавтов П. Р. ПОПОВИЧА и Ю. П. АРТЮХИНА были выполнены важные научные и народнохозяйственные исследования, а также проведены различного рода физические опыты.

Однако мало кому известно, что на борту станции «Салют-3» космонавты впервые в такого рода космическом полете «погасили» некоторое количество обычных «земных» почтовых марок Советского Союза.

Марки эти были проштемпелеваны специальным штемпелем «Космическая почта», подписаны космонавтами и затем доставлены ими на Землю 19 июля 1974 года.

Вместе с космонавтами эти почтовые марки совершили путь почти в 10 миллионов километров.

«ОГОНЕК» В ЗВЕЗДНОМ

Очередная читательская конференция «Огонька» в Звездном городке проходила в зале, где часто бывал и выступал Юрий Гагарин. Многие из тех, кто пришел на встречу, знали близко Юрия Алексеевича. Это и космонавты, и те, кто готовит к полетам их корабли, кто тренирует звездолетчиков, следит за их здоровьем, обучает и воспитывает их детей. Словом, каждый из присутствующих причастен к космическим полетам.

Главный редактор «Огонька» А. Софронов рассказал собравшимся о творческих планах редакции на завершающий год пятилетки.

Жители Звездного — народ одаренный, талантливый. Здесь есть свои поэты, композиторы, художники. А среди них и авторы «Огонька». Журнал публиковал рисунки космонавта Алексея Архиповича Леонова, статьи Андрияна Григорьевича Николаева, Георгия Тимофеевича Берегового. Читатели «Огонька» знают жену космонавта, летчика-испытателя Марину Попович, еще и как поэта.

Главный редактор журнала представил читателям огоньковцев и авторов журнала.

О своей партизанской молодости рассказал Герой Советского Союза журналист Владимир Павлов. Поэт Владимир Федоров прочитал свои стихи, а журналист Леонид Плешаков рассказал о недавней поездке в Египет.

Тепло встретила аудитория веселые и острые стихи известного поэта Алексея Маркова, новые произведения поэта Егора Исаева, писателя и поэта Цезаря Солодаря.

Фотожурналист Геннадий Ко-

Космонавты Г. Шонин и В. Горбатко.

На читательской конференции.

Гости «Огонька»

Руководители писательских союзов Финляндии, находившиеся в СССР по приглашению Союза писателей СССР, знакомясь с литературно-общественной жизнью столицы, посетили редакцию журнала «Огонек». Гости рассказали о растущем интересе широких кругов финского народа к Советскому Союзу, к советской культуре и, в частности, к литературе.

На снимке (справа налево:) Рауно Тойвонен, председатель Союза финских писателей, В. Морозова, литературовед, переводчик скандинавской литературы, Виено Тойвонен (супруга Рауно Тойвонена), Ингеборг Хульден, журналистка, Ларс Хульден, председатель Союза финских писателей, пишущих на шведском языке.

Фото М. Савина.

посов показал фотографии, сделанные им возле Северного и Южного полюсов, а художник-сатирик Юрий Черепанов продемонстрировал свои карикатуры.

О чемпионе мира по шахматам гроссмейстере Фишере и о перспективах его встречи с претендентом на шахматную корону Карповым рассказал известный спортивный комментатор Всесоюзного телевидения и радио Наум Дымарский. Затем перед читателями выступил композитор Александр Аверкин.

Журнал «Огонек» ведет своеобразную фотолетопись завоевания космоса. В заключение встречи А. Софронов от имени коллектива журнала передал космонавтам Георгию Степановичу Шонину и Виктору Васильевичу Горбатко «специальный» номер «Огонька». Он «выпущен» в одном экземпляре — в память о посещении огоньковцами Звездного городка.

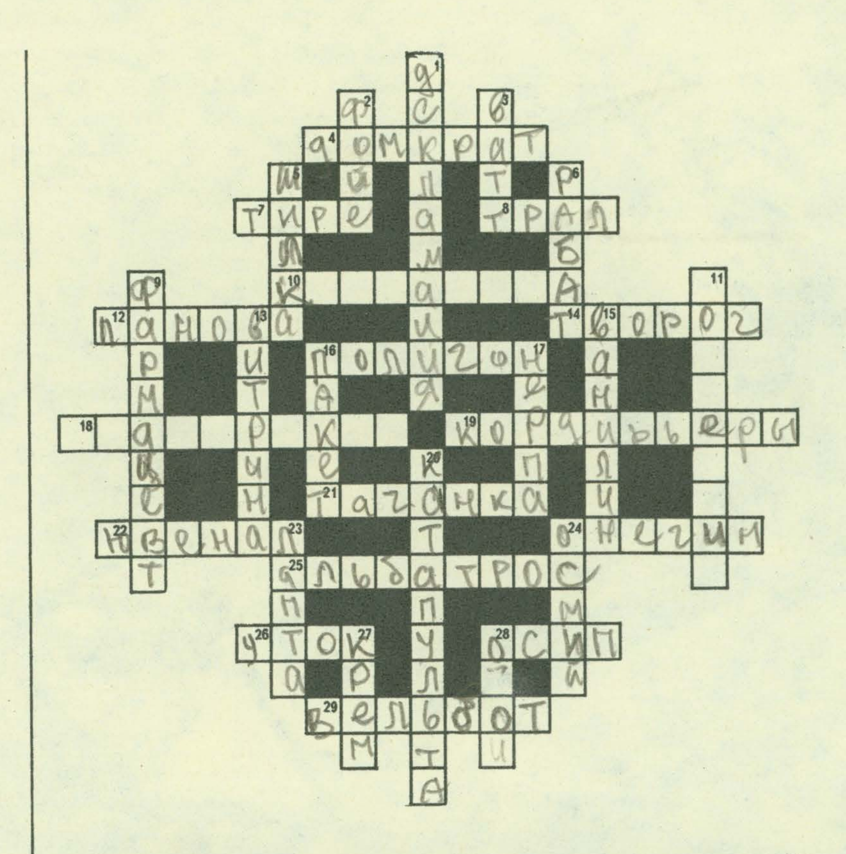
Во встрече приняли участие сотрудники редакции: А. Голиков, В. Капустин, Л. Мурашова и писатель Г. Гончаренко.

Летчик-испытатель М. Попович.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Грузоподъемный механизм. 7. Знак препинания. 8. Большая рыболовная сеть. 10. Порт в Колумбии. 12. Советская писательница. 14. Молочный продукт. 16. Участок суши или моря, оборудованный для учебных стрельб. 18. Курорт в Крыму. 19. Горная система в Америке. 21. Картина М. Б. Грекова. 22. Римский поэт-сатирик. 24. Герой произведения А. С. Пушкина. 25. Птица отряда буревестников. 26. Поперечные нити ткани. 28. Персонаж комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». 29. Легкая, быстроходная шлюпка.

По вертикали: 1. Выразительное чтение. 2. Помещение в театре, кино. 3. Единица мощности. 5. Река в Читинской области. 6. Столица Марокко. 9. Работник аптеки. 11. Поэма А. А. Блока. 13. Место для показа товаров, экспонатов. 15. Душистое вещество, употребляемое в кулинарии. 16. Конверт с письмом официального назначения. 17. Ластоногое животное. 20. Устройство для автоматического выбрасывания из самолета летчика. 23. Русская игра с мячом. 24. Химический элемент. 27. Косметическая мазь. 28. Басня И. А. Крылова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали: 5. Константина. 8. Монумент. 9. «Бригадир». 11. «Норма». 14. Венерн. 18. Палтус. 19. Сметана. 20. Гелиограф. 21. Махачкала. 23. Радиола. 25. Радуга. 26. Арахис. 28. Лотос. 31. Светофор. 32. Хирургия. 33. Филадельфия.

По вертикали: 1. Штокман. 2. Донегол. 3. Есенин. 4. Шторка. 6. Бойлер. 7. «Шинель». 10. Сенбернар. 12. Ротапринт. 13. «Будильник». 15. Ниагара. 16. Эскадра. 17. Шарабан. 18. Палатка. 22. Булава. 24. Гаршин. 27. Хроника. 28. Леохар. 29. Стильб. 30. Крушина.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: На 132-м километре дороги Бам — Тында. Работает путеукладчик * Вера Соколова, библиотекарь Дома культуры «Юность» * Тындинский аэропорт.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Идет строительство железнодорожного моста, самого крупного на трассе Бам — Тында. См. в номере «БАМ, улица Диогена».

Рисунки В. Харченко.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. КУДРЯВЦЕВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 6/I — 75 г. А 00763. Подп. к печ. 21/I — 75 г. Формат 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 194. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 14.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

За несколько дней до премьеры.

Л. ВИРИНА

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Торжественной полутьмой постепенно сменяется сверкание люстр, тяжелые драпри опускаются на двери, надежно отделив партер, ложи и балкон от всех помех из «внешнего мира». Только свет рампы властвует теперь в театре, только музыка Дмитрия Шостаковича властвует переполненным залом.

Взмах дирижерской палочки — как призыв. Дирижерская партитура оперы «Катерина Измайлова» — удивительное многообразие контрастности, а вместе с тем гармония, целостность мыслей и чувств, воплощенных в этом выдающемся произведении советской оперной музыки.

Более сорока лет назад написал Дмитрий Шостакович свою оперу по повести Н. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда». Еще через два с лишним десятилетия композитор возвратился к партитуре. Вторично на протяжении нескольких лет обращается к «Катерине Измайловой» и Киевский Академический театр оперы и балета имени Т. Г. Шевченко. Как и при первой сценической редакции, за дирижерским пультом замечательный мастер советского музыкального искусства народный артист СССР Константин Симеонов. Режиссура спектакля осуществлена заслуженным деятелем искусств Украины Ириной Молостовой.

Высокий гуманизм оперы Дмитрия Шостаковича, утверждение свободолюбия и силы человеческой души, неизменно побеждающих тьму и деспотизм, ярко звучат в новом, подлинно современном спектакле.

— Киевская постановка «Катерины Измайловой» — одна из лучших, которую я видел и у нас в стране и за рубежом. Особенно сильное впечатление оставляет звучание оркестра — чистое, слаженное, динамичное. Радостно отметить и молодых талантливых певцов. Из исполнителей главных партий мне трудно выделить кого-нибудь. Все запомнились!

Такую оценку дал новому спектаклю Дмитрий Дмитриевич Шостакович. Эти слова с благодарностью и волнением восприняли исполнительница заглавной партии заслуженная артистка УССР Е. Колесник, талантливые молодые певцы А. Загребельник, А. Кочерга, В. Головчук, Л. Кравченко; хормейстер Л. Венедиктов, художники Д. Боровский и В. Клементьев — весь творческий ансамбль, создавший спектакль.

Дмитрий Дмитриевич Шостакович.

ВЛАСТЬ

Дирижер Константин Арсентьевич Симеонов.

Евдокия Колесник в роли Катерины Измайловой.

ТАЛАНТА

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663